
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ АВСТРИИ
Образовательные программы сотрудничества *KulturKontakt*
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ
EUROCLIO

Метаморфозы истории

Альманах

Выпуск 2

ПГПИ
ВЕНА-ПСКОВ
2002

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

ББК 63
М-54

Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 2.

Вена - Псков. Издательство Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова. 2002. 308 с.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и редакционно-издательского совета ПГПИ им. С.М. Кирова.

Издание осуществлено при финансовой поддержке **KulturKontakt** (образовательные программы сотрудничества министерства образования и культуры Австрии).

Редакционная коллегия:

В.С. Антипов (Россия)

Й. Ван дер Лееув-Роорд (Нидерланды)

В.Н. Гарбузов (Россия) - ответственный редактор

В.А. Дмитриев (Россия)

М. Маргинтер (Австрия)

Д. Уэлборн (США)

А.Л. Хорошкевич (Россия)

А.В. Юрасов (Россия) - зам. ответственного редактора

Второй выпуск альманаха "Метаморфозы истории" включает в себя статьи, предназначенные учителям истории, студентам исторических факультетов педагогических институтов и университетов, учащимся старших классов, всем интересующимся прошлым зарубежных стран, их взаимоотношениям с Россией.

ISBN - 5-87854-201-3

© Псковский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова (ПГПИ им. С.М. Кирова), 2002

**Памяти
Виктора Константиновича
ФУРАЕВА**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

И. В. Пьянков К вопросу о формационном и цивилизационном подходах 7

РОССИЯ И ЗАПАД

Е. Л. Назарова Крестовые походы за р. Нарву в XIII в.: планы и их реализация 21

А. В. Павлов Российские либералы и революционные демократы о якобинцах 43

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

А. Е. Королев Московский договор 1896 г.: тайные страницы русско-китайских отношений 55

ИСТОРИЯ НАУКИ

Академик АН СССР *И.К. Кикоин* Немецкий дневник: письма 1930 г. 94

В. В. Митин Из истории деятельности монгольской комиссии АН СССР в 1920-е годы 106

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Филимонов Иностранцы военнопленные в Пскове (1945-1949 гг.) ... 129

С. Н. Щеголихина Европейцы об офицерах США в годы первой мировой войны 152

С.В. Кускова Малолетние узники “Третьего рейха “ 162

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Т.В. Королева* Женское движение в годы
Великой французской революции 170
Н. А. Шведова Женщины США на пороге третьего тысячелетия 187

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

- О. В. Попова* Взаимоотношения церкви и государства
в СССР: традиции и опыт 219

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

- В. А. Дмитриев* Юлиан Отступник: человек и император 246
Т. В. Алентьева Уильям Пенн, квакеры и основание пенсильвании 259

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. С. Антипов* Наследие историка в курсе историографии
нового времени 273
М. Ю. Колпаков Видукинд Корвейский
и его исторический метод 286

ИСТОРИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

- К. О. Битюков, М. С. Ерохина* Историческое образование
в школах Европы 293
Сведения об авторах 305

И. В. Пьянков

К ВОПРОСУ О ФОРМАЦИОННОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОДХОДАХ



Формационный и цивилизационный подходы — два разных подхода к изучению и преподаванию истории. В последние годы у нас идет практически непрерывная дискуссия: какой из этих подходов следует предпочесть, а может быть, сочетать их, и как именно? Действительно, этот вопрос имеет очень большое и теоретическое, и практическое значение. В теоретическом плане он является, в сущности, иной формулировкой вопроса о предмете исторической науки [1]. В практическом отношении он важен потому, что от ответа на него зависит выбор принципа построения курса истории.

До недавнего времени единственно возможным подходом у нас был формационный. Об этом четко и безоговорочно писалось в вузовских учебниках; например, так: “В университетском курсе всемирной истории история рабовладельческого общества, рабовладельческой формации носит название истории древнего мира” [2]. Сейчас, напротив, чаще говорят об истории как об истории цивилизаций, это стало даже своего рода модой. Тот же университетский курс истории древнего мира теперь часто именуется “историей цивилизаций древнего мира”.

Для того, чтобы самостоятельно разобраться в вопросе, сделать свой вывод, необходимо, разумеется, точно определить сами понятия “формация” и “цивилизация”. Но перед этим нужно выполнить еще одну

задачу: точно определить объект, по отношению к которому осуществляется тот или иной подход. В общих теоретических работах, посвященных интересующим нас вопросам, объект этот обычно фигурирует под несколько расплывчатыми названиями: "страна", "народ", "общество". Но историком необходимы точные дефиниции. С этой точки зрения первые два понятия нам явно не подходят: "страна" – категория географическая, "народ" – этнологическая. Более уместным кажется термин "общество".

Но этот термин вводит нас в такую гущу фундаментальных проблем, что сразу же возникает необходимость ограничить сферу наших поисков. Прежде всего отметим, что под обществом мы будем иметь в виду не "теоретическую абстракцию высокой степени общности" – такую, как "социальная реальность", а отдельную общность людей в конкретных рамках, – иначе, "организационную форму действительного бытия социальности" [3]. Далее, мы будем рассматривать такую отдельную общность в ее целостности, а не ограничивать понятие "общество" только общественными отношениями [4], – другими словами, иметь в виду "глобальное общество" как единство всех форм социальной жизни [5].

Итак, речь идет о некоей "социальной единице" как реальном объекте, к которому могли бы прилагаться критерии формационных и цивилизационных определений. Что это за единица? Уже априори ясно, что она должна быть исторически значимым объединением людей, целостным и самодостаточным, устойчивым, саморазвивающимся. Именно такое объединение часто называют "социальным организмом", "социумом" и т. п. [6]. Эту искомую единицу можно попытаться охарактеризовать также с помощью теории групп и теории систем.

Очевидно, что искомая социальная единица является разновидностью человеческой группы. Какое же место занимает она в классификации этих групп? [7]. Во-первых, если считать, что имеется два основных вида таких групп: условные, или статистические, группы (общности-одинаковости) и реальные группы (общности-объединения), то искомая общность, несомненно, будет относиться ко второму виду. Кстати, "народ" как этнос столь же определенно относится к первому виду [8]. Во-вторых, если реальные группы делить на суммативные (конгломераты, случайные объединения) и целостные, то искомая общность должна принадлежать второму подразделению. Итак, искомая социальная единица – это реальная целостная группа, и при этом группа

сложноорганизованная, самоуправляющаяся и саморазвивающаяся.

Такая группа, разумеется, представляет собой некую систему. Как можно охарактеризовать интересующую нас группу с позиций системного подхода? [9]. Очевидно, это будет настоящая органическая система, поддерживаемая определенным фактором целостности (наличие разных форм управления); субстрат ее (материальная, предметная основа со всеми ее свойствами) имеет сложную структуру (устройство), упорядоченно функционирующую и способную к динамике, т. е. к изменению и развитию.

Если приложить все эти качества искомой социальной единицы к реальной истории, то, пожалуй, наиболее адекватным соответствием ей окажутся государственные объединения разного рода или догосударственные общности — самостоятельные общины, племена и т. д. [10], словом, общности, интегрирующим началом для которых служит суверенное самоуправление [11]. Их можно назвать потестарными общностями [12]. Конечно, более точное определение для таких социальных единиц можно дать лишь на конкретном историческом материале.

Перейдем к понятию "формация", точнее, "общественно-экономическая формация". В марксистской социологии так именуется "общество на исторически определенной стадии развития". Эта стадия определяется способом производства, социальная сторона которого — производственные отношения — составляет экономический базис общества, определяющий всю прочую общественную надстройку. И определяющая роль способа производства, и смена одной стадии другой — проявления фундаментальных социальных законов.

Казалось бы, ясно, что в этих известных всем формулировках речь идет о модели, о типе общества, — общества в смысле той социальной единицы, о которой мы говорили выше. Но общественно-экономическая формация — не просто тип, а тип стадийный [13], характеризующий, как считалось, целую эпоху в развитии человечества, а каждая такая эпоха почему-то должна была обладать лишь одним типом общественного устройства: видимо, так мыслилось единство путей развития человечества. И вот в недрах данной концепции бессознательно, незаметно для самих историков произошла кардинальная подмена понятий: формация как тип была отождествлена с самой характеризуемой ею исторической эпохой в конкретных пространственных и временных рамках [14]. Известно, что логика различает понятия общие и

единичные (не путать с различием понятий по объему). В настоящем случае общее понятие было подменено единичным.

Такая подмена влечет за собой важные последствия. Если "формация" превратилась в единичное историческое понятие, то, например, о каких социальных законах может идти речь в связи с ней? Ведь закон в таком смысле уже по определению — явление повторяющееся. Видимо, для того, чтобы преодолеть возникшее противоречие, стали высказываться странные утверждения об особых "исторических" закономерностях, которые должны включать и общее, повторяющееся в исторических явлениях, и специфическое, индивидуальное [15]. Такие формулировки противоречат самому понятию "закономерность".

Анализ словоупотребления основоположников марксизма-ленинизма показывает, что "общественно-экономическая формация" воспринималась ими все же как общее понятие [16]. Поэтому в дальнейшем и мы будем исходить из того, что данное понятие определяет тип общества, причем "общество" здесь понимается в узком смысле: как совокупность общественных отношений (т. е. лишь как структура социальной системы, а не система в целом), детерминированных экономикой и непосредственно производственными отношениями [17].

Остановимся теперь на понятии "цивилизация". Когда-то в советской науке почти забытое, ассоциировавшееся большей частью с "буржуазной" историографией, оно теперь у нас чрезвычайно популярно и модно. Курсы истории различных эпох, ранее прямо отождествлявшихся, как мы видели, с той или иной формацией, теперь охотно именуется курсами "первобытных", "древних", "средневековых" и т. д. "цивилизаций". Издавна многозначное, теперь это понятие приобрело особенно большой объем значений. Справедливо говорят о "перегруженности" категории "цивилизация", о ее "беспредельной инфляции" [18]. Не пускаясь в дискуссии по поводу строгого определения этого понятия, условимся, что в дальнейшем мы будем употреблять слово "цивилизация" в наиболее широком (по содержанию) смысле, приравнивая его к понятию "общество" в оговоренном выше значении социальной единицы [19]. С этим понятием, как отмечалось выше, сопряжено и понятие "формация". Но если "формация" определяет тип "общества", то "цивилизация" характеризует индивидуальность единичного "общества", его своеобразие и генезис. Иначе говоря,

нашему пониманию "цивилизации" соответствует уточненное определение "локальная цивилизация", выделяющее данное значение термина среди безбрежного моря других его значений. Действительно, только такое его значение и удовлетворяет требованиям "цивилизационного" подхода [20].

Принимая уравнение "цивилизация" = "общество", видимо, все же нужно вносить в него некоторые ограничения. Во-первых, всякое ли "общество" является "цивилизацией"? Вряд ли можно дать на этот вопрос однозначный ответ, но кажется, что для того, чтобы избежать размывания рассматриваемого понятия, стоит сохранить старое представление о "цивилизации" как обществе, достигшем определенного уровня развития, а именно, как обществе стратифицированном (классовом). В таком случае самыми ранними цивилизациями будут древние города-государства, а догосударственные общины и общества с племенной структурой останутся за рамками этого понятия. Во-вторых, "общество" и "цивилизация" могут не совпадать в таксономическом смысле. "Цивилизация" может быть представлена как одним, так и несколькими "обществами". Очевидно, "цивилизация" в указанном здесь смысле относится к тому же классу понятий, что и "историко-культурная область", "культурный круг" и т. п. [21], и должна находиться в нем на определенном таксономическом уровне.

Цивилизационная принадлежность, индивидуальная неповторимость единичного общества наиболее заметно выражается в области духовной жизни [22] и формируется в процессе конкретного, неповторимого пути развития данного общества. Поэтому, говоря о судьбах цивилизаций, приходится оперировать не общими закономерностями, а такими конкретными понятиями, как "социальный генотип", "генетический код" и т. п. [23], которые кажутся весьма плодотворными в плане цивилизационного подхода.

Несколько слов о такой очень близкой "цивилизации" категории, как "культура". Термин этот, пожалуй, еще более многозначен, чем термин "цивилизация", и, как и этот последний, в своем наиболее широком значении имеет тенденцию к уравниванию с понятием "общество" [24]. Можно сказать, что культура — это все виды человеческой деятельности со всеми ее средствами и результатами, с ее организацией, за исключением, пожалуй, самого деятеля. В отличие от "цивилизации" категория "культура" приложима к любому обществу, а также к части общества

— например, к социальному слою, к другим человеческим группам — например, к этносу. В остальном содержание обоих понятий — “культура” и “цивилизация” — фактически одинаково, одинаково и их соотношение с понятием “общество” [25]. Правда, говоря о категории “культура”, нужно учитывать еще один нюанс в ее значении, причем именно в ее наиболее общем значении: когда, разделяя историю общества на “историю событий” и “историю состояний”, последнюю и считают “историей культуры”. Таким образом, в этом случае “культура” выступает лишь как один из двух аспектов изучаемого общества.

Итак, мы рассмотрели обе категории: “формация” и “цивилизация”. Какой же подход предпочтительнее, формационный или цивилизационный? Для историка это вопрос не только чисто теоретический, но и практический. От ответа на него, например, зависит способ построения курса лекций.

Обратимся к дискуссиям последних лет, в которых определяются и сопоставляются формационный и цивилизационный подходы [26]. В условиях, когда нашими теоретиками и практиками проблема общего и единичного затрагивалась редко, а чаще совсем не осознавалась, естественно, и попытки связать формационный и цивилизационный подходы с типологизирующим и индивидуализирующим методами предпринимались участниками дискуссий лишь изредка и не вполне отчетливо. Раз и формация, и цивилизация — одинаково “куски” единичной, индивидуальной, конкретной по месту и времени всемирной истории, причем формация, по уже укоренившемуся убеждению, — эпоха всемирной истории, то нетрудно предугадать, по какому пути пойдет разграничение и оценка формационного и цивилизационного подходов.

Действительно, большинством участников дискуссий цивилизационный и формационный подходы толковались, соответственно, как рассмотрение обществ в пространственном и временном аспектах (“ось пространства” и “ось времени”), в синхронии и диахронии, с различными смысловыми оттенками и вариациями: статика, структура и функции — динамика, стадильность; устойчивость и непрерывность — изменчивость и разрыв непрерывности; эволюция — революция и т. п.

Понятно, что, исходя из таких позиций, большинство участников дискуссий высказывалось за совмещение того и другого подходов. При этом, в зависимости от того, какому из подходов отдается предпочтение, предлагают или формации выделять внутри цивилизации, или, наоборот, цивилизации — внутри формации.

Совсем не удивительно и то, что общие схемы, общие контуры мировой истории у сторонников и противников формационного подхода нередко совпадают. Особенно заметно это бывает при обсуждении роли Востока и Запада в мировой истории. Участники дискуссий приходят, по сути, к одним и тем же выводам, хотя одни говорят об "азиатском способе производства" (который понимается то ли как отдельная ступень или путь в пределах формаций, то ли как особая формация) и противостоящих ему способах производства и формациях, а другие, имея в виду то же самое, ведут речь о восточной и западной цивилизациях [27]. Логическим завершением такого процесса является прямая замена ставшего непопулярным термина "формация" на модное слово "цивилизация" при сохранении фактически того же содержания [28].

Конечно, трактовка самой формации, превращенной таким способом в "цивилизацию", тоже несколько меняется. В основном это выражается в возражениях против "экономического редуccionизма", когда тезис о ведущей роли материального производства смягчается, например, путем ограничения его лишь сферой экономики — или вообще отменяется в пользу признания примата духовного производства [29]. Но все это выглядит достаточно поверхностно и формально.

Нам кажется, что лучше всего было бы вернуть "общественно-экономической формации" первоначальное значение социальной модели, типа общества и рассматривать формационный и цивилизационный подходы как типологизирующий и индивидуализирующий методы.

В таком случае каково же место того и другого подходов в исторической науке? Четкий ответ на этот вопрос дали еще на рубеже XIX и XX веков В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Близкие им идеи на российской почве развивал один из крупнейших отечественных историков Н. И. Кареев в своей книге "Теория исторического знания" [30], где изложена удивительно глубокая, стройная и целостная в своей логичности теория исторической науки. К сожалению, теоретики советского времени, вынужденные ограничить сферу своих исследований толкованием вкривь и вкось одних и тех же цитат из "классиков марксизма-ленинизма", совсем не собиравшихся дать законченную концепцию теории исторического знания, указанный труд Н. И. Кареева вообще игнорировали.

Труды названных ученых позволили уяснить, что науки делятся на два вида: идиографические и номотетические (по В. Виндельбанду), или номологические (по Н. И. Карееву). Первые имеют целью изучение единичного, индивидуального, а вторые — изучение общего и, в конечном счете, установление закономерностей. Из числа наук, объектом которых является общество, к первым относится история, ко вторым — социология. Та и другая науки тесно взаимодействуют: история помогает социологии со стороны научно установленных фактов, подтверждает, отрицает или уточняет ее положения, социология помогает истории со стороны общих научных идей, отвечает на вопросы о факторах и закономерностях [31].

Предмет исторической науки — человеческий коллектив, общество (государство, нация), а также отдельная личность (это предмет исторической биографии) [32]. Для истории все это предмет идиографического изучения, когда факты рассматриваются в их географической и хронологической определенности, а сами факты могут быть единичными и коллективными [33]. Под единичностью здесь понимается одноактность (события), а под коллективностью — повторяемость, стереотипность в рамках конкретного общества (состояния). События и состояния, конечно, не могут быть реально разными явлениями, это лишь разный подход. Факты-события — совершаются, это прагматика. Факты-состояния — существуют, это культура в самом широком смысле: культура материальная, духовная и общественная. Она может быть рассмотрена в аспекте структуры ("анатомия") и функций ("физиология"), статики и динамики и т. д. [34].

Как идиографическая наука история не устанавливает законов (исторических законов и не существует), но может показывать проявление законов в данной индивидуальной комбинации фактов [35]. Далеко не каждое историческое исследование ставит себе даже такую задачу, но там, где она ставится, решение ее представляет собой последний, завершающий этап теоретического познания в истории — детерминационное историческое объяснение. В этой процедуре участвуют объясняемое историческое явление (экспланандум) и объясняющие положения (эксплананты), главными из которых являются "охватывающие" законы [36]. Другими словами, если историк и имеет дело с социологическими законами, то не формулирует их, а использует для объяснения индивидуального

исторического явления, т. е. опять-таки имеет своей целью индивидуальное, единичное, а не общее [37]. Логически эту процедуру можно охарактеризовать как эмпирическую интерпретацию — гипотетико-дедуктивный (аксиоматический) метод [38].

Итак, подводя итог всему сказанному, мы можем заключить, что цивилизационный, индивидуализирующий подход полностью отвечает требованиям истории как идиографической науки. Важно отметить, что цивилизации характеризуют историю человечества не только в горизонтальной плоскости, или по оси пространства: они имеют и локальные, и временные рамки, а их своеобразие обусловлено наряду с прочим и стадийным уровнем.

Что касается формационного подхода, то в том виде, в каком он осуществлялся в советской науке, он, в сущности, тоже является индивидуализирующим, хотя обоснованность его гораздо менее очевидна. Реальность каких-то стадийных элементов, общих и синхронных для всего или большей части человечества вполне возможна, но конструируемые всемирные стадии, перекрывающие цивилизационные границы, весьма проблематичны. Большие эпохи всемирной истории слишком европоцентричны и потому условны, а в советской марксистской историографии имеют еще и довольно наивную телеологическую окраску.

Действительно же формационный, типологизирующий подход является методом социологии как номологической науки. В истории используются лишь его результаты в качестве вспомогательного средства на заключительном этапе исследования. К сожалению, сейчас еще нельзя сказать, что результаты эти вполне надежны и бесспорны. Видимо, установление настоящих формационных типов общества [39] — дело не близкого будущего.

Существует странное убеждение, что научным может быть только такое познание, которое "открывает законы". Думается, это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что наши историки упорно ищут непременно свои, "исторические" законы. Но есть области знания, где и научный характер, и ценность имеет познание именно единичного и неповторимого. К ним относится и история с ее индивидуализирующим методом. Ценность ее заключается в том, что она удовлетворяет одну из насущнейших и древнейших потребностей человека — знать свое прошлое во всем его своеобразии и неповторимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Я являюсь сторонником той точки зрения, согласно которой следует различать объект и предмет исторической науки. Объект — историческая реальность, человеческое общество. Предмет же выражается в формулировании теоретических задач исторической науки, которые как раз и определяет тот или иной подход.
2. История Древнего Востока. 2-е изд. / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1988. С. 4.
3. Такое разделение значений общепринято; см., например: Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 59, 60; Момджян К. Х. Социум. Общество. История. М., 1994. С. 67, 77.
4. И такое разграничение значений тоже давно проводится; см., например: Общественные отношения. Вопросы общей теории. М., 1981. С. 9, 10.
5. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 188, 189, 193.
6. Так, например: Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Социология. М., 1995. С. 35—39, 153, 196, 217, 305. Впрочем, иногда предлагают именовать "социумом", напротив, самую высокую степень абстракции — "социальную реальность": Момджян К. Х. Ук. соч. С. 67. Однако попытки более точного определения искомой единицы обычно ничего конкретного не дают. Ясно, что "общество в узком смысле" — это не отдельная личность ("Робинзон") и не отдельная семья ("семья Ивановых" в России, "семья Шмидтов" в Германии), а настоящее российское или немецкое общество (Момджян К. Х. Ук. соч. С. 75—77). Но что такое "настоящее" российское или немецкое общество? Конечно, "социум" — это не индивид и не малая группа (Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Ук. соч. С. 35, 36), но объяснение, что "социум" — это "группа, слой, организация, коллектив, семья, нация, народ и т. д." (Там же. С. 37), "социальный организм" — страна, государство, группа стран или человечество в целом (Там же. С. 39), а то и другое — общности от семьи и малой группы до "многомиллионных этносов" (Там же. С. 153), — фактически опять оставляет вопрос без ответа.
7. О классификации групп см.: Щепаньский Я. Ук. соч. С. 116—125, 135—139; Платонов К. К. Общие проблемы теории групп и коллективов / / Коллектив и личность. М., 1975. С. 3—17; Веселкин Е. А. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976. С. 125—152; Обозов Н. Н. Общие понятия о группах и коллективах // Социальная психология. История, теория, эмпирические исследования. Л., 1979.
8. Вопреки мнению Ю. В. Бромлея; см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. 1983. С. 25. В данном случае, к сожалению, нет возможности остановиться на этом вопросе подробнее.
9. Об обществе как системе см.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980; он же. Общество: системность, познание и управление. М. 1981.

Питц Э. Исторические структуры // Философия и методология истории. М., 1977. С. 168 – 196. См. также: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

10. Так, Ю. В. Бромлей называет в качестве последовательных ступеней развития социального организма (макросоциальных общностей основного уровня) первобытное стадо (еще не подлинный социальный организм), племя, государство: Бромлей Ю. В. Ук. соч. С. 34, 35, 62. Конечно, под "племенем" здесь нужно понимать не аморфную этническую общность, а общность организованную – протогосударственное "вождество", см. по этому поводу: Васильев Л. С. История Востока, I. М., 1994. С. 59 – 65. Фактически как государственное объединение определяется "общество" и в социологических работах: это "объединение людей, имеющее определенные географические границы, общую законодательную систему и определенную национальную (социо-культурную) идентичность" (Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 656).

11. Конечно, такое определение весьма относительно и в каждом отдельном случае требует исторической конкретизации, что справедливо отмечает Э. Н. Лооне, допускающий подобное определение для "исходной универсальной единицы" ("социального организма", "социума"): Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллин, 1980. С. 222.

12. От лат. potestas, "власть". Ю. В. Бромлей называет так только предгосударственный "социальный организм" (Бромлей Ю. В. Ук. соч. С. 34, 35). Но этот термин удобен для любой социальной единицы основного уровня, где объединяющим фактором выступает власть.

13. Иногда почему-то различают стадийный и типологический "уровни" понятия (например: Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 171, 172. Но типология приложима одинаково и к статике, и к динамике общества.

14. Такие "формации" конструировались нашими историками с 30-х годов, со времени известных дискуссий, имевших целью внедрение марксизма в историческую науку. Такое понимание "формации" давало о себе знать вплоть до недавнего времени; ср., например, следующий таксономический ряд: общественно-экономическая формация как "основная форма бытия социальной материи", в ее границах – государства, в рамках государства – административные единицы, города, предприятия и т. д. (Афанасьев В. Г. Общество ... С. 20, 34; он же. Системность ... С. 268 – 271). Но и смешение понятий (смешение "исторического и логического") в подобных случаях было отмечено в отечественной философско-социологической литературе; см., например: Теория общественно-экономической формации ... С. 60 – 66, 97, 105, 106.

15. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 52, 63, 64; Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С. 90 – 92. Если исходить из такой точки зрения, то, например, падение

Рима будет законом истории. Очевидно, в данном случае речь может идти о проявлении каких-то исторических закономерностей, но не о самих закономерностях как таковых.

16. Теория общественно-экономической формации ... С. 64. Подмечено, что в работах В. И. Ленина, даже рассчитанных на массовую аудиторию, "формация" выступает как общее понятие, как тип: Лооне Э.Н. Ук. соч. С. 217.

17. Фофанов В. Н. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 60 – 62, 258, 259.

18. Формация или цивилизация? Сб. статей и материалов. М., 1993. С. 130 (Н. А. Сосновский). О различных определениях термина "цивилизация" см.: Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Составитель Б. С. Ерасов. М. 1998. С. 8 – 35; Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998. С. 21 – 26.

19. Так обычно и понималось это слово в классических работах по философии истории (О. Шпенглер, А. Тойнби и другие): Мыльников А.С. Сравнительное изучение цивилизаций: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 55.

20. Формация или цивилизация?... С. 131 (Н. А. Сосновский).

21. Об этих категориях см.: Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 61 – 65; он же. Теория "культурных областей" в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976. С. 68 – 95; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. 2-е изд. М., 1985; Бромлей Ю. В. Ук. соч. С. 85 – 87; 265 – 272.

22. Ерасов Б. С. Социальная культурология. Ч. I. М., 1994. С. 286, 287.

23. Формация или цивилизация?... С. 21 – 24 (Я. Г. Шемякин).

24. Пелипенко А. А., Яковенко И. Т. Культура как система. М., 1998. С. 7; Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998. С. 9 – 13.

25. О соотношении этих категорий см.: Формация или цивилизация?... С. 18 сл., 29 сл., 130 сл.; Пелипенко А. А., Яковенко И. Т. Ук. соч. С. 16, 17; Ерасов Б. С. Ук. соч. С. 21, 23; Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984. С. 98, 99.

26. См. сборник статей и материалов: Формация или цивилизация? М., 1993.

27. Ср., например, схемы, предлагавшиеся некоторыми участниками дискуссии 60-х годов об "азиатском способе производства" (итог которой подведен в книге: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. 2-е изд. М., 1977) и концепцию крайнего противника формационного подхода Л. С. Васильева (Формация или цивилизация? С. 113, 114; Васильев Л. С. История Востока. Т. I. М., 1994. С. 13 – 19).

28. Ср., например, книгу: Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995.

С. 58—90, где вместо "антиисторичной" и "жесткой" пятичленной схемы общественно-экономических формаций предложена будто бы новая схема "семи мировых цивилизаций" — а в действительности та же, слегка подправленная, "пятичленка", но гораздо менее последовательная и логичная.

29. Формация или цивилизация? ... С. 7, 14, 53, 105, 131 и др. В книге Ю. В. Яковца (Яковец Ю. В. Ук. соч. С. 60) вся обычная схема детерминации в общественно-экономической формации (которая у него преобразована в "мировую цивилизацию") оставлена прежней, только на первое место, перед "способами производства", поставлен "человек (семья)". В новейшей "Истории Востока" (История Востока. I. Восток в древности. М., 1997. С. 8 сл.), где цивилизационный и формационный подходы понимаются как "синхронный и диахронный методы описания", история — это по-прежнему смена формаций (в том числе рабовладельческой) — всемирных стадий во главе с "экономическими связями" (С. 17, 18), хотя теперь "стало яснее, что важную роль в детерминации исторических событий играют также ... социально-психологические и духовные процессы» (С. 12).

30. Кареев Н. Теория исторического знания. СПб., 1913.

31. Там же. С. 220—223. Отношение к этим положениям в нашей научной литературе двоякое. В последнее время можно встретить почти буквальное повторение этих мыслей (Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Ук. соч. С. 55). Ранее же преобладало негативное отношение. Но обвинение в "противопоставлении" эмпирии и теории, истории и социологии (Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 21, 28) явно основано на непонимании сути изложенных положений. Н. И. Кареев специально подчеркивал: теория (номология) должна быть исторична, а история (идиография) — теоретична (Ук. соч. С. 211). Использувавшиеся у нас категории "историческое" и "логическое" как замена "идиографии" и "номологии" страдают крайней многозначностью (Теория общественно-экономической формации ... С. 66—69) и расплывчатостью, при которой, в частности, категории "единичное" ("конкретно-историческое") и "общее" смешиваются с представлением о "генезисе" и "структуре" (например: Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961. С. 170—179).

32. Кареев Н. Ук. соч. С. 302—312.

33. Там же. С. 74—76.

34. Там же. С. 141 сл. Подчеркнем, что между идиографичностью и событийностью истории нельзя ставить знак равенства (ср.: Момджян К.Х. Ук. соч. С. 105, 106, 116).

35. Кареев Н. Ук. соч. С. 223, 224.

36. Гемпель К. Мотивы и "охватывающие" законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977. С. 72. Ср.: Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 287; Ракилов О. А.

Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 278. Лооне Э. Н. Ук. соч. С. 58, 185–187.

37. Это один из тех моментов, на которых (как и на различении общего и единичного) особенно часто спотыкается теоретическая мысль историка. Подавляющее большинство теоретиков истории считает, что раз историк реконструирует прошлое, добывая исторические факты, связывает последние в структурно-функциональные и генетические ряды, а затем и выявляет в них действие "исторических законов", то кому же и формулировать эти законы, как не историку? При этом законы путаются с их проявлениями. Ссылаются на то, как историки, опираясь на свои материалы, открывают "исторические законы" (например: Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 66). Но открытие законов и изучение индивидуального, единичного – принципиально разные подходы, каждый из которых имеет свой предмет и свой метод. Историк, конечно, может открывать и формулировать законы функционирования и развития общества, но в таком случае он будет выступать уже как социолог. Кстати, историческая социология – давно существующая и весьма перспективная область науки.

38. Логика научного исследования. М., 1965. С. 115–134.

39. Ср. о "возвращении полнокровного смысла формационному подходу" (Формация или цивилизация?... С. 131: Н. А. Сосновский). Ср. также предложение о различении понятий "общественная формация" и "общественно-экономическая формация" как более широкого и более узкого (Ковалев А. М. Способ производства общественной жизни и общественно-экономическая формация // Общественно-экономические формации: проблемы теории и методологии. М., 1983. С. 14).

Е. Л. Назарова

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ЗА Р. НАРВУ В XIII В.: планы и их реализация

К концу 1-й четверти XIII в. крестоносцы, воевавшие против эстов, прочно обосновались на границе с северо-западной Русью. В 1225 г. было образовано Дорпатское епископство, включавшее земли по западному берегу Чудского озера. Севернее — по реке Нарве, Новгородская Русь граничила с эстонской землей Вирония (Вирумаа)².

Чрезвычайно важным в стратегическом плане был бы захват южного берега Финского залива от р. Нарвы до р. Невы. В случае успеха, оказывался перекрытым доступ Новгорода к морю, под удар крестоносцев попадала Карелия, Новгород терял возможность совершать походы в земли еми через Финский залив. Кроме того, огромный урон понесла бы новгородская торговля. Для крестоносцев открывался выход на Ладогу и далее в северо-восточную Европу. К тому же в руки крестоносцев попадало Ижорское плато, которое было в средневековый период основной житницей Новгородского государства³.

Этно-социальная ситуация в данном районе также могла помочь крестоносцам в осуществлении их замыслов. Хотя русская колонизация на Ижорском плато проходила с XI в., в XIII в. здесь продолжали жить местные финноязычные ("чудские") народы, известные по летописи как воль и ижора⁴. Об их активной военной и торговой

деятельности в регионе сохранились сведения, восходящие уже к 60-80 годам XII⁵.

На рубеже XII-XIII в.в. у финноязычных народов Северо-западной Руси уже сформировался слой социальной элиты, претендовавшей на власть в названных землях - территориально-административных единицах Новгородского государства. Представителем такой элиты являлся ижерианин Пелгусий, известный по "Житию Александра Невского".⁶ Местные нобили концентрировали в своих руках крупные земельные владения. Кроме того, они, вероятно, в значительной мере контролировали в своих землях и внешнюю торговлю. В первую очередь — торговлю оружием. О том, насколько выгодна такая торговля была для западноевропейских и скандинавских купцов, свидетельствуют папские буллы рубежа 20-30 г.г. XIII в. В них понтифик требовал применять церковную кару к тем, кто нарушал эмбарго на торговлю с водью, ижорой и карелами, введенное из-за активного противостояния Новгородского государства крещению еми шведами⁷

В источниках не сохранилось известий (кроме рассказа о Пелгусии) об отношениях местной чудской знати с Новгородом. Без сомнения, однако, шла борьба за перераспределение политической власти в самих этих землях между отдельными знатными семьями, что вообще характерно для периода становления феодального общества. Тем более, что укрепление экономического положения отдельных представителей знати влекло за собой стремление их занять соответствующую нишу во властных структурах. Старейшины, которые уже имели власть над соотечественниками, опирались на поддержку Новгорода. Те же, кто хотел эту власть получить, были открыты для заимствования помощи извне. Аналогичная ситуация существовала и в регионе Восточной Прибалтики ко времени появления там католических священников и крестоносцев⁸.

По мнению Е.А.Рябинина, тот факт, что князь Александр доверил Пелгусию охранять путь из Финского залива в Неву, свидетельствует о высокой степени прочности связей между ижорой и Новгородом⁹. Но Пелгусий — крещённый и верно служивший новгородскому князю — скорее, исключение, нежели правило, в среде финноязычной элиты данного региона. Водская и Ижорская земли - административные единицы Новгородской Руси представляли собой этнически смешанные области.

Продолжающаяся с XI в. русская колонизация наиболее плодородных земель Ижорского плато ограничивала возможности для расширения владений местных нобилей. Естественно, что это вызывало их недовольство. Кроме того, согласно исследованиям археологов, водь и ижора в первой половине XIII в. в подавляющем большинстве оставались язычниками¹⁰.

Именованное его "старейшиной земли Ижорстей" указывает на главенствующее положение Пелгусия среди ижорских нобилей данной административной области. Очевидна также приверженность Новгороду самого Пелгусия и населения округа, власть над которым принадлежала его роду. Этот округ располагался между южным берегом Финского залива и р. Невой¹¹. Но ижеряне жили на значительно более широкой территории и не только в пределах Ижорской земли. Археологические памятники ижоры известны по побережью Финского залива к северу от Ижорского плато, административно подчиненного Водской земле¹². Естественно, что на таком обширном пространстве существовало несколько ижорских округов, тяготевших к бывшим племенным центрам. Упоминание "Жития" о том, что Пелгусий жил "посреди рода своего погана суца", вряд ли относилось к его кровным родственникам и ближайшему окружению. Скорее, имелись в виду его соотечественники, в первую очередь, остававшиеся в язычестве нобили из других ижорских округов. И, надо полагать, не все они были столь же лояльны по отношению к Новгороду, как Пелгусий, власть которого подкреплялась поддержкой новгородского князя. Участие их вместе с новгородцами в отражении набегов шведов и еми на Неву и Ладожское озеро не является показателем их реального отношения к Новгороду.

Наиболее обособленным от Новгорода был район между реками Нарвой и Систой, к XIII в. еще чрезвычайно мало затронутый русским влиянием. Именно здесь вплоть до XX в. проживало подавляющее большинство из сохранившейся в Российской империи народности водь. Как полагают исследователи, в границы собственно Водской земли этот район не входил и был известен в русских источниках XV-XVI в.в. как "погосты в Чуди". А в XIII в. здешнее население называлось "чудца".¹³

Языческая и еще плохо адаптированная в Новгородском государстве чудца была наиболее благоприятным объектом для деятельности ливонских миссионеров, которая, по всей вероятности, должна была предшествовать появлению здесь крестоносцев.

Следует учитывать, что крестоносцы, воюя в Восточной Европе, заявляли о защите от язычников всех христиан, независимо от конфессии. Завоевание земель православных христиан без каких-либо оправдательных мотивов противоречило бы данному постулату. Поэтому любые агрессивные меры крестоносцев против православных объяснялись в папских буллах тем, что они поддерживают язычников, угрожавших христианской (то есть, католической) церкви. Появление в Новгородском государстве католической общины, которую требовалось бы защищать от притеснения других язычников или православных, было бы удобным оправданием для перехода крестоносного войска через р. Нарву. Не исключено, что, уговаривая старейшин чудцы принять католичество, миссионеры обещали защитить их от власти Новгорода.

В католическом мире на финноязычные районы Новгородского государства оказалось сразу несколько претендентов: Орден меченосцев -(позже — Ливонский Орден), Рижский епископ (затем - архиепископ), Датское королевство и Лундская церковь, а также Швеция и Упсальская церковь. Естественно, что пересечение интересов приводило к конкуренции между ними. Высадившись в Эстонии в 1219 г., датчане рассчитывали вытеснить меченосцев и рижского епископа из всего региона к северу от р. Даугавы (Западной Двины). В соперничестве между Данией и Ригой особое значение приобрела борьба за обладание приграничной с Русью северо-восточной эстонской землей Вирония (Вирумаа). Главенство в этом районе давало преимущества при дальнейшем наступлении за р. Нарву. Победа не без помощи папства досталась Дании, образовавшей здесь в 1220 г. новое епископство в составе Лундского архиепископства. Но от претензий на всю Ливонию, включая Ригу, Дании пришлось отказаться¹⁴. Поэтому присоединение земель к востоку от Виронии было бы единственной возможностью для Дании увеличить ее восточноприбалтийские владения.

К зиме 1221-1222 г. относится первое известное по письменным источникам вторжение в земли води и ижоры с территории Ливонии¹⁵, во время которого было захвачено много пленных и взята большая добыча. С.С. Гадзяцкий говорит об этом событии как о "вторжении рыцарей" в новгородские владения¹⁶. Однако для этого нет оснований, поскольку походы за р. Нарву — в "соседнюю область" (то есть, в район обитания чудцы) и еще дальше: "в землю, называемую Ингария", эсты предприняли в ответ

на разорительную для местных жителей военную экспедицию русско-литовского войска в Ливонию в начале 1221 г. Будучи подданными меченосцев, жители из эстонских земель Уганди (Унгавния) и Сакала действовали, разумеется, с благословения Ордена. Но сами рыцари в этих походах не участвовали. Нет также оснований рассматривать походы в земли води и ижоры как стремление меченосцев опередить датчан в покорении северо-западных районов Новгородской Руси.

В условиях начавшейся в Датском королевстве междоусобицы, которая с некоторыми перерывами длилась до конца 20-х гг. XIII в.¹⁷, датчане не сумели использовать полученное ими позиционное преимущество на границе с северо-западной Русью. Пользуясь слабостью Дании, меченосцы захватили ее владения в Эстонии, выгнав епископов Лундской церкви. Король Дании Вальдемар II пожаловался на рыцарей в Рим. В 1226 г. состоялся акт дарения датчанами своих эстонских провинций папской курии, в результате чего здесь была образована область, подчиненная непосредственно папе¹⁸. Рассматриваемый политический шаг был предпринят папством не только с целью погасить конфликт между датчанами и Орденом, но и для того, чтобы не допустить утверждения в северной Эстонии власти Рижского епископа, под духовной юрисдикцией которого находились меченосцы. Кроме того, устанавливая свое прямое правление над пограничными с Новгородским государством землями, папская курия облегчала себе контроль над предстоящей деятельностью католической церкви в северо-западной Руси. Но поскольку в качестве основного исполнителя крестоносных планов в новгородских владениях предполагался Орден Меченосцев, светская власть его в новой папской области реально никак не ущемлялась.

Однако война с местными народами к югу от Даугавы требовала сосредоточения основных сил Ордена на куршско-земгальском фронте. Соответственно вопрос о развитии наступления на южном побережье Финского залива пришлось отложить. Кроме того, на рубеже 20-30-х гг. осложнилось положение Швеции в Южной Финляндии. Там активизировалась антикатолическая борьба еми, поддерживаемая Новгородом¹⁹. Чтобы не допустить отпадения Финляндии от католической церкви и уничтожения шведской колонии, папа Григорий IX вознамерился использовать силы Ордена меченосцев. В булле от 24 ноября 1232 г. он обратился к меченосцам с призывом помочь христианам в

Финляндии защитить "новые ростки христианской веры" от "неверных русских"²⁰.

И.П.Шаскольский видит в этой булле первое указание на "проект объединения сил немецких и шведских рыцарей для совместной борьбы против русских"²¹. Однако с самого начала было ясно, что этот призыв останется не реализованным. Меченосцы с трудом справлялись со своими обязанностями в Ливонии. К тому же 15 рыцарей Ордена (со слугами всего не менее 80 человек) перешли на службу к мазовецкому князю и в 1228 г. получили от него земли в Добриньской области и Куявии²². Притоку же свежих сил крестоносцев из Германии мешали датчане, которые в отместку за потерю эстонских владений "заперли" любекскую гавань для кораблей, отправлявшихся в Ливонию. Причем снять блокаду не помогли даже требования и угрозы из Рима²³. Сложности, возникшие в Ордене, заставили магистра Волквина уже с начала 30-х гг. начать переговоры об объединении меченосцев с Тевтонским Орденом²⁴.

В самой Ливонии в 1231 г. усилилось противостояние из-за Северной Эстонии между меченосцами и представителем папской курии в Ливонии вице-легатом Балдуином Альнским. Балдуин жаловался на рыцарей в Рим. Меченосцы же обратились за покровительством к Германскому императору — главному сопернику папы в Западной Европе²⁵. Таким образом, объединить силы для совместного наступления даже при всем желании Рима не было возможным.

Для судеб финноязычных народов Новгородского государства знаменательными оказались 1240 — 1241 гг., когда были предприняты один за другим 4 похода из Швеции и Ливонии. Нет сомнения, что на выбор момента для наступления повлияла сложная военно-политическая ситуация на Руси: татаро-монгольское нашествие и разорение 1238 г.

В ходе изучения событий 1240-1241 гг. в историографии была выдвинута теория о спланированном заранее совместном наступлении крестоносцев разных стран на Русь, организацию которого папа поручил легату Вильгельму Моденскому (кардиналу Сабинскому). Эта точка зрения получила поддержку и развитие у историков разных стран²⁶. Но высказывалось и противоположное мнение, подвергшее сомнению возможность достичь объединения католических сил в условиях постоянной политической конфронтации²⁷. Заметим, что среди документов, вышедших в конце

30-х гг. из папской канцелярии, нет таких, которые можно расценить как призыв к крестовому походу в Новгородскую Русь. Некоторые авторы связывали с походом шведов в 1240 г. на Неву буллу папы Григория IX от 7 декабря 1237 г. Однако в ней содержался лишь призыв выступить против отпавших от христианства тавастов (еми), а не идти в земли помогавших им соседей²⁸.

Е.В. Чешихин полагал, что к подготовке крестового похода в новгородские владения на южном берегу Финского залива относится булла от 14 декабря 1240 г. с обращением Григория IX к Лундскому архиепископу собирать в своем диоцезе людей для крестового похода в Эстонию и приравнять его участников к участникам похода в Святую землю. По мнению Чешихина, булла отражала намерения датского короля Вальдемара II присоединить к своим владениям русские земли²⁹. Но в булле нет упоминаний ни о Руси, ни о русских, помогавших эстонским язычникам. Появление буллы вызвано, на наш взгляд, стремлением датчан закрепить за собой о. Эзель (Сааремаа). С 1206 г. Лундская церковь считала его своей епархией и еще в 1236 г. предъявляла на него претензии. Но тогда в результате расследования, проведенного папским легатом, права Лундского архиепископа на Эзельское (Леальское, Вик-Эзельское) епископство не были подтверждены³⁰. Естественно, что это должно было вызвать недовольство Дании, поддержка которой была необходима папе при решении европейских дел. Булла 1240 г. — своеобразное разрешение Дании от Григория IX ввести войско на о. Эзель. При этом папа, сохраняя благорасположение Вальдемара II, официально не нарушал права на остров Эзельского епископа (и его сюзерена — Рижского епископа) и ливонских рыцарей, за спиной которых стоял Тевтонский орден. К тому же был соответствующий предлог для издания буллы: постоянно в разной форме проявлялась враждебность местных эстов к христианам, переросшая чуть позже (в 1241 г.) в восстание и возвращение их к язычеству³¹. Наше предположение подтверждается тем, что в 1243 г., не надеясь на помощь папства, Эзельский епископ Генрих заключил оборонительно-наступательный договор с Рижским и Дорпатским епископами, а также с Ливонским орденом против внутренних и внешних врагов. Отсутствие среди подписавших договор Дании указывает на то, что союз был направлен, в том числе, и против датчан. А в 1251 г. под давлением ливонских правителей датский

король Абель был вынужден отказаться от всех претензий на о. Эзель и Западную Эстонию (Вик)³².

Итак, походы 1240-1241 гг. на Русь, скорее всего, не были подчинены разработанному заранее единому плану. Каждый поход преследовал конкретную цель. При этом, как показывает исследование, не все произошедшие тогда вторжения можно квалифицировать именно как крестовые походы. Хотя в любом случае вновь завоеванные земли попадали бы под духовную юрисдикцию Римского папы. Так, в литературе нет единой точки зрения по поводу того, можно ли считать крестовым поход шведов на р. Неву в июле 1240 г. А.Х. Лерберг предположил, что войско, оказавшееся в устье Невы, первоначально было собрано для похода против еми — в ответ на буллу папы от декабря 1237 г. Но узнав о татарском нашествии на Русь, шведское командование решило использовать момент, прикрываясь папским крестом³³.

Версия Лерберга, оказавшись она верной, объясняла бы, почему в Синодальном списке Новгородской Первой летописи упоминается о нескольких епископах в шведском войске. Именно на этом строилось распространенное в историографии определение данного похода как крестового³⁴. Однако само предположение Лерберга представляется противоречивым. Он полагал (основываясь на сообщении Синодального списка), что в шведском войске были отряды суми и оставшихся верных христианству родов еми. Но в таком случае положение христианской общины в Южной Финляндии, к спасению которой призывала булла 1237 г., еще более осложнялось. Христиане здесь оказались бы совсем без защиты от вернувшихся к язычеству родов еми и их союзников — карелов. К тому же есть сомнения в сообщении Синодального списка о составе шведского войска³⁵. Кроме того, безусловная ошибка — православное имя Спиридон у одного из шведских воевод. Исходя из этого, можно усомниться и в достоверности упоминания о нескольких епископах.

Характерно, что "Житие Александра Невского", древнейший список которого старше Синодального списка и, как полагает В.Л. Янин, в основе имеет новгородскую версию³⁶, о епископах вообще не сообщает. Между тем, в "Житии" есть много фактов, реальность которых подтверждается другими документами. То есть, автор памятника был хорошо информирован о деталях Невской битвы и связанных с ней событий. Одна из целей "Жития" — отражение идейного превосходства православия над католичеством. Поэтому

упоминание агиографом об иерерхах католической церкви в составе потерпевшего поражение шведского войска было бы весьма выигрышным моментом.

На наш взгляд, пришедшее в июле 1240 г. на Неву шведское войско имело вполне конкретную задачу: построить крепость в устье р. Ижоры. Это логически объясняет не только сам факт остановки шведского войска в устье Ижоры, но и сооружение укрепленного лагеря ("обрытья")³⁷. Слухи о разорении татарами Северо-восточной Руси давали надежду на то, что князь Александр Ярославич не получит оттуда подкрепления, и шведское войско, скорее всего, не слишком многочисленное³⁸, сможет сдержать натиск новгородцев во время строительства крепости. Надо полагать, что шведы рассчитывали и на сотрудничество с некоторыми ижорскими старейшинами, не принявшими еще православие и соперничавшие за власть с Пелгусием. Ведь долго существовать в исключительно враждебном окружении крепость вряд ли смогла бы.

В "Житии" после рассказа Пелгусия о видении ему святых Бориса и Глеба князь Александр приказал никому про это не говорить. Сюжет о явлении святых соответствует агиографическому жанру памятника и, по мнению В.Л. Янина, связан с укреплением в Новгороде культа Бориса и Глеба³⁹. Вместе с тем, А.Н. Кирпичников справедливо обратил внимание на то, что утаивать от новгородцев благое от них видение не имело смысла⁴⁰. Поэтому за вложенными в уста князя словами мог стоять реальный приказ сохранить в тайне сведения о продвижении врага. Очевидно, что эта весть могла в первую очередь распространиться среди ижорского населения. Но Александр, вероятно, не очень доверял преданности ижоры за исключением Пелгусия и его окружения. В успехе же проведенной новгородцами операции была немалая заслуга именно ижерян - подданных Пелгусия. Это должно было повлиять на упрочение главенствующего положения Пелгусия среди других ижорских старейшин.

Нет сведений о том, вели ли шведы предварительно переговоры с ижорскими старейшинами о принятии ими католичества. Однако известно, что согласие на обращение в "латинскую" веру дали некоторые старейшины "чудцы" и води, недовольные политикой Новгорода. Как сказано в грамоте епископа Эзельского Генриха от 13 апреля 1241 г., "ожидалось, что они примут христианскую веру"⁴¹. Поход в их земли, который можно квалифицировать как "крестовый", был предпринят зимой 1240-

1241 г., причем основную силу наступавших составляли рыцари Ливонского ордена. Вероятно, в ливонском войске были и вассалы датской короны из Северной Эстонии, а также отряд датского принца Абеля, который, по некоторым сведениям, находился тогда в Ливонии⁴². В результате похода была занята область "погостов в Чуди" и построена крепость Копорье, причем, по словам епископа Генриха, "с согласия многих людей из этих земель". По просьбе Ливонского ордена к папе церковная юрисдикция в новой католической провинции передавалась Эзельскому епископу. Этот "дар" рыцарей епископу был платой за то, что Генрих поделился с ними своими владениями на Эзеле. Не исключено, что часть вновь завоеванной территории первоначально предполагалось уступить Дании и Лундской церкви. Но после смерти короля Вальдемара II в марте 1241 г. принц Абель с отрядом был вынужден срочно вернуться домой, где начал борьбу за власть с новым королем Эриком IV⁴³. Пользуясь моментом, Эзельский епископ и Орден решили с ними не делиться. Эксплуатация новых земель должна была осуществляться в форме десятины со всех доходов, включая рыбу и пушнину. Епископ получал десятую часть от этой десятины (кроме пушнины), предназначенную для содержания "духовных лиц в этих землях".

Крепость Копорье рассматривалась как опорный пункт для дальнейшего наступления Ордена на земли "Ватланд, Нуова (то есть, район вдоль Невы), Ингрия и Карела", на которое, согласно указанной грамоте от 13 апреля 1241 г., рыцари получили разрешение папы. Эти земли определены в грамоте как "земли между Эстонией, уже крещенной, и Русью", то есть, не охваченные деятельностью православной церкви. Данное обстоятельство вместе с ожидаемым крещением местных старейшин явилось основанием, чтобы причислить названные территории к сфере влияния католической церкви.

Численность ливонского войска, вторгшегося в новгородские владения, была, скорее всего, невелика, особенно после возвращения датчан на Родину. Новое же войско из Дании смогло прибыть в Эстонию только в 1244 г⁴⁴. Часть рыцарей из замков в Восточной Эстонии была занята в походе на Псков. Кроме того, эсты Эзеля и Западной Эстонии находились на грани восстания, что требовало постоянного присутствия там орденских отрядов. Силы же рыцарей из собственно Ливонии (то есть, с территории нынешней Латвии) были нацелены на войну с куршами и земгалами. Первоначальному

успеху ливонцев в землях "чудцы" и води способствовала не только позиция местной знати, но также то, что у Новгорода не было возможности сопротивляться: Князь Александр с дружиной ушел в Переяславль, в Пскове хозяйничали рыцари, совершая набеги на новгородские деревни. Однако возвращение в Новгород Александра Ярославича привело к концентрации русских сил. В конце 1241 г. войско, в составе которого кроме новгородцев были ладожане, ижеряне и карелы, выбило рыцарей из Копорья. Часть крестоносцев взяли в плен, а старейшин чудцы и води, перешедших на сторону ливонцев, повесили⁴⁵. После изгнания крестоносцев в районах обитания води и ижоры активизировалась деятельность православной церкви, приведшая к росту числа крещенных местных жителей. Эти изменения четко фиксируются по археологическому материалу⁴⁶.

Потерпев поражение на Чудском озере и опасаясь продолжения наступательных действий князя Александра, ливонцы заключили с ним договор, по которому отказались от всех претензий на земли в пределах Новгородского государства, в том числе, от земель чудцы и води⁴⁷.

Следующая попытка ливонцев утвердиться в пределах Новгородской Руси относится к середине 50-х гг. XIII в. По мнению Е.В. Чешихина, очередной призыв к крестовому походу на Русь содержится в булле папы Иннокентия 1У архиепископу Лундскому и его суффраганам от 20 февраля 1245. Однако в ней говорится только о крестовом походе в Эстонию⁴⁸. Действительно, обстановка в Эстонии, особенно на Эзеле (Сааремаа), была напряжённой. Тем не менее, в самой Дании в те годы не прекращалась гражданская война⁴⁹. Поэтому рассчитывать на то, что удастся собрать там крестовое войско, в добавок к тому, которое отправилось в Эстонию в 1244 г., было весьма сложно. Вообще создается впечатление, что папская курия пыталась своим обращением переключить внимание воюющих сторон в Датском королевстве с внутренних распрей на внешние проблемы.

Пользуясь тем, что Дании было не до Эстонской провинции, Рижский епископ Альберт Зуербеер (он же — архиепископ Ливонский, Эстонский и Прусский) в явочном порядке укреплял свои позиции в Виронии - плацдарме для наступления на северо-западные районы Новгородской Руси. В 1247 г. Альберт назначил в номинально существовавшее епископство Виронское, которое тогда считалось епархией Лундской церкви, своего ставленника —

епископа Дитриха Миндена⁵⁰. В январе 1255 г. архиепископская кафедра была перенесена из Пруссии в Ригу (чем было закреплено преобразование Рижского епископства в архиепископство). Буллой от 30 марта того же года папа включил Виронию в границы юрисдикции Рижской церкви⁵¹. А двумя неделями ранее папа Александр IV буллой от 19 марта благословил архиепископа Альберта на то, чтобы он окрестил "небольшое количество язычников", которых "склонили" к этому рыцари Отто фон Люнебург и Дитрих фон Кивель в "соседней с ними земле". Дитрих (Теодорих) фон Кивель имел владения в восточной части Виронии⁵². Так что соседняя земля — это финноязычные области Новгородского государства за р. Нарвой. Кроме того, Альберту поручалось "стать главой" здешних неофитов "после того, как они определят место для сооружения епископальной церкви", то есть, основать здесь епископство, и "поставить епископа и пастора"⁵³. При этом архиепископ должен был соблюсти права рыцарей Ливонского Ордена, которые получали земельные владения в новом епископстве. В булле от 3 августа 1255 г. папа предоставил Альберту самому подобрать кандидатуру на должность епископа. Были указаны также земли, которые должны были войти в епископство: "Ватландия, Ингрия и Карелия"⁵⁴. Иными словами, ливонцы намеревались реализовать план подчинения финноязычных земель Новгородского государства, неудавшийся в 1241 г.

И.П. Шаскольский полагал, что желание части води, ижоры и карелов креститься - выдумка североэстонских рыцарей⁵⁵. Однако события 1241 г. свидетельствовали о готовности некоторых здешних нобилей идти на сотрудничество с ливонцами. Вполне вероятно, что в начале 50-х гг. Кивель и Люнебург через своих посланцев обещали поддержку старейшинам, недовольным политикой Новгорода. Не исключено, что тогда же за Нарву отправились и католические миссионеры.

Думается, что известный по летописи поход новгородцев в Виронию (в "волость за Нарову") в 1253 г. как раз и имел целью прекратить засылку светских и духовных эмиссаров из Ливонии. Правда, русское войско первоначально отправилось на помощь Пскову, подвергшемуся нападению ливонцев, но рыцари отступили, не ввязываясь в бой. Новгородцы не стали их преследовать, вернулись в Новгород, а затем двинулись за Нарву. Знаменательно, что вслед за новгородским войском разорительный поход в Виронию совершили карелы⁵⁶. Других известий о походах карелов

в Ливонию нет. Это позволяет предполагать, что в 1253 г. были особые для того причины, например, желание ликвидировать источник поступления поддержки оппозиционным карельским нобилям.

Передавая под церковную юрисдикцию Альберта столь обширные новые территории, папская курия противоречила своим же принципам не допускать чрезмерного усиления в регионе светской и духовной власти Риги. Правда, папа отметил, что Кивель и Люнебург - "братья Рижского и Ревельского диоцезов", чем оговаривал право на новую паству также и Лундского архиепископа через его суффрагана — Ревельского епископа. Но из-за очередного витка смуты в стране, в который оказалось втянутым и датское духовенство⁵⁷, датчане не могли реализовать свои претензии на часть новгородских владений.

В отсутствие датчан крестовое войско, предназначенное для защиты новой паствы, должны были составить отряды Кивеля и Люнебурга, а также братья Ливонского ордена. Последние по установленному с начала XIII в. порядку рассчитывали на треть присоединенных территорий⁵⁸. Однако братья Ордена вплоть до конца лета 1255 г. были заняты подавлением очередного восстания на Эзеле⁵⁹ и, очевидно, не жаждали немедленно после этого отправиться в Новгородское государство, хотя момент для наступления был удобный, поскольку "не бяша князя в Новгороде"⁶⁰.

Ситуацией решил воспользоваться еще один претендент на владение южным берегом Финского залива — Швеция. По рассказу летописца, в 1256 г. "свеи и емь и сумь" вместе с "Дидманом" и его людьми "начаша чинить город на Нарове". Но, услышав о том, что новгородцы собирают большое войско, они "побегоша за море"⁶¹.

И.П. Шаскольский считал, что шведов испугал размах приготовлений новгородцев к войне. Эсты и финны, из которых состояли вспомогательные войска крестоносцев, не были надежны для войны с русскими. Кроме того, шведы опасались, что с наступлением зимы они не смогут получить поддержку или отступить морским путем⁶². Однако шведы не могли не предполагать, что русские пошлют за помощью к князю Александру. В источниках известно также и о многократных военных столкновениях эстов и финнов (еми) с русскими⁶³. Как кажется, причины отхода шведов следует рассматривать одновременно с условиями их появления в Новгородском государстве.

Совместное наступление ливонцев и шведов было явлением достаточно необычным. А.Х.Лерберг объяснял его тем, что Рижский архиепископ не хотел больше делиться с Орденом и обратился за помощью к шведам⁶⁴. По мнению И.П. Шаскольского, отряды северозэстонских вассалов и шведское войско действовали по единому плану совместного наступления на Русь⁶⁵. Но сомнительно, чтобы шведы — паства Упсальской церкви, сами претендовавшие на земли в Новгородском государстве, бескорыстно сражались бы за расширение границ Рижского архиепископства. Совершенно очевидно, что они потребовали бы за свою помощь значительно больше той трети, которая полагалась Ордену. Появление шведов в землях чюдцы и води — явная попытка их перехватить инициативу у ливонцев.

Исследователи справедливо полагают, что в летописи речь идет о намерениях интервентов построить крепость на восточном берегу р. Нарвы⁶⁶. Но появление в новгородских владениях вражеского укрепления должно было встревожить русских не меньше, чем сам факт прихода шведов в земли чюдцы и води. Правда, какие-либо значительные сооружения построить они не успели. По крайней мере, о разрушении их после прихода русского войска летописец не упоминает.

В историографии высказывалось предположение о том, что в строительстве крепости на восточном берегу Нарвы принял участие Дитрих фон Кивель. В качестве доказательства ссылались на статью Новгородской Первой летописи от 1294 г., в которой рассказывается о разрушении новгородцами на восточном берегу Нарвы некоего укрепления "отии городок", построенного "Титмановичем". Причем "отии" толкуется как "отчий", а под "Титманом" (или "Дидманом") подразумевают Дитриха фон Кивеля. Отсюда объяснение: Кивель построил крепость на том месте, где в 1256 г. начал ее строить его отец⁶⁷.

Однако более убедительным представляется мнение о том, что "отии городок" — калька с немецкого "Оттенбург". Название происходит от имени Отгон (Отто). Отто фон Кивель известен по источникам 1306 г.⁶⁸ Кроме того, Дидман, упоминавшийся в статье 1256 г., и отец "Титмановича", судя по ливонским источникам, — разные люди. В 40-50-х гг. XIII в. среди северозэстонских вассалов известны два брата Кивеля: Генрих и Дитрих (Теодорих)⁶⁹, который в летописи назван почему-то не Тидриком, а Дидманом. Между тем, Тидеман фон Кивель — очевидно, сын Дитриха и отец Отто,

известен по документу 1287 г. в связи с захватом купеческих кораблей из Любека северозападными вассалами⁷⁰. Следует отметить, что в русских источниках XIII-XIV в.в. встречаются оба немецких имени: Тидрих и Тидеман (или Дидман)⁷¹. Вряд ли, поэтому, есть основания считать, что летописец спутал имена, сообщая о событиях 1256 г. Как кажется, замена одного имени другим в статье 1256 г. произошла уже после записи рассказа о событиях 1294 г. Надо полагать, что Тидеман фон Кивель, промышленный захватом и грабежом купеческих судов, а, кроме того, пытавшийся вместе с сыном обосноваться на восточном берегу р. Нарвы, был хорошо известен в Новгороде. Поэтому летописец на рубеже XIII-XIV вв. мог скорректировать имена в статьях 1256 и 1294 гг. - машинально и исходя из собственных знаний, не задумываясь о том, насколько это соответствовало действительности.

Из рассказа летописца нельзя также однозначно заключить, переходил ли в 1256 г. Кивель со своими людьми через р. Нарву или же его отряды оставались на западном берегу, накапливая силы и укрепляя там свои опорные пункты. Когда князь Александр Ярославич в том же году подошел с войском к Копорью, он, возможно, узнал, что в его владениях хозяйничали только шведы, и поэтому отправился не в Ливонию, а по льду через залив в Южную Финляндию⁷².

Судя по источникам, в 50 - 70-х гг. XIII в. укрепленное городище эстов, существовавшее с X в., преобразуется в крепость - центр области Нарва в составе датских владений⁷³. Шведы, занявшие восточный берег реки и начавшие строить свою крепость напротив эстонско-немецкой (датской) Нарвы, отрезали ливонцев от территорий, которые те уже считали своими. Естественно, что такой оборот событий не мог понравиться правителям Ливонии, в том числе и датчанам. Вероятно, их реакция оказалась более резкой, чем ожидали шведы. Это обстоятельство, а также осознание того, что в случае столкновения с русскими ливонцы не будут им помогать, должны были повлиять на внезапный уход шведов.

Интересны наблюдения А.Х. Лерберга, связавшего с продолжением событий 1256 г. буллу, в которой папа Александр 1У благословлял Упсальского архиепископа на проповедь крестового похода против карелов и других соседей-язычников. Булла была издана в ответ на просьбу шведского короля Вальдемара после того, как подвластные ему земли подверглись жестокому нападению из Новгородского государства. Документ сохранился не полностью, поэтому дата его и имя Упсальского архиепископа

не известны. По ряду признаков Лерберг датировал буллу 1257 г. Поход, о котором писал папе Вальдемар, — это поход князя Александра в земли еми зимой 1256- 1257 гг. Карелы могли присоединиться к русскому войску уже на северном берегу залива⁷⁴. Иначе говоря, шведы использовали момент, чтобы получить от папы законное право на ведение завоеваний в финноязычных землях Новгородского государства без оглядки на правителей Ливонии. Тот факт, что папство само провоцировало столкновения между архиепископствами, "с равной охотой" давая "обоим просителям оружие в руки против чуждых подданных", Лерберг объяснял плохим знанием в Риме северных стран и тем, что папская канцелярия мало заботилась о реальном положении дел⁷⁵. Действительно, для папской курии, в конечном счете, главное заключалось в увеличении числа католиков. Вместе с тем, нельзя забывать о постоянной конфронтации между папством и германским императором, в которой позиция Тевтонского ордена, Дании и Швеции имела большое значение. Естественно, что понтифик должен был учитывать их интересы в Восточной Прибалтике, часто распространявшиеся на одни и те же территории. С разрешением возникавших при этом коллизий не всегда мог справиться даже такой талантливый дипломат, как легат Вильгельм Моденский (кардинал Сабинский). В данном же случае папская булла не только отвечала желанию Швеции, но и ограничивала возможности Рижского архиепископа, что вполне устраивало Римскую курию.

В то же время Рижский архиепископ продолжал реализовывать данное ему папой право на обустройство новой епархии к востоку от Нарвы. В 1256 или 1257 гг. выходец из знатного гамбургского рода Фридрих Газельдорф был назначен епископом Карельским (или Копорским). Правда, о точном времени поставления его епископом данных нет. Документы же, в которых фигурирует епископ Фридрих, относятся только к 1268 г. Причем, в них Фридрих именуется не только епископом Карельским (в одном случае — Копорским), но и "призванным к исполнению обязанностей епископа" Дорпата. То есть, после гибели Дорпатского епископа Александра в битве при Раквере 18 февраля 1268 г. Фридрих был выбран в качестве его преемника. Утвержден же в этой должности он был не позже января 1269 г⁷⁶.

Активизация деятельности Фридриха связана с последней попыткой организовать крестовый поход из Ливонии на северо-запад Новгородской земли. Битва при Раквере, в которой реально

не было победителя, но обе стороны понесли большие потери, послужила поводом к сбору сил и материальных средств для крестового похода на Русь. Эту миссию взял на себя епископ Фридрих, много лет ожидающий возможности приступить к прямому исполнению пастырских обязанностей в выделенной ему епархии. В 1268- начале 1269 г. он ездил по Северной Германии, обещая индульгенции пожелавшим отправиться в Ливонию или внести вклад в финансирование похода. При этом себя он называл "проповедником крестового похода"⁷⁷. Свою миссию Фридрих продолжил и после утверждения его Дорпатским епископом.

Чрезвычайно важно, что для предполагаемого похода объединились Ливонский орден, Рижское архиепископство и Дания. Можно предположить, что Рижский архиепископ согласился уступить Лундскому архиепископу часть территории Новгородского государства, которую намеревались включить в сферу влияния католической церкви. Вполне возможно, что ту часть несостоявшегося Карельского епископства, которую предполагалось оставить под юрисдикцией рижской церкви, решили присоединить к Дорпатскому епископству.

Необходимость союза между Рижской и Лундской церковью стала очевидна в 60-х гг., когда Ливонский орден оказался в весьма сложном положении. Много сил требовалось на войну с куршами и земгалами. Приток же новых крестоносцев в Ливонию был невелик, поскольку для европейских рыцарей более престижным считалось участие в походах Тевтонского ордена против пруссов и литовцев. Поэтому рассчитывать на большое орденское войско в наступлении на новгородские владения ни Рижский архиепископ, ни Дания (и Лундский архиепископ) не могли.

Логично предположить, что союзники планировали совместными усилиями сначала захватить Псковскую землю, которую Дорпатский епископ считал своим владением, полученным в дар от князя Ярослава Владимировича⁷⁸. Следующим шагом должно было быть подчинение финноязычных земель Новгородского государства. В неделю всех святых (19-25 мая) 1269 г. ливонцы напали на Псков и сожгли посады. Но, опасаясь столкновения с подошедшим из Новгорода войском, они подписали с новгородцами мирное соглашение "на их условиях", то есть, отказались от претензий на земли в пределах Новгородского государства⁷⁹. Тем не менее, ливонцы не считали эти соглашения окончательными, ожидая подкрепления из Германии, которое

собирал там епископ Фридрих. К началу лета 1269 г. относятся просьбы магистра Ливонского ордена и Рижского рата к любекским купцам воздержаться от торговли с Новгородом до заключения мира⁸⁰. Помимо заботы о безопасности торговли, авторы этих грамот, очевидно, надеялись, что возобновление торгового эмбарго заставит новгородцев пойти на некоторые уступки. Однако в январе 1270 г. литовское войско высадилось на о. Эзель. Туда срочно выступило войско Ливонского ордена, к которому позже присоединились отряды Рижского архиепископа и ливонских епископств и собранное Фридрихом войско. 16 февраля 1270 г. ливонцы потерпели поражение в битве у Карузена на льду Балтийского моря. Погиб и магистр Ливонского ордена Отто фон Люттенберг⁸¹. Одновременно, как сообщает летопись, "того же лета на зиму", в Новгороде собралось большое русское войско, которое вместе с отрядом ордынского баскака Армагана "хотеша ити к Колываню" (то есть, на Ревель). Не имея возможности воевать сразу на двух фронтах, ливонцы вынуждены были прислать в Новгород послов и подписать мирный договор, в котором подтверждали отказ от претензий на земли за Нарвой ("Норовы всеи отступаемся"). Кроме того, был подписан торговый договор между Новгородом и немецкими купцами⁸².

Так закончилась последняя попытка крестоносцев продвинуться из Ливонии на земли води и ижоры, отторгнув их от Новгородского государства. Хотя военные столкновения на русско-ливонской границе, а также захваты ливонскими феодалами небольших участков земель на новгородской территории продолжались и впредь. Прекращение военного наступления крестоносцев в этом районе было вызвано не только тем, что по разным военным и политическим причинам католические правители не имели возможности собрать необходимые для эффективного удара силы, но и тем, что в течение XIII в. все большее значение приобретала торговля между странами Балтийского бассейна и Северо-западной Русью. Укрепление торговых контактов изменяло взгляды европейского купечества на необходимость завоевания русских земель и препятствовало осуществлению военно-клерикальных планов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 2 ГЛ. ХХУШ, 8; ХХ1Х, 6.
- 3 Рябинин Е.А. От язычества к двоеверию (По археологическим материалам Северной Руси).// Православие в Древней Руси. Л., 1980. С.21; Он же. Водская земля Великого Новгорода.// Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С.124.
- 4 Рябинин Е.А. От язычества к двоеверию. С.213. Он же. Водь. // Финны в Европе. У1-ХУ века. В.2 . М., 1990. С.23-27; Он же. Ижора./ / Там же. С.31-41.
- 5 SD. В. 1, nn. 254, 255, S.256-257; Sjdgren J.A. Ёber die Finnische Bevцlkerung des St-Peterburgischen Government und Ёber der Ursprung des Namens Ingermanland.// Joh. Andreas Sjdgrens gesamlte Schriften. SPb., 1861, В. 1, S. 558.
- 6 Жития Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы. Сост. Ю.К.Бегунов.// Князь Александр Невский и его эпоха.// СПб., 1995. С.191-192; Гадзяцкий С.С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства.//Исторические записки. М., 1940. Т.6.С.130.
- 7 SD, В.1. nn.250-255, S.253-257 (1229-1230 гг.).
- 8 См., например, Назарова Е.Л. "Ливонские Правды " как исторический источник.// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1979. М., 1980. С.38-41; Она же. История лейманов в Ливонии. М., 1990. С.52-54.
- 9 Рябинин Е.А. Ижора. С.32.
- 10 Рябинин Е.А. От язычества к двоеверию. С.21, 24; Он же. Водская земля Великого Новгорода. С.124, 126.
- 11 Гадзяцкий С.С. Указ.соч. С. 130-131.
- 12 Моора Х.А. и А.Х. Из этнической истории води и ижоры. // Slaavi-Lдdperesooe suhete-ajaloost. Tallinn, 1965. P. 67,76; Рябинин Е.А. Ижора. С.37, карта с. 62-63.
- 13 Рябинин Е.А. Городища Водской земли.// КСИА. В. 179. М., 1984. С.46; Он же. Водь.С. 18-19, карта, с. 62-63.
- 14 ГЛ. ХХШ, 2, 6-7, 10-11; ХХ1У, 1-2, 4-7; ХХУ, 1-2.
- 15 ГЛ. ХХУ, 3-6.
- 16 Гадзяцкий С.С. Указ.соч. С.129.
- 17 АД. P. 105-109; Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С.30-33.
- 18 ГЛ. ХХ1Х, 6-7.
- 19 Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С.114, 116.
- 20 SD, В.1, n. 276, S.273; LUB, В. 1, n. СХХV111, S.166.
- 21 Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в ХП-ХШ в.в. Л., 1978. С.132.

- 22 PUB, В. 1, Н. 1, nn. 66,67, S.48-50.
- 23 LUB, В. 1, n. CXXX, S. 168 (15.02.1234 г.), n. CXXXVIII, S. 177 (13.09.1234 г.), n. CXLI, S. 181 (10.03.1235 г.).
- 24 Арбузов Л.А. Указ.соч. С. 36; Benninghoven Fr. Der Order der Schwertbrüder. Kцln, 1965, S. 269-301.
- 25 Арбузов Л.А. Указ.соч. С. 34-36; LUB, В.1, n. CXVIII, S. 155-156 (03.02. 1232 г.), n. CXXVII, S. 164-166 (сентябрь 1232 г.)
- 26 Donner G.A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929, S. 217-224; Шаскольский И.П. Указ.соч. С.147-155 и др.
- 27 Арбузов Л.А. Указ.соч. С.41-42; Хёш Э. Восточная политика Ливонского Ордена в XIII в.// Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С.65-72; Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и её значение.// Там же. С.44.; Назарова Е.Л. Крестовый поход на Русь в 1240 г. (Организация и планы).// Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С.184-185.
- 28 Лерберг А.Х. Указ. соч. С.117; Шаскольский И.П. Указ.соч.С.152, 163.
- 29 Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времён. Т. 1. Рига, 1884, С. 356; Т.П. Рига, 1885. С.70; LUB. В. 1, n. CLXVII, S.216.
- 30 ГЛ. X,13; LUB. В. 1, n. CXLVI, S.187-188.
- 31 Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С.306-308 (договор 1241 г.).
- 32 LUB, В. VI, n. MMDCXXV, S. 12-13 (01.10.1243 г.); В. 1, n. CXXVIII, S.287-288.
- 33 Лерберг А.Х. Указ.соч. С.125,126.
- 34 Н1А, с. 77; Обзор работ, авторы которых поддерживали данную точку зрения, см. в книге: Шаскольский И.П. Указ.соч. С.158-159.
- 35 Шаскольский И.П. Указ.соч. С.159-164; Линд Д.Г. Указ.соч. С.51-52.
- 36 Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских памятников (X111- 1-я четверть X1У в.).// Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Т.1. М., 1990. С.39; Янин В.Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (о Новгородском источнике "Жития Александра Невского").// Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.92-93.
- 37 "Житие Александра Невского". С. 191; Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси./ / Отечественная история. 1996. № 5. С.24; Назарова Е.Л. Крестовый поход на Русь. С.193.
- 38 Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 г. и её тактические особенности.// Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 26-27.
- 39 Янин В.Л. Указ.соч. С.92.
- 40 Кирпичников А.Н. Указ.соч. С.25.
- 41 LUB, В. III, n. CXIX,a, S.33-34.

- 42 Huidtfeld A. En Kaart Chronologia, forfolge oc Continvatz. 1 Part. Kshbenhavn. 1600-1603, p. 147; Urban W. The Baltic Crusade. Illinois. 1975, p.162; Назарова Е.Л. Крестовый поход на Русь. С.193-195.
- 43 Чешихин Е.В. Указ.соч. Т.П. С.70; AD, p. 110-111.
- 44 AD, p. 110,111,193.
- 45 Н1А. С.78, 295.
- 46 Рябинин Е.А. От язычества к двоеверию. С.24.
- 47 Н1А. С.78. 297.
- 48 Чешихин Е.В. Указ. соч. Т.П. С. 70; LUB, B.1, n. CLXXXIII, S.239-240.
- 49 AD, p. 110-113; Чешихин Е.В. Указ.соч. Т.П. С.72-73.
- 50 LUB, B.VI, n. MMMXXX, Reg. S.193, n. 217, b,e. (1247 г.).
- 51 LUB, B.1, n.n. CCLXXIX, S. 361-362 (20.01. 1255 г.), CCLXXXII, S.364-367 (31.03.1255 г.).
- 52 EBl, n. 1, S.6-8; LUB, B.III, Reg. S.32, n.535.
- 53 LUB, B.1, n. CCLXXXI, S.363 (19.03. 1255 г.).
- 54 LUD, B.III, n. CCLXXXIII,b, S.55.
- 55 Шаскольский И.П. Указ.соч. С.207.
- 56 Н1А. С. 80, 307.
- 57 AD, p.115-117; Чешихин Е.В. Указ.соч. Т.П. 72-73; История Дании с древнейших времён до начала XX в. М., 1996. С. 112.
- 58 LUB, B.1, n.XVI, S. 22-23 (20.10.1210 г.); ГЛ. XI,3.
- 59 Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ.соч. С. 309-311 (договор от 27.08.1255 г.)
- 60 Н1А. С.81, 309.
- 61 Н1А. С. 81, 308.
- 62 Шаскольский И.П. Указ.соч. С.214.
- 63 Н1А. 28, 215, 65, 270, 86, 316; Назарова Е.Л. Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом. 1-четверть XIII в.// Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С.350-359.
- 64 Лерберг А.Х. Указ.соч. С.135.
- 65 Шаскольский И.П. Указ.соч. С. 211.
- 66 Гадзяцкий С.С. Указ.соч. С.107; Шаскольский И.П. Указ. соч. С. 214.
- 67 Н1А. С.328; Гадзяцкий С.С. Указ.соч. С.107; Шаскольский И.П. Указ.соч. С.214.
- 68 Арбузов Л.А. Указсоч. С. 42; LUB, B.II, n. DDCXXI, S.36-37, Reg. n.713, S.14.
- 69 LUB, B.1, n.n. CCLXX, S.351-352 (1254 г.), CCXCIX, S.386-387 (1257 г.); LUB, B.III, n.n. CCLXX,a, S.47-48 (1254 г.), CCXCIX,a, S.55-57 (1257 г.), Reg. n.535, S.32; EBl., S.6-8 (1249-1260 г.г.).
- 70 LUB, B.1, n. DXXIII, S. 636-637.
- 71 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 29, с. 57, № 49, с. 87.
- 72 Н1А. С.81, 308.
- 73 EBl, n.1, S.7 (1249 г.), LUB, B.III, n. CDIII,a, S. 75-76 (04.06.1287 г.).

74 Лерберг А.Х. Указ. соч. С.140-142.

75 Там же. С. 142.

76 LUB, B.1, n.n. CDVIII, S.512-513 (30.05.1268 г.), CD1X, S.513-514 (23.07.1268 г.); LUB, B.III, Reg. n. 465,a-f, S.25-26 (январь-июнь 1269 г.); LR, v.7616.

77 LUB, B.I, n.CDIX; LUB, B. III, Reg. n.468,c-f, S.26.(1269 г.).

78 LUB, B.III, n. CC,a, S.37-39 (1248 г.); Amman A.M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski. Rom, 1936, S.274-275.

79 Н1А. С.87-88, 318-319.

80 LUB, B.1, n.n. CDX, CDX1, S.514-516; Reg. nn. 466-467, S.112.

81 LR, v.v. 7807-7994; Арбузов Л.А. Указ.соч. С.45-46.

82 Н1А.С. 88, 318; LUB, B.1, n.n. CDXII-CDIV, 517-518.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЛ - Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А.Аннинского. М.-Л., 1938.

Н1А — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.

Под редакцией и с предисловием А.Н.Насонова. М.-Л., 1950.

AD - Annales Daniciei medii aevi. Ed. Ellen Jürgenson, Kjöbenhavn. 1920.

EBI - Est- und Livländische Brieflade. Herausg. von F.G.v.Bunge und R.v. Toll. Erster Theil. Reval, 1856.

LR - Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar, Herausg. von L.Meyer. Padeborn, 1876.

LUB - Liv-, Esth und Curländisches Urkundenbuch, nebst Regesten. Herausg. von F.G. v. Bunge. Bd 1, Reval, 1853; Bd II, Reval, 1855; Bd III, 1859; Bd VI, Riga, 1869-1873.

PUB - Preussische Urkundenbuch. Herausg. von Archivrath Philippi. Bd 1, H.1. Königsberg, 1882.

SR - Svenskt diplomatarium, utgiftvet af Joh. Gust. Liljegren. S.1. Stockholm, 1829.

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ О ЯКОБИНЦАХ

Великая французская революция и история российской общественно-политической мысли XIX в. — это явления, которые, будучи разделены географическими, национальными и временными рамками, вместе с тем органически связаны. Прежде всего потому, что именно события 1789-1794 гг. во Франции дали мощный толчок к переосмыслению многих теорий и положений «века разума», а так же своеобразной трансформации революционной традиции в России.

Отношение русских к Французской революции не ограничивалось одним лишь аспектом отрицания-преодоления. Так же сильны были стремление и соблазн прибегнуть, размышляя о действительности, к сравнениям с французскими сюжетами и персонажами XVIII в.

В связи с этим, мощный общественно-политический резонанс в России прошлого столетия получили якобинские идеи и революционная деятельность якобинских вождей. Именно это влияние и является предметом нашего исследовательского интереса. При этом под якобинством мы будем понимать в широком политическом смысле — радикальное революционное течение, использовавшее весь спектр средств (включая и массовый террор) для завоевания и сохранения власти в своих руках и продолжения революционных преобразований [1].

После поражения декабристов в 1825 г. общественно-политическая мысль России характеризуется относительным затишьем. Тем не менее, уже первые годы четвёртого десятилетия обнаруживают новую волну интереса к якобинскому феномену. По отношению к исследуемому вопросу это качественно новый этап, сопровождаемый большей дифференциацией общественно-политических сил и, соответственно, большим разнообразием оценок.

Три разных вектора общественно-политической мысли - либеральный, революционно-демократический и консервативный - выражали разные позиции по отношению к якобинцам и якобинству.

Консервативная мысль при этом мало представлена в источниках ввиду безусловно однозначного неприятия якобинского опыта. На наш взгляд, якобинство для неё - прежде всего метафора всякого инакомыслия и реформаторства. Этот тезис подтверждает отрывок одного из всеподданейших докладов А.Х.Бенкендорфа, который регулярно делился с императором своими наблюдениями за умонастроениями в обществе: «Молодёжь, т.е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма» [2]. Если Александр Христофорович ограничивает проявления этого «сумасбродства» возрастными и сословными рамками, то его нижестоящие коллеги свидетельствуют, что эта «гангрена» коснулась не только дворянства. Так в одном из полицейских донесений конца 30-х годов мы читаем : «Люди, переходящие с места на место, объясняют крестьянам их положение. То же делают и священники. Учение этих сектантов заражает крестьян и их очаги можно рассматривать как ... якобинские клубы « [3].

Либеральная и революционно-демократическая мысль этого времени более дифференцированы в оценках. Уже с начала 40-х годов якобинцы и якобинство становятся предметом полемики разных общественных сил. Следы этой полемики можно обнаружить в переписке В.Г.Белинского, А.И.Герцена, с одной стороны, и Т.Н.Грановского, В.П.Боткина - с другой. Первые представляли революционно-демократическое направление, последние ориентировались на либеральные ценности.

27 июня 1841 г. В.Г.Белинский напишет своему другу В.П.Боткину : «...Понял и кровавую любовь Марата к свободе, и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом... Я начинаю любить человечество маратовски : чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечем истребил бы остальную» [4]. Таким образом террор, в понимании русского критика - это исторически наиболее действенное, решительное и вместе с тем временное средство для скорейшего практического утверждения идеалов нравственности и гуманизма в духовной жизни человечества. Преходящее и вынужденное насилие во имя бесконечной и всеобщей будущей свободы.

15-20 апреля 1842 г. в письме к Боткину он уже явно полемически ставит вопрос о взаимоотношении личности революционера, её качеств и особенностей, и тех средств, которые применяются этой личностью в силу своих определённых идейных и нравственных ценностей для достижения революционных целей. «Тут нечего объяснять: дело ясно, - писал Белинский, - что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной жиронды, а террористами - обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [Там же, 105].

Из текста письма видно, что критик заострённо возражает на неверное, с его точки зрения, понимание личности Робеспьера и смысла его политической деятельности.

На полемический пассаж Белинского из письма от 15-20 апреля 1842 г. ответил не Боткин, а Т.Н. Грановский, которому Боткин показал письмо Белинского, и Грановский, в свою очередь возразил критику : « Боткин прочел мне твое письмо, неистовый Роланд. Письмо очень хорошо, потому что вышло из души в теплую минуту, но исторической правды в нём нет. Шепелявый друг твой прав, утверждая, что Робеспьер был мелкий, дрянной человек, бывший органом и орудием чужой воли. Тебе нравится личность Робеспьера, потому что он удовлетворяет делами своими твоей ненависти к аристократам и т.д. Но, боже мой, сколько мелких личных побуждений вмешивается в общие виды Робеспьера. Как бесконечно выше его стоит S. Just, ограниченный фанатик, но благородный и глубоко убежденный. Красноречие Робеспьера ... всё-таки далеко не может сравниться с красноречием жирондистов, не говоря уже о Мирабо» [6]. Таким образом, либерально настроенный оппонент Белинского сводит к личным мотивам деятельность самого Робеспьера, и интерес к нему Белинского. Грановский не останавливается на этом и продолжает : «Как государственный человек, в великом значении слова, Робеспьер ничтожен, равно как и S. Just. За него работали Карно, Мерлен и другие даровитые горцы. Он был практический человек, потому что умел опошлить и прикладывать к действительности высшие вопросы, решение которых, очевидно, принадлежит будущности. Жиронда выше его потому именно, что у неё не доставало так называемого практического смысла...» [7]. В полемическое письмо Грановского включил свои строки А.И.

Герцен, который соглашался с Белинским и возражал Грановскому: «... Врёт Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие необходимые блестящие явления её и только. Может быть в этом случае я вдаюсь точно по твоему в величайшую крайность; но что делать, это не минутное увлечение, а убеждение глубокое!» [8].

14 ноября 1842 г. Герцен делает запись в дневнике о Белинском, по его мнению «всегда увлекавшимся через край»: «Фанатик, человек экстремы ... Тип этой породы людей - Робеспьер. Человек для них ничто, убеждение - всё» [9].

Таким образом, Грановский хвалит мудрость жирондистов, отдавая им предпочтение перед якобинцами, потому что жирондисты не пытались вести революцию дальше, чем было возможно. Грановский упрекает Робеспьера за то, что тот дискредитировал принципы, имеющие великое будущее. Иными словами, «обвиняет в том, что именно Робеспьер - причина социального неблагополучия западных обществ, где царствует буржуазия, наиболее законченным воплощением которой является Неподкупный» [10].

Белинский, в отличие от него зачарованный террором, остаётся нечувствителен к последствиям революционного произвола. Для него именно жирондисты являются наиболее полным воплощением пороков буржуазного общества.

В конечном счете, обе эти ключевые фигуры - Грановский и Белинский - не прощали Французской революции то, что её увело в сторону от провозглашенных идеалов. Перед тем и другим вставала одна и та же проблема, хотя подходили они к ней по-разному. Это проблема того, как применить великие принципы в русской реальности, и какой тип людей способен это сделать. Для Белинского и его сторонников речь идёт о том, чтобы найти «правильную революционную теорию» [11], а в методах действия подражать якобинцам. Для Грановского и его последователей 50-х годов, знаменитых теоретиков государства Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина, речь идет о создании правового механизма, также призванного предотвратить отход от принципов.

Полемику вокруг Робеспьера можно, конечно, рассматривать как начало долгих поисков «правильной революционной теории», исканий, которые после многочисленных конфликтов закончились полным разрывом между «радикалами» и «либералами», как сами они себя называли. Эта дискуссия выявила первые идеологические

расхождения между двумя течениями. Однако, ее смысл поисками «правильной теории» не исчерпывается. Ибо в этом споре сказалось восприятие русской реальности, основанное на аналогии с Францией конца XVIII в.

В самом деле, участники спора считают, что он касается не только исключительно прошлого, но также затрагивает и настоящее. И. И. Панаев вспоминает, что в 1841-1842 гг. в его доме члены петербургского кружка Белинского бурно обсуждали события Великой французской революции. «Маслов ... и некоторые другие сделались отчаянными жирондистами, - пишет мемуарист. - Мы с Белинским отстаивали монтаньяров» [12]. Все это свидетельствует о своего рода исторической проекции. При этом Панаев приводит такую речь Белинского: «Прежде нам была нужна палка Петра Великого...чтобы дать нам подобие человеческое; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова. Нашего брата славянина не скоро пробудишь к сознанию...Нет, господа, чтобы вы не толковали, а мать святая гильотина -хорошая вещь!» [13].

Можно было подумать, что на этот раз русские «якобинцы» готовы отождествить себя со своим прототипом. Но как только того требовали обстоятельства, они оказывались неспособны перейти от восхваления Робеспьера к принятию на вооружение идей и методов якобинцев.

Публицисты же этого времени, идентифицирующие себя с либералами, критиковали якобинцев за неоправданную «кровожадность», противопоставляя им жирондистов с их желанием направить бурный поток революции в мирное русло. Так, Б.Н.Чичерин в 1858 г. хвалил за это Мирабо, попутно обвиняя якобинцев в уничтожении «свободы», в создании страшной диктатуры Конвента, Робеспьера, пролившей потоки крови «невинных жертв» [14]. Чичерину вторил А. В. Лохвицкий, бичевавший «фанатиков революции» Марата и Робеспьера за то, что они растоптали «полезные» начала 1789, вырезали «людей 1789 г.» и «убили во Франции свободу» [15].

Корреспондент «Русского вестника» П.Щебальский писал, что первоначально вожди революции Мирабо, Лафайет и другие, стремились установить в стране конституцию наподобие английской. В дальнейшем положение дел изменилось. -Гора начала выдвигать принцип республиканского деспотизма. «Никогда, -по мнению публициста, -свобода не была так

попираема, как во время управления страной Национальным Конвентом, во время господства якобинцев и других клубов, которые не разделяли возобладавших взглядов» [16]. Досталось якобинцам и от редактора журнала «Вестник Европы» М.М.Стасюлевича. Он писал о них: «Как Дантон был представителем демонского, разрушительного духа революции, а Робеспьер -бездушного кровавого педантизма, так Марат являлся воплощением необузданной свирепости и беспощадной ненависти к общественному порядку вещей» [17].

Славянофил А.И. Кошелёв, сделавший себе состояние на винных откупах, стал в 1856 году одним из учредителей журнала «Русская беседа». С каким сарказмом восприняла это событие общественность, пишет В.А.Кошелев. Е.П.Ростопчина, например, «просто желчью исходила»:

Кошелев – Беседы русской
Корифей и коновод,
Революции французской
В недрах Руси скороход;
Славен мыслями чужими
И чужим добром богат,
Меж сеидами своими
Доморощенный Марат [18].

Общей тенденцией либеральной мысли можно считать более или менее терпимое отношение к начальному этапу революции во Франции и критическое неприятие ее последующего развития - якобинской диктатуры.

Идейными оппонентами либерально настроенных публицистов можно назвать Н.А.Добролюбова и Н.Г.Чернышевского. Добролюбов, по воспоминаниям Н.А.Татариновой -Островской, в 1857 г. резко отрицательно отнесся к умеренно -либеральному учебнику новой истории С.Н.Смарагдова, где Конвент изображался «отвратительным гнездом злодеев», самым ужасным из них был Робеспьер, проливший «реки крови» [19]. Как вспоминала Татаринова, Добролюбов «всю главу о революции перечеркнул». Где стояло: «ужасные

преступления», эти изверги [якобинцы-А.П.], он зачеркивал и подписывал: «ожесточенные после долгого гнета», «люди, увлеченные до крайности, но последовательные и честные со своей точки зрения» [20]. Добролюбов подчеркивал, что «Робеспьер был фанатик», а не кровожадный злодей, т.е. человек, безусловно преданный революции [21].

Годом позже, в 1858, еще большее пристрастие к тенденциозному редактированию чужих исторических текстов продемонстрировал Н.Г.Чернышевский, который перевел на русский работу немецкого историка Ф.К.Шлоссера о Великой французской революции. Доскональное исследование русского текста, его сопоставление с оригиналом, предпринятое исследователем Е.Г.Плимаком, выявило весьма важное обстоятельство: переводчик несколько смягчил резко отрицательные суждения историка о революционных актах и таким образом дал возможность читателю представить революцию в более благожелательном виде, чем это сделал либерально настроенный автор.

Так, фраза Шлоссера о том, что революционеры «возбуждали и удовлетворяли ту кровожадность, которая живет в простолюдине», в переводе Чернышевского звучит иначе: «Они [революционеры] возбуждали и удовлетворяли ту ненависть простолюдинов, которая спит в глубине души» [22].

Описывая революционное движение 10 августа 1792 г., Шлоссер назвал участников борьбы «массой насильников». Чернышевский же перевел «массы революционеров». Чернышевский также своей правкой уточнил характер взаимоотношений якобинцев с жирондистами. Так, например, у Шлоссера мы читаем: «противники Жиронды имели политическое право» на решительные, беспощадные действия, но «не имели права морального». Переводчик опустил последнюю часть фразы. Еще пример: «Банда, которую именовали Горой...» - писал историк, а Чернышевский «исправил» его: «Партия, называвшаяся Горою...» [23].

В комментариях к «Основам политической экономии» Милля, опубликованных в «Современнике» в 1860-1861 гг., Чернышевский определил представляющую для нас интерес закономерность в чередовании революционных, либеральных и реакционных идей.

Он отмечал, сто общественно-политическое движение начинается с критики «заметных с первого взгляда» недостатков, что характерно для деятельности умеренных либералов. Но критическая мысль на этом не останавливается, она развивается дальше и подводит к выводу: необходимо устранить коренные

причины недостатков, устранить принципы, на которых « построено весь общественный порядок». Это приводит к тому, что « умеренно либеральные критики переходят в радикальных; так за Монтескье явился Руссо, за Мирабо - Робеспьер».

Но вот что происходит дальше. В обществе замечают, что радикалы в своих требованиях ушли слишком далеко, что они «ниспровергают вещи», которыми оно «очень дорожит». «Тогда, - пишет Чернышевский, - начинается другое настроение мыслей : касаться оснований общественного устройства - это злодейство или безумие; довольно устранить второстепенные недостатки. Опять настаёт пора умеренного либерализма : за Конвентом следует Директория и Консульство».

Но и на этот раз на умеренном либерализме идейное развитие не останавливается, а продолжает развиваться : на смену либерализму приходит «период крайней реакции» [24]. Опять пример из Великой французской революции: «Конституционный порядок Директории, ставший почти только призраком во время Консульства, переходит в полный абсолютизм Империи»[25].

Другой революционный демократ Д.И.Писарев, писал о якобинском клубе, что прежде всего в нём народная масса «нашла себе коноводов, неразрывно связанных с ней и между собой единством надежд и стремлений» [26]. Говоря об эволюции якобинского клуба он отмечает : «...В начале существования якобинского клуба в нём господствовали своим красноречием жирондисты, поэты и романтики революции, мечтавшие об античных республиканских добродетелях, чувствовавшие глубокое отвращение к тем коммунистическим стремлениям, которые шевелились в голодной толпе без панталон (sans culottes) ... Реальный элемент беспанталонности выгнал в очень короткое время поэзию античной добродетели из клуба, из столицы и из Франции ... Стало быть, мы видим, что окружающие элементы переделали на свой лад якобинский клуб» [27]. Вывод публициста был однозначен: «Масса пошла за людьми, подобными Марату и Робеспьеру; прежние кумиры: Бальи, Лафайет, Мирабо стали казаться массе изменниками и врагами»[28].

Публицист В.П.Попов на страницах журнала «Русское слово» также выразил симпатию Робеспьеру и Марату. Марат в изображении Попова - одарённый врач и мыслитель, взявший на себя тяжёлую задачу разоблачения врагов народа; суровость в Марате сочеталась с «нежностью и чувствительностью», он любил

народ, но не льстил ему. «Это был единственный человек, способный доставить народу перевес...- писал Попов - более трёхсот предсказаний Мара осуществилось - какого лучше доказательства верности его политического взгляда ? Ему были обязаны монтаньяры своим торжеством над жирондистами» [29]. Выразителен и портрет Робеспьера, данный публицистом: « М.Робеспьер, депутат Арраса, отличался строгостью нравов и неподкупной честностью. Страстный поклонник Руссо, он всю жизнь мечтал о проведении в действие «Общественного договора». Фанатик этой идеи, он стремился к осуществлению её со всем своим упорством глубокого убеждения. Кроткий и сентиментальный в частной жизни, он становился неумолимым, как скоро дело касалось общественного блага» [30] .

По мере радикализации общественного сознания и политической обстановки в стране часть публицистов, ранее безусловно поддерживающих якобинство, переходят на более умеренные позиции. В связи с этим представляет интерес эволюция взглядов на якобинство А.И.Герцена: от политического максимализма до признания нежелательности подобных якобинским, мер преобразования общества.

Интерес к истории Французской революции у Герцена проявился рано, ещё в детстве. Этому способствовал обучавший его французскому языку учитель Бушо - бывший якобинец, «террорист», эмигрировавший из Франции после термидора. Как вспоминал Александр Иванович, Бушо был «человек суровый и угрюмый» [31], он не любил лишних разговоров. Но, заметив симпатию четырнадцатилетнего барчука Саши Герцена к «цареубийственным идеям», Бушо подобрел, стал рассказывать эпизоды из грозного 1793 г. Тираноборческие убеждения учителя оказались явно по душе. В результате откровенного разговора образовалось своего рода « якобинское « братство.»

Единомышленника в «терроризме» юный Герцен нашёл в лице Николая Огарёва. Под влиянием Герцена юноша Огарёв написал стихотворение, в котором опозтизировал террор, выразив желание использовать опыт якобинской диктатуры в России:

Если к массам у меня любовь,
А в сердце злора Робеспьера,
Я гильотину ввёл бы вновь -
Вот исправительная мера [32]!

Сам Герцен вспоминал о себе и своём поколении, о первых порывах, идеалах отрочества и юности : «Культ Французской революции - это первая религия молодого русского; и кто из нас не обладал, тайком, портретами Робеспьера и Дантона?» [33]. «Кто из нас не слышал громовых речей Мирабо и Дантона, кто не был якобинцем, террористом, другом и врагом Робеспьера, даже солдатом республики у Гоша, у Марсо? « [34] .

В зрелые годы Герцен будет принципиально считать любой террор, в том числе и якобинский, явлением нежелательным, а попытки подражания ему в новое время, возведения методов террора в закон, обожествление деятельности Комитета общественного спасения - безответственным авантюризмом, который не могут оправдать никакие обстоятельства. Много раз говоря о совершенно особом, исключительном, стихийно идеальном характере якобинского террора, объясняющем, но отнюдь не оправдывающем его, Герцен объясняет, почему не может разделять страшных и болезненных симпатий к этой кровавой хирургии, уничтожавших не врагов народа и республики, а дело самой революции. «Террор был величественен в своей грозной неожиданности, но останавливаться на нём с любовью, но звать его без необходимости - странная ошибка, которой мы обязаны реакции. На меня Комитет общественного спасения производит постоянно то впечатление, которое я испытывал в магазине *Chartiere, rue de l'École de Medecine*¹ : со всех сторон блещут зловещим блеском стали кривые, прямые лезвия, ножницы, пилы ... оружия вероятного спасения, но верной боли. Операции оправдываются успехом. Террор и этим похвастаться не может. Он всей своей хирургией не спас республики « [35].

Изменились и оценки А.А. Григорьева. Он критиковал французских революционеров XVIII в. (как и русских революционеров 40-60-х годов) за недостаточное внимание к «хранительному началу жизни», «вечным требованиям души» [36].

Французская революция, будучи исторически закономерным отпором старому порядку, не могла, по Григорьеву, не выразиться в целом ряде крайностей и поворотов. «Медовые речи философов раздражаются речами Дантона; утопия Кондорсета гибнет под секирой утопии монтаньяров, грозит, в свою очередь, подземная утопия Марата и гебертистов. Является личность, в которой антиисторическое получает свое резкое определение ... , и начинается всеобщая ломка истории - громовая, напряженная,

вызывающая отпор столь же напряженный, отпор судорожный...» [37]. Впрочем, обаяние этих утопий испытывал и сам критик, будучи юношей. Вспомним ранние поэтические строки его:

...И то, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я
И будь сам бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья...
Но на кресте распятый бог
Был сын толпы и демагог [38].

Таким образом, А.А. Григорьевым была представлена оригинальная трактовка деяний якобинцев как проявления антиисторизма, заведомо обреченной попытки сильных личностей преодолеть историческую традицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С.304.
2. Итенберг Б.С. Россия и Великая французская революция. М. 1988. С.43-44.
3. Крестьянское движение (1827-1869). Под ред. Е.А. Мороховец. Вып. I. М., 1931. С. 9
4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.12. М., 1956. С.52.
5. Там же. С.105.
6. Грановский Т.Н. и его переписка. Т. II. М., 1897. С.439.
7. Там же. 439-440.
8. Литературное наследство. Т.56. (Белинский, 2). М. 1950. С.80.
9. Там же. 228.
10. Кондратьева Т.С. Большевики - якобинцы и призрак термидора. М. 1994. С.48.
11. Кулешов В.И. Белинский и Грановский в споре о Робеспьере // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. №1. С.29
12. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 243.
13. Великая французская революция и русская литература. М., 1990. С.243-244.
14. Великая французская революция и Россия. М., 1989. С.378.
15. Там же.
16. Щербальский П. Глава из современной истории // Русский вестник. 1870. № 7. С.522.
17. С[тасюлевич] М.М. Люди и нравы времён Французской революции./

/Вестник Европы. 1873. № 8.С.655.

18. Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, в рассуждениях и изысканиях. М., 2000.С.422.

19. Великая французская революция и Россия. М., 1989.С.379.

20. Там же.

21. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986.С.240.

22. Плимак Е.Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983.С.73.

23. Там же.С.174-178.

24. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 16 т. Т.IX. М., 1949.С.252-253.

25. Там же.С.254.

26. Писарев Д.И. Соч. 5-е изд. Т. III. Спб. 1912.С.170.

27. Там же.С.170-171.

28. Там же.С.201.

29. Великая французская революция и Россия. М., 1989.С.385.

30. Там же.

31. Герцен А.И. Собр. соч.. В 30 т.М., 1954., Т.I.С.263.

32. Огарев Н.П. Избр. произв. В 2-х т. Т.2.М., 1956.С. 18.

33. Герцен А.И. Ук. соч.Т.XXX. М.,1965.С.650.

34. Там же. Т.XXVI. М.,1962.С.322.

35. Там же. Т.XI. М.,1957. С.59.

36. Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967.С.146-147.

37. Там же. С.148.

38. Григорьев А.А. Избранные произведения. Л., 1959. С.118.

А. Е. Королев

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1896 г.: ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКО- КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

16 июля 2001 г. был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между Российской Федерацией и КНР. Заключение договора 1896 г., учреждение русско-китайской компании по строительству КВЖД, основание Харбина имели важное значение для развития русско-китайских отношений в XX в, история которых содержит и периоды тесной дружбы, и периоды охлаждения и настороженности. События конца XIX — нач. XX в., касающиеся взаимоотношений России и Китая, обстоятельно изучены в исследованиях Н.А.Самойлова (например, его работы, опубликованные в 1994, 1996 гг.) и других историков. Ниже мы предлагаем анализ событий, непосредственно связанных с подписанием договора 1896 г., и содержания секретных его статей.

Предпосылки русско-китайского сближения

В последнее десятилетие XIX в. на Дальнем Востоке произошли события, оказавшие значительное влияние на развитие международных отношений. Державшаяся на тысячелетних традиционных началах, огромная китайская империя оказалась бессильной перед новым натиском экономически развитых стран Западной Европы, США и Японии. Начался раздел Китая иностранными державами на сферы влияния, что обусловило

переплетение интересов Англии, Японии, Германии, Франции и США в тесный клубок противоречий в этом регионе. Россия также следовала своим интересам и сыграла далеко не последнюю роль в складывающейся здесь новой политической ситуации.

К концу XIX в. между Россией и Китаем установились прочные торговые и дипломатические связи, которые регулировались целым рядом соглашений и договоров, заключенных в XVII-XIX вв. Отношения между Россией и Китаем складывались в течение всего этого времени, в целом, без серьезных военных конфликтов и столкновений. После заключения в 1881 г. С.-Петербургского договора между Россией и Китаем об Илийском крае и торговле в Западном Китае прошло полтора десятилетия, в течение которых не было подписано ни одного основополагающего межгосударственного соглашения. Но наступил 1896 г. и в Москве в обстановке строгой секретности был заключен "оборонительный" союзный договор, за которым последовал целый ряд соглашений экономического и политического характера.

Если попытаться определить предпосылки к заключению такого договора и рассмотреть цепочку событий, предшествовавших ему, то, вне всякого сомнения, именно японо-китайская война 1894-1895 гг. существенно повлияла на расстановку политических сил на Дальнем Востоке и подтолкнула Россию к принятию решительных шагов в отношениях с Китаем, дала повод и возможность России утвердить свои интересы в этом регионе. Документы времен японо-китайской войны свидетельствуют об изменении позиции российской дипломатии от сугубо пассивного наблюдения за ходом событий в начале войны до активного участия в заключении Симоносекского мирного договора, где Россия поддержала сторону потерпевшего поражение Китая.

В 1885 г. Россия опасалась столкновений и с Японией и с Китаем, вследствие чего отказала королю Кореи Коджону в его просьбе принять Корею под протекторат России. Тем не менее, видя непрекращающиеся конфликты Японии с Китаем из-за Кореи, и понимая, что усиливающееся присутствие западных держав в этом регионе ведет к затягиванию узла противоречий, что нежелательно на слабо укрепленных дальневосточных российских границах, Россия все же предпринимала некоторые действия. Так, в частности, в феврале 1894 г. царь утвердил программу пополнения Тихоокеанской эскадры современными военными кораблями.

Поражение огромной китайской империи в войне с маленьким

островным государством потрясло западный мир, а Россию к тому же поставило перед выбором: спокойствие на ее протяженных дальневосточных границах теперь зависело от установления более тесных контактов, но с кем? С Японией, только что доказавшей преимущество промышленного развития и вооруженной в соответствии с последними техническими достижениями, но за спиной которой стояла враждебно настроенная к России Англия, или с Китаем, с которым у России были традиционно дружественные отношения, общая граница, в потенциал которого в российских правительственных кругах, несмотря ни на что, верили и которого в то же время опасались. Кроме того, у России в Китае были свои интересы и в результате японо-китайской войны они стали реально осуществимы. Россия не могла не воспользоваться предоставившимся случаем.

Об оформлении интересов России на Дальнем Востоке в конкретную форму известно, в частности, из Всеподданнейшей записки министра иностранных дел России А.Б.Лобанова-Ростовского императору от 2 апреля 1895 г. (здесь и далее по ст. ст. - А.К.) по поводу мирного договора между Японией и Китаем [1]. Здесь говорится о "вознаграждении" - порте на Тихом океане, на которое Россия вправе претендовать в случае если она займет правильную позицию при исполнении этого договора. На записке имеется собственноручная надпись императора: "Согласен". По договору Китай, кроме того, что он терял суверенные права над Кореей, передавал Японии ряд островов и платил контрибуцию, должен был передать Японии Южную Маньчжурию, включая Ляодунский полуостров. Именно последнее не устраивало Россию. 30 марта 1895 г. состоялось очередное Особое совещание при императоре. В постановлении совещания было зафиксировано предложение С.Ю.Витте о принятии мер по устранению возможного утверждения японцев на материке, т.е. на Ляодунском полуострове [2]. Оппоненты же его считали, что это может привести к нежелательной для России войне с Японией.

Россия давно присматривалась к возможности получения у Китая в пользование удобного порта для стоянки русских судов, который бы не замерзал круглый год. У Англии такой порт имелся - Гонконг (Сянган) и это обстоятельство давало Англии явное преимущество перед Россией. Россия имела порт на Дальнем Востоке - Владивосток, однако он был судоходен только часть года. По этой причине русское правительство прилагало большие

усилия для получения незамерзающего тихоокеанского порта. Одним из удобных в этом отношении мест был Ляодунский полуостров. Утверждение здесь Японии означало бы для России потерю важного со стратегической точки зрения места, где мог бы располагаться такой порт. Вполне оправданные опасения русского правительства усиливались еще и тем, что к 1895 году русских войск на Дальнем Востоке было очень мало. Немедленная же переброска русских войск из европейской части России была невозможной. Великий Сибирский железнодорожный путь, одной из важнейших задач которого и была перевозка армии для защиты еще не сложившихся русских границ на Дальнем Востоке, дошел лишь до Забайкалья, и встал вопрос куда дальше вести железную дорогу - по Амуру, делая большой круг, или же, значительно сократив путь, вести его через территорию Северной Маньчжурии [2]. Конечным пунктом дороги должен был стать Владивосток. Русское правительство предполагало, что японцы в будущем постараются завладеть и северной частью Маньчжурии, на которую у России имелись свои виды - получение здесь концессий, в том числе и на строительство железных дорог.

У каждой из европейских держав на территории Китая был свой круг интересов. В результате совпадения интересов Германии, России и Франции образовалась коалиция трех государств. Эти державы предложили Японии отказаться от Ляодунского полуострова. В результате т.н. "демарша трех держав" полуостров остался у Китая, последний же должен был заплатить дополнительно к контрибуции еще 30 млн. лян в возмещение.

Интересным является то, что государственный секретарь США Т.Фостер, присутствовавший при переговорах, счел необходимым довести до сведения японского правительства "секретные планы России": "Россия надеется оккупировать Северный Китай и Маньчжурию; она, конечно, против того, чтобы Япония заняла эти территории и была гарантом Кореи; 30 тыс. русских войск находится на северной границе Китая и существует тенденция дальнейшего увеличения этих сил." [4]. Т.Фостер был прав только отчасти. На Особых совещаниях при русском императоре не шла речь об оккупации китайских территорий. Однако, фактом является то, что русское правительство держало свои намерения и планы в тайне. Известно, что 11 апреля, за неделю до подписания договора, Ли Хунчжан, китайский сановник, участвовавший в переговорах, шифрованной телеграммой сообщал китайскому правительству, что

он все еще старается выяснить, каково будет отношение России к условиям договора [5]. Такой образ действий русского правительства А.Л.Нарочницкий объясняет опасением за благополучный исход событий. Почувствовав поддержку России, Китай мог отказаться подписать условия мира, предложенные Японией. Это повлекло бы за собой оккупацию Пекина японскими войсками, нарастание напряженности на Дальнем Востоке [6].

Следующим обстоятельством, способствующим сближению России и Китая, стало получение китайским правительством займов. К концу японо-китайской войны Китай имел большой внешний долг. После войны к этому прибавилась и сумма контрибуции. Ежегодный же доход Китая не позволял ему самостоятельно расплатиться по долгам. Не было другого выхода, кроме получения крупных займов за границей. Ли Хунчжан считал, что заем надо взять у России, противники его считали, что следует обратиться к Англии. Наряду с мерами финансового обеспечения, среди прочих условий предоставления займа, выдвинутых Россией, значилось и требование приоритета в строительстве и эксплуатации железных дорог в Маньчжурии и Северном Китае. Россия готова была предоставить заем, но на условиях, которые позволили бы ей расширить свое влияние в Северном Китае. Из мемуаров С.Ю.Витте, бывшего в то время министром финансов России, известно, что поскольку такой большой заем не мог быть совершен Китаем только на основании кредита России, то Россия дала этому займу гарантию, взяв на себя обязательство обеспечить выплату Китаем задолженности по займам в случае невозможности погасить его ни таможенными пошлинами, ни вообще достоянием китайской империи [7]. 24 июня 1895 г. в С.-Петербурге была подписана декларация о предоставлении займа Китаю. Займы Китаю, кроме России и Франции, также предоставили Англия и Германия на выгодных для них условиях. Всего в течении четырех лет Китаю было предоставлено 7 иностранных займов, на общую сумму 370 млн. лянов, что поставило Китай в экономическую зависимость от европейских держав. Историк Б.А.Романов считает, что только благодаря русской гарантии Китай избежал учреждения интернационального контроля над своими финансами, как это предлагали сделать Франция, Германия и Англия [8]. Установление же над Китаем интернационального финансового контроля, как это уже было сделано в Турции и Египте, привело бы к потере Китаем финансовой самостоятельности.

Таким образом, рассмотрев ключевые моменты развития русско-китайских отношений в первой половине 90-х гг. XIX в., нельзя не заметить явную тенденцию на тесное сближение этих двух стран. До 1894 г. русское правительство воздерживалось от каких-либо активных действий на Дальнем Востоке, т.к. опасалось втягивания в разгорающийся конфликт между Китаем и Японией. Не имея в этом отдаленном и слабо связанном с европейской территорией России регионе достаточно мощных вооруженных сил, русское правительство признавало бесперспективность активного вмешательства в политическую ситуацию, складывающуюся на Дальнем Востоке. Принимая во внимание серьезность обстановки на своих слабоукрепленных дальневосточных границах, Россия предпринимала некоторые действия, направленные на усиление своего присутствия на Дальнем Востоке. В первую очередь это выразилось в укреплении военных стратегических позиций в этом регионе. События японо-китайской войны заставили русское правительство обратить пристальное внимание на происходящее здесь. Придерживаясь, в целом, линии невмешательства и тщательно скрывая свои планы, оно старалось выиграть время, необходимое для развертывания на границе и в Тихом океане своих вооруженных сил, выждало, чтобы занять наиболее удобную позицию в наметившейся в результате войны расстановки сил. Не последнюю роль здесь сыграло и усиление присутствия иностранных держав, и в первую очередь победившей в войне Японии. Стремясь не быть обойденной другими державами, Россия активизировала свою внешнеполитическую деятельность на Дальнем Востоке, но уже в ходе подписания мирного договора в г.Симоносеки.

Россия не без основания проводила более дружественную политику по отношению к Китаю, чем остальные страны. Это обуславливалось как традиционными добрососедскими отношениями России и Китая, что всячески подчеркивалось дипломатическими службами России, так и тем, что, имея на Дальнем Востоке своим соседом обширную Цинскую империю, которая не могла защитить себя от внешних агрессивных посягательств, русское правительство опасалось за свои недостаточно укрепленные пограничные территории. Успех "демарша трех держав", а также позиция России при предоставлении займов Китаю, обеспечивали ей определенный авторитет на Дальнем Востоке. Обстоятельства складывались благоприятно для сближения России и Китая, при этом русское правительство хотело надеяться на некоторые уступки со стороны Китая в этом стратегически важном регионе.

В политических кругах Китая после японо-китайской войны соотношение сил также складывалось в пользу России. Императрица Цыси и ее сподвижник в проведении политики изоляционизма князь Гун вызывали недовольство со стороны прозападнонастроенных представителей правящих кругов, которых поддерживал молодой император Гуаньсюй. Ли Хунчжан, проводивший политику самоусиления Китая путем заимствования достижений западно-европейской цивилизации, прежде поддерживаемый императрицей, теперь оказался под огнем критики. Он был обвинен в русофильстве. Но вскоре ряд чиновников прозападной ориентации изменил свои позиции в пользу России, т.к. считали, что только Россия может дать Китаю серьезную помощь и защиту и заставит японцев считаться с ним. В частности, предполагалась защита китайских морей русской эскадрой [9].

Деятельность С.Ю. Витте и Ли Хунчжана

Немаловажную роль в развитии дальнейших событий сыграли действительно выдающиеся государственные деятели С.Ю.Витте, со стороны России, и Ли Хунчжан, высокопоставленный китайский сановник, китайский Бисмарк, как его называли в Европе. Ли Хунчжану к 1896 г. уже было за семьдесят, он сделал блестящую политическую карьеру, был одним из богатейших людей Китая. За долготелную службу императорскому двору он был пожалован многочисленными высочайшими титулами. В области внешней политики Ли Хунчжан придерживался традиционной линии: "сидеть на горе и наблюдать за борьбой тигров", предварительно столкнув их друг с другом. Его пророссийская ориентация ни для кого не была секретом. Еще перед началом и в ходе войны Японии с Китаем он неоднократно обращался за помощью к России. Странник заимствования достижений европейской цивилизации в интересах Китая, он видел именно в России потенциального союзника. Ориентация его на Россию объяснялась прежде всего тем, что Россия - ближайший сосед Китая, имеющий общую с Китаем границу. Более или менее дружественные отношения между Россией и Китаем, сохранявшиеся в течение длительного времени, давали Ли Хунчжану надежду, что они останутся такими же и в будущем.

Деятельность такой крупнейшей фигуры в политике и

дипломатии Китая как Ли Хунчжан получила неоднозначную оценку в китайском обществе. Яркую, и в то же время точную характеристику дал ему в своей книге один из видных представителей движения реформаторов в Китае Лян Цичао: "Представим себе человека, которого миллионы людей превозносят и миллионы людей порицают... Преклоняясь перед талантами его, я жалею о недостатке его дальновидности" [10]. Лян Цичао считал, что неоднократное заключение договоров с иностранными державами на невыгодных для Китая условиях - это упущение в политике Ли Хунчжана, который в борьбе за ничтожные интересы упускал из вида вопросы первостепенной важности. Эта книга была переведена и издана на русском языке в 1905 г. В российском обществе не могли не интересоваться таким значительным лицом в китайской политической жизни, настолько значительным, что С.Ю.Витте счел возможным утверждать, что, в сущности, Ли Хунчжан и управлял китайской империей [11]. Внешнеполитическая деятельность Ли Хунчжана в китайских патриотических кругах и в работах историков КНР оценивается как предательство национальных интересов. Иная оценка дана в императорском указе: после смерти Ли Хунчжану было дано посмертное имя Вэнчжун, что означало "Безупречный и преданный" [12]. О неблагодарности дипломатической деятельности он писал в 1875 г. следующее: "Современные сухие педанты в большинстве случаев видят во внешних сношениях нечто бросающее тень на человека... Большинство связано старыми укоренившимися положениями, стеснены боязнью суда толпы" [13]. Ли Хунчжана "суд толпы" не пугал.

Российские правящие круги рассматривали Ли Хунчжана как единственного человека в Китае, который мог способствовать укреплению политических и экономических связей России с Китаем. Вне всякого сомнения, склонность Ли Хунчжана придерживаться в решении внешнеполитических вопросов русской линии была известна в дипломатических кругах России. Поэтому не случайно, что именно через этого китайского сановника российские политики намеревались установить преимущественное влияние России на ход событий на Дальнем Востоке. Таким образом, в середине 90-х гг. XIX века для России складывалась благоприятная ситуация для продвижения своих интересов на Дальнем Востоке. Для этого было необходимо установить более тесные отношения с Китаем. И, как видно из дальнейшего,

предполагалось подписать секретный, оборонительный договор, направленный против Японии.

Дальнейшее развитие событий напоминает сюжет из детективного романа. Весной, в конце марта 1896 г. Ли Хунчжан отправляется в поездку по странам Европы и в Россию. Официальной целью его турне было установление более тесных контактов с правящими кругами европейских государств. В мае он должен был прибыть в Россию, чтобы вручить поздравления китайского императора Николаю II по случаю его коронации.

С этой целью в Россию сначала предполагалось направить одного из чиновников министерства иностранных дел, но русское правительство отклонило эту кандидатуру под предлогом того, что положение его слишком незначительно и он мало известен. Тем самым Россия вынудила китайское правительство отправить послом в Россию Ли Хунчжана. Последний же, стремясь действовать с развязанными руками и бесконтрольно, отказался от помощников, навязываемых ему [14]. Таким образом, Ли Хунчжан отправился в Россию в качестве "специального посла высшего ранга". Это был первый выезд Ли Хунчжана за пределы китайской империи, и впервые в истории русско-китайских отношений государственный деятель Китая такого высокого ранга должен был посетить Российскую империю.

23 февраля 1896 г., перед отъездом Ли Хунчжана в Европу, китайский император издал рескрипт на его имя, в котором, в частности, говорилось: "Ты, надеемся, проникнешься нашими помыслами и укрепишь дружественные отношения между государствами, осторожно и со всем вниманием осуществишь дело." Г.В.Ефимов, цитируя этот документ, подчеркивает, что речь в документе идет именно об установлении дружественных отношений между Китаем и Россией [15]. По возвращении же, в сентябре 1896 г., Ли Хунчжан заявил: "Двадцать лет были безрезультатны, но теперь я получил все сразу". Китайский историк Фань Вэньлань так расшифровывает эти слова: заключенный им тайный договор с Россией разрешает все проблемы и теперь Китай может не принимать во внимание мощь других держав. Двадцать лет назад Китай вынужден был согласиться с договором, навязанным Корее, вассальной территории Китая, Японией. По этому договору Япония получала свободу деятельности в Корее, и это означало поражение китайской дипломатии. Затем последовал унижительный для Китая Симоносекский мирный договор. Теперь

же, в 1896 г., заключив договор с Россией о помощи в случае конфликта с Японией, Ли Хунчжан считал свою миссию выполненной [16]. Как видим, в замечаниях китайского и русского историков есть общее - основной целью поездки китайского сановника являлось именно заключение договора с Россией. Заключая договор с Россией об оборонительном союзе против Японии, он думал прежде всего об обороне своих собственных предприятий в военной и экономической областях, направленных, как он считал, во благо Китая. Этим можно объяснить бытовавшее тогда в России мнение, что Ли Хунчжан действует только лишь по своей собственной инициативе во внешнеполитической сфере. Япония, ко всему прочему, была и его личным врагом. Во время японо-китайской войны потерпело крах все то, что являлось делом его жизни в предыдущие 30 лет - армия, флот. Он видел действительную опасность Японии для Китая.

С.Ю.Витте в своих воспоминаниях пишет, что опасался действий со стороны Англии, Германии или Австрии, которые могли перехватить Ли Хунчжана на пути в Россию. С целью исключить влияние всевозможных интриг со стороны европейских государств, Витте подал совет государю, чтобы кн. Ухтомский, прежде лично знакомый с Ли Хунчжаном, встретил его в Суэцком канале и на специальном корабле отправил в Россию [17].

По прибытии Ли Хунчжана в Петербург состоялись неофициальные встречи его с Николаем II, а также с министром финансов Витте. Они имели сугубо конфиденциальный характер. Тон встреч определял С.Ю.Витте. То обстоятельство, что в первых встречах с Ли Хунчжаном не участвовал министр иностранных дел, объясняется кончиной Н.К.Гирса, который был в курсе всех российских дальневосточных дел, а назначенный на пост министра иностранных дел престарелый князь А.Б.Лобанов-Ростовский, по мнению Витте, "решительно ничего не знал, да и не интересовался тем, что касалось нашей политики и наших вопросов на Дальнем Востоке" [18]. Николай II поручил Витте вести все переговоры с Ли Хунчжаном. Это было не случайно и объяснялось не только тем, что предстояло обсудить с Ли Хунчжаном ряд вопросов, касающихся дел сложных в финансовом отношении, но еще и потому, что центральным вопросом предстоящих переговоров должно было стать обсуждение возможности прокладки через территорию Маньчжурии железнодорожной линии до Владивостока - продолжение Сибирского железнодорожного пути, детища

С.Ю.Витте. Только Витте знал все стороны этого очень не простого дела. Кроме того Витте был уже заочно знаком с Ли Хунчжаном и имел с ним дела - предоставление Россией займа Китаю после окончания японо-китайской войны.

Витте и Ли Хунчжан хорошо понимали значимость железнодорожных путей сообщения в развитии экономики государства. Так, например, Витте сделал свою карьеру от простого кассира и начальника станции до управляющего Министерством путей сообщения. Ли Хунчжан же, будучи активным проводником "политики самоусиления" путем заимствования технических достижений западной цивилизации, активно привлекал казенный и иностранный капитал для строительства железной дороги на Шаньхайгуань. Им было создано Управление железными дорогами Северного Китая. Таким образом, взгляды обоих политиков совпадали и успех переговоров о строительстве железной дороги через китайскую территорию был обеспечен.

Витте так поясняет свою позицию во время встреч с Ли Хунчжаном: "Для того, чтобы мы могли поддерживать целостность Китая, нам прежде всего необходима железная дорога, и железная дорога, проходящая по кратчайшему направлению во Владивосток: для этого она должна пройти через северную часть Монголии и Маньчжурии; наконец, дорога эта нужна и в экономическом отношении, так как она подымет производительность и наших русских владений, где она пройдет, и также производительность тех китайских владений, через которые она будет идти". В качестве дополнительного аргумента в своих беседах с Ли Хунчжаном, Витте выдвигал следующее положение: Япония - противник и Китая, и России на Дальнем Востоке - не будет противиться строительству этой железной дороги, т.к. "путь этот будет, в сущности говоря, соединять Японию со всей Западной Европой... и, следовательно, дорога эта будет встречена Японией благожелательно" [19].

Во время этих встреч были намечены и одобрены обеими сторонами предварительные условия соглашения между Китаем и Россией. Они заключались в следующем:

1) Железная дорога должна пройти по территории Китая из Читы до Владивостока. Строительство железной дороги должно вестись частным обществом, но не принадлежать казне.

2) Под эту дорогу Россия будет иметь полосу отчуждаемой земли в размерах необходимых для этого. Земля будет принадлежать России в лице частного общества, обозначенного

выше. На этой земле вдоль железной дороги Россия будет иметь свою полицию, охрану. Россия обязывалась защищать китайскую территорию от всех агрессивных действий Японии [20].

Непосредственное участие министра финансов С.Ю.Витте в переговорах объяснялось так же тем, что предполагалось решить сугубо конфиденциальный вопрос - выплата "вознаграждения" Ли Хунчжану. В своих мемуарах Витте пишет, что всего один раз он прибегнул к поощрению китайских сановников. Однако, как видно из дальнейшего, к подобной мере он прибегал не единожды. Сам факт "поощрения" Ли Хунчжана после подписания Московского договора Витте в своих мемуарах не упоминает. Однако известно, что на следующий день после подписания договора, 23 мая был составлен "Протокол". Подлинник его написан на простой бумаге, на французском языке, рукой банкира Ротштейна с поправками, внесенными Витте. Под ним стоят подписи П.М.Романова, директора канцелярии министра финансов, кн. Ухтомского, председателя правления Русско-Китайского банка, и Ротштейна [21]. Б.А.Романов, историк, подробно занимавшийся этим вопросом, считал, что протокол был спешно составлен на другой день после подписания договора с целью "успокоить Ли Хунчжана", и не имеет никакой юридической силы. Обратимся к содержанию этого документа. По сути - это решение правления Русско-китайского банка, принятое с целью облегчения переговоров об основании Восточно-Китайской железной дороги и для выполнения этого. Для этой цели выделяется сумма не свыше 3 млн. руб. Треть указанной суммы будет использована по получении указа китайского императора о предоставлении России концессии на железную дорогу; треть - будет использована после подписания и окончания оформления концессии; и последняя треть - по окончании постройки дороги. Деньги предоставляются Ухтомскому и Ротштейну, которые будут свободно располагать ими без всякой ответственности. Указанная сумма проводится как расходы на сооружение дороги. В документе упоминается Ли Хунчжан, как лицо должное способствовать заключению концессии.

С.Ю.Витте пишет, что в ходе предварительных переговоров в С.-Петербурге весной 1896 г. Ли Хунчжан не получал от русского правительства взятку и не вел никаких разговоров об этом [22]. Однако из телеграммы Ухтомского Витте от 2 сентября 1896 г. известно, что на первого была возложена миссия по передаче первой выплаты в 1 млн. руб. лично из рук в руки в Шанхае. Как пишет

Б.А.Романов, Ли Хунчжан получил первый миллион рублей со значительной задержкой, а второй и третий не получил вообще [23].

20 декабря 1896 г. Николай II издал тайное распоряжение в адрес министра финансов Витте, в котором говорилось о создании Особого фонда. Фонд создавался из средств, которые "Общество КВЖД" должно было заплатить правительству за изыскания по строительству железных дорог в Маньчжурии, в размере 3 млн. руб. Эта сумма предназначалась для покрытия расходов, связанных с выдачей китайским правительством концессии на строительство КВЖД. Отчисление сумм из Фонда могло производиться только с личного разрешения Николая II. В Министерстве финансов имелось дело о выдачах из Особого фонда. Первым пунктом расходов и являлась сумма в 1 млн. руб., выданная в марте 1897 г. Ли Хунчжану. Под третьим и четвертым пунктами записаны расходы, связанные с получением Россией аренды на Ляодунский полуостров [24]. Если Ли Хунчжану было вручено чуть более 600 тыс. руб., то другому китайскому сановнику, подписавшему Конвенцию об аренде, Чжан Иньхуану - в 12 раз меньше. Витте в своих воспоминаниях пишет всего лишь о двухкратной разнице - 500 и 250 тыс. лян. соответственно (1 лян в то время = 2,24 руб. - А.К.). Из списка выплат видно, что деньги из фонда уходили не только на дела, так или иначе, связанные с Дальним Востоком, большая сумма была выдана самому Николаю II. В январе 1898 г. П.А.Бадмаев получил из Особого фонда 250 тыс. руб. Видимо, намерения его были настолько серьезны, что даже в бумагах не подлежащих огласке, не была указана цель выдачи денег.

Вопрос о вознаграждении, "поощрении" китайских сановников является довольно сложным. Тот же доктор Бадмаев, не без основания, писал в ноябре 1896 г., что каждый китайский чиновник "занят своими корыстными побуждениями, не имеющими ничего общего с интересами Сына неба и подданных; каждый поэтому употребляет все ухищрения, чтобы захватить как можно большой размер сферы своего влияния, чтобы тем лучше и беспрепятственнее проводить всякие хищения" [25].

С.Ю.Витте, судя по оставленным мемуарам, считал себя большим знатоком восточной дипломатии. Существование в Китае системы взяток не было ни для кого секретом. "Жалованье, назначаемое чиновникам, обыкновенно очень ничтожно, и поэтому главным способом их вознаграждения являются взятки, поборы и приношения. Взятничество не считается даже злом, оно входит,

как нечто вполне естественное в общую систему управления и выполняется мастерским образом" [26]. Повидимому, Особый фонд был создан по инициативе С.Ю.Витте. Проводя через него определенные суммы денег для "стимулирования" китайских сановников, он не выходил за рамки обычных для китайской бюрократии отношений.

Русский посланник в Пекине А.П.Кассини писал о том, что Ли Хунчжан не пренебрегал никакими средствами для увеличения своего огромного состояния. Факт получения взятки Ли Хунчжаном присутствует во всех исследованиях, отечественных и зарубежных, посвященных этому периоду истории Китая. Факт дачи взятки не отрицается, но каждый из исследователей приводит свои версии обстоятельств получения денег и называет разные суммы. Они отмечают, что во всех случаях заключения каких-либо соглашений с Россией активное участие принимал Ли Хунчжан, и всякий раз это сопровождалось предложением или дачей ему определенной суммы денег.

Так, например, в монографии английского историка А.Литтла отмечается, что еще во время коронационных торжеств Ли Хунчжан, по словам некоего хорошо осведомленного корреспондента, получил большую сумму денег. Называется четверть миллиона фунтов стерлингов, в получении которой будто бы был обвинен Ли Хунчжан и которую он получил как вознаграждение за "продажу своей страны России" [27]. Автор высказывает различные предположения о причинах заинтересованности России в Ли Хунчжане. А.Литтл подчеркивает, что "люди, которые хорошо разбирались в подобных делах, всегда имели превосходные основания для утаивания их". В книге другого английского исследователя говорится, что Ли Хунчжан возвратился в Пекин с подписанным договором и двумя миллионами рублей в кармане [28].

Оборонительный союз между Россией и Китаем. "Конвенция Кассини"

Предварительные условия, выработанные в процессе переговоров в столице Российской империи, легли в основу так называемого оборонительного союза между двумя державами, подписанного 22 мая 1896 г. в Москве "под стук ножей и звон бокалов" коронационных торжеств, как писал упомянутый выше Лян Цичао. Та обстановка секретности, в которой был заключен

договор, породила множество слухов. Количество их множили донесения иностранных дипломатических представителей, внимательно следивших за происходящими у них на глазах активными контактами различных высших государственных сановников России со "специальным послом высшего ранга" Китая. С.Ю.Витте так объясняет причину секретности подписываемого договора: "Секретность этого договора вытекала из того, что этот договор был договором союзно-оборонительным против возможного противника - Японии, дабы не могло повториться то, что имело место, когда Япония разгромила Китай" [29].

Текст Московского договора хранился в тайне и был опубликован официально только после Октябрьской революции 1917 г. В декабре 1917 г. были рассекречены российские дипломатические архивы и позже среди прочих документов был опубликован и Московский договор 1896 г. Самая ранняя публикация текста договора относится к 1924 г. [30]. Текст договора при его заключении был сделан на двух языках - китайском и французском. Причем французский вариант текста был объявлен определяющим. В журнале "Борьба классов" (№№ 1-2 за 1924 г.) был дан перевод с французского варианта текста. Он ничем не отличается от варианта текста, опубликованного в 1927 г. Э.Д.Гриммом [31]. Небольшие разночтения в переводах объясняются стилистическими особенностями перевода, никоим образом они не меняют содержание статей договора.

Союзный договор между Россией и Китаем состоит из небольшой вводной части, в которой указываются цель и задачи его заключения, и шести статей. В преамбуле договора подчеркивается желание обеих держав укрепить мирные отношения на Дальнем Востоке, "счастливы установленные", и предотвратить "новые иностранные вторжения". В первой статье договора расшифровывается, кто же, по мнению договаривающихся сторон, был потенциальным иностранным агрессором. И Россия и Китай обязывались поддерживать друг друга в случае нападения Японии на "русские территории Восточной Азии, китайские территории или Корею". Следует отметить, что 2 мая этого же года в Сеуле был подписан русско-японский меморандум, который регулировал позиции Японии и России в Корее. Корейское правительство находилось под протекцией русской дипломатии, поэтому в Московском договоре речь идет о Корее. Китай, который утратил свой сюзеренитет над Кореей согласно Симоносекскому мирному

договору, все еще рассчитывал на возврат своих позиций в Корею.

Для обеспечения успешной переброски русских войск, в случае вооруженного конфликта, на китайский театр военных действий через Амурскую и Гиринскую китайские провинции (территория Северной Маньчжурии), предполагалось проложить железную дорогу по направлению к Владивостоку, которая должна была быть соединена с русской линией железной дороги (Сибирский железнодорожный путь). В статьях IV и V договора оговаривались условия прокладки и эксплуатации намечаемой железной дороги. Особо подчеркивалось, что в этом случае не будут попраны суверенные права китайского императора. В мирное время перевозка русских войск по этой железной дороге может быть вызвана "только чисто техническими условиями транспорта". Этот договор должен был иметь силу и значение в течение 15 лет после утверждения китайским императором контракта на строительство железной дороги.

Как уже отмечалось выше, кое-какие слухи об этом договоре просочились за границу, на страницы иностранной и русской печати. Так как собственно текст договора оставался в тайне, а между Россией и Китаем в последующие месяцы был заключен ряд экономических соглашений, то пресса приняла пункты последующих соглашений, которые русское правительство и не пыталось скрывать, за основные положения Московского договора. При этом статьи, определявшие оборонительный характер договора, остались в тени.

Ю.Я.Соловьев, бывший с 1895 по 1898 год секретарем русской миссии в Китае, в своих мемуарах называет Московский договор 1896 г. "секретным договором о КВЖД" [32]. Последующие замечания Ю.Я.Соловьева свидетельствуют о его недостаточной осведомленности в этом вопросе. Описание следующего события также подтверждает это. Соловьев, ссылаясь на так называемые мемуары Ли Хунчжана, пишет, что французский посланник в Пекине Жерар непреднамеренно ознакомился с текстом Московского договора, воспользовавшись "случайно" забытой записной книжкой Ли Хунчжана, и переписал текст договора в отсутствие ее владельца [33]. Это скорее всего вымысел, так как подлинность мемуаров Ли Хунчжана, изданных в Лондоне в 1913 г. через много лет после смерти автора, вполне обоснованно опровергается многими исследователями, в частности Г.В.Ефимовым [34].

В 1897 г. в С.-Петербурге вышла в свет книга К.Скальковского,

посвященная внешнеполитической деятельности России [35]. Автор пишет, что осенью 1896 г. возникли слухи о тайно заключенном русско-китайском договоре. Английские газеты опубликовали текст конвенции из 12 статей, составленных на трех языках - китайском, русском, французском. Подчеркивалось, что французский текст имеет решающее значение в случае разночтений. Договор будто бы подписан, писали газеты, членами китайского военного министерства и русским посланником в Пекине графом Кассини. Главнейшие статьи этого договора, отмечалось дальше, состоят в том, что Сибирская железная дорога может быть продолжена по китайской территории во Владивосток. Скальковский пишет, что слух частично подтвердился. 27 августа 1896 г. был опубликован русско-китайский договор об образовании Общества для сооружения и эксплуатации железной дороги. Автор делает правильный вывод, что настоящим хозяином дороги будет русское Министерство финансов.

Действительно, 27 августа 1896 г. был подписан Контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД. В этом документе 12 статей, которые оговаривают условия строительства и использования железной дороги в Маньчжурии. Контракт был подписан в Берлине представителями Русско-Китайского банка Ротштейном и князем Ухтомским, а с китайской стороны - сановником Сюй Цзинчэном, полномочным министром китайского императора в С.-Петербурге.

Статья 1-я говорит об учреждении "Общества Китайской Восточной железной дороги". Здесь же указаны условия, на которых будет основываться Общество в своей деятельности. В следующих статьях были подробно оговорены: направление линии железной дороги, сроки начала и окончания работ, возможности доставки материалов и рабочей силы на строительство, обеспечение безопасности, о землях под линию дороги и условиях их отчуждения, о тарифах на перевозку товаров, положения о пассажирах, багаже и т.д.

Таким образом, под секретным договором, о котором упоминает К.Скальковский вслед за английскими газетами, по всей вероятности, подразумевается упомянутый выше Контракт на строительство железной дороги.

В журнале "Вестник Европы", издаваемом в России, в обозрении иностранных событий от 1 января 1897 г. говорится, со ссылкой на лондонскую же печать, о содержании "трактата", заключенного между Россией и Китаем. Основными положениями его были, как пишет автор журнальной статьи, следующие:

1) Китайское правительство разрешает России провести часть Сибирской железной дороги через китайскую территорию и построить дорогу на Мукден, если сами китайцы откажутся от ее строительства.

2) России разрешается иметь своих солдат на главнейших железнодорожных станциях для охраны ее имущества и подвижного состава.

3) России отдается в пользование на 15 лет морской порт Киаочао /Цзяочжоу - А.К./, с тем условием, чтобы в случае возникновения опасности военных действий, Россия могла ввести сюда свои войска.

4) Россия гарантирует возможную поддержку Китаю для защиты южных портов Ляодунского полуострова от иностранных посягательств. Для этого русские морские силы могут быть временно сосредоточены у Порт-Артура, но исключительно в случае военного конфликта.

России, кроме того, разрешалось разрабатывать рудники и угольные копи в двух пограничных провинциях Китая, оговаривалась также возможность участия русских офицеров в военной реорганизации пограничных провинций [36].

Автор обозрения дает и комментарий перечисленным выше основным положениям документа. Он сомневается в правдоподобности его. "Заключение такого союза маловероятно. Для нашей дипломатии было бы, конечно, большою заслугою приобретение столь крупных преимуществ по договору с Китаем без соответственных затрат и повинностей... Впрочем некоторые пункты приведенного трактата намекают на существование обязательств, касающихся охраны неприкосновенности китайской территории". Далее автор вполне справедливо предполагает, что китайское правительство "едва ли вступало в непосредственные сношения с существующим у нас частным Русско-Китайским банком без предварительных переговоров и соглашений с официальными представителями России. Договор с банком мог быть только результатом прямого соглашения обоих правительств" [37]. Говоря о "непосредственных сношениях", он подразумевает "Контракт на постройку КВЖД" и устав "Общества КВЖД" (утвержден Николаем II 4 декабря 1896 г.). Здесь же дается подробная роспись статей "Контракта" и выражается удивление тем обстоятельством, что железная дорога находится в ведении Министерства финансов, а не Министерства путей сообщения.

Удивление автора вызывает и то, что за частным Обществом скрываются хорошо просматриваемые государственные структуры России. Высказывая предположение о существовании некоего межгосударственного договора, предшествующего соглашению о КВЖД, автор обзора подвергает сомнению реалистичность осуществления этого договора, утверждая, что у Ли Хунчжана не было достаточных полномочий, чтобы подписывать его. Если же Ли Хунчжан и подписал договор, то это не означало, что китайское правительство собиралось выполнять его условия, т.к. в Китае "существуют свои особые взгляды на полномочия и функции государственных людей". Как видно из этой статьи, человек, написавший ее, был хорошо знаком с обстоятельствами русской политики в Китае. Это позволило ему удивительно точно подметить характерные моменты внешнеполитической линии России в этом регионе.

Документ, предложенный вниманию читателя в этой статье, заимствованный из английской газеты, встречается и у других авторов этого времени. Он получил название "Конвенция Кассини". Г.В.Ефимов в своей монографии пишет, что этот документ был первой версией русско-китайского договора, опубликованной 18 октября 1896 г. в Шанхайской газете "North China Herald", издававшейся на английском языке. До 1910 г. эта т.н. "Конвенция" оставалась единственной правдоподобной версией, объясняющей русскую политику в Маньчжурии [38].

В книге Лян Цичао, посвященной деятельности Ли Хунчжана, дается подробное содержание этого же документа. При этом без всяких сомнений утверждается, что это и есть секретный договор, подписанный между Китаем и Россией [39]. Однако, здесь же, А.Н.Вознесенский, который переводил эту книгу на русский язык, полагает сомнительным существование его, по крайней мере, в таком виде. Он называет "Конвенцию Кассини" актом "дипломатической ловкости Ли Хунчжана, направленной против Японии".

"Конвенция Кассини" в книге Лян Цичао представлена в виде 12 статей. В преамбуле документа говорится, что дружественная помощь России, оказанная Китаю во время подписания Симоносекского договора и особенно усилия России по возвращению Ляодунского полуострова Китаю, дали основания для заключения между двумя странами дружественных соглашений, касающихся развития торговых отношений и выяснения пограничных вопросов. Прямым следствием этого явилось

подписание в Пекине специальных статей, касающихся условий проведения железной дороги, которая соединила бы территорию Маньчжурии с Сибирским путем. Конвенция была подписана посланником России в Китае гр. Кассини, отсюда она и получила свое название, а с китайской стороны - представителями военного ведомства китайской империи. Поскольку дело касалось не только пограничных и торговых вопросов, но и, как сказано в тексте конвенции, защиты приморской области, то в подписании конвенции принимали участие и военные представители Китая. Содержание этой части документа напоминает основные моменты переговоров, которые велись между Россией и Китаем в 1895 году после поражения Китая в войне с Японией. Кратко их суть можно выразить словами: Россия оказала Китаю действительную помощь, поэтому Китай не может не оказать России услугу. В правящих кругах России это понималось однозначно: строительство русской железной дороги через Маньчжурию. Таким образом, в "Конвенции Кассини" идет речь о строительстве железной дороги, а точнее, о двух ее линиях: Владивосток-Хунчунь-Гирич и пункт Сибирской ж.д.; Айгунь-Цицикар-Будунэ-Гирич.

В этом документе говорится и о втором "праве" России - праве на незамерзающий порт на Тихоокеанском побережье. Таким портом, по Конвенции, в случае угрозы военных действий, должен был стать на 15 лет порт Киаочао /Цзяочжоу/. Действительно, этот порт рассматривался русским правительством в качестве наиболее вероятного варианта. Однако в ноябре 1897 г. Германия заняла порт Цзяочжоу. В Записке на Высочайшее имя, датированной 11 ноября 1897 г., министр иностранных дел России М.Н.Муравьев так поясняет случившееся. Еще в начале 1896 г. посланник в Пекине гр. Кассини "указал права России на эту бухту" германскому посланнику и германское правительство отказалось от своих притязаний на этот порт. Однако возвращение Германии к прежнему намерению, Муравьев объясняет тем, что Ли Хунчжан разъяснил германскому представителю о переговорах между Кассини и Цзунлиямынем (внешнеполитическое ведомство Китая - А.К.) в 1895 г. относительно бухты Цзяочжоу, когда Россия фактически проявила равнодушие к ней, продолжая пользоваться японскими портами. Но Муравьев считает, что Россия должна быть готова к неожиданностям, а для этого должна содержать в Тихом океане значительный флот и хорошо снабжаемый порт. При враждебных действиях со стороны Японии именно порт Даляньвань

(Дальний - А.К.), находящийся на Ляодунском полуострове, лучше всего отвечает этому условию, т.к. располагается на менее отдаленном расстоянии от Сибирской магистрали и может быть связан железной дорогой с Гирином и Мукденом. Муравьев пишет, что китайское правительство обеспокоено действиями Германии и просит защиты России. "Занятие нами Даляньваня мы легко могли бы объяснить в Пекине желанием нашим иметь твердую опору для эскадры России на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий" [40]. В этот же день Николай II писал М.Н.Муравьеву: "Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в северо-восточном углу Корейского залива" [41].

Именно эти порты Цзяочжоу и Даляньвань фигурируют в "Конвенции Кассини". Россия обязуется, согласно документу, гарантировать охрану Даляньваня и Люйшуньюко (Порт-Артур - А.К.) от притязаний других держав, а в случае необходимости применить военную силу для защиты и занять эти порты, используя их как военные базы своих сухопутно-морских сил.

"Конвенция Кассини" появилась в английских газетах в октябре 1896 г. Через полтора года Россия и Китай заключили в Пекине конвенцию об аренде Порт-Артура и Дальнего (Даляньваня). В документе речь идет о двух портах, как и в "Конвенции Кассини". Но ситуация в Китае к этому времени существенно изменилась. Европейские державы одна за другой навязывали Китаю соглашения на аренду бухт и прилегающих территорий. В марте 1898 г. Германия оформила захват Цзяочжоу официальным договором, тем самым спровоцировав Россию на взятие в аренду Порт-Артура и Дальнего. Конвенция по аренде была подписана 15 марта 1898 г. Условия, на которых Россия могла использовать эти порты, существенно отличались от условий, сформулированных в "Конвенции Кассини", хотя причина, побуждающая Китай предоставить их России, в обоих документах по сути своей одинакова: "взаимно обеспечить средства для оказания обоюдной поддержки". Россия получала порты в полное и исключительное пользование сроком на 25 лет. Здесь также оговорены условия строительства железнодорожной ветви от линии КВЖД до Даляньваня. Дважды в этой конвенции подчеркивается, что действия России не должны служить предлогом для захвата китайской территории или посягательства на верховные права китайского императора на арендуемую территорию. Нужно

отметить, что русские условия аренды были более "мягкими", чем условия договора об аренде Цзяочжоу Германией. У последней срок аренды был 99 лет. Подобные договоры об аренде были заключены Китаем с Францией (апрель 1898 г., бухта Гуаньчжоувань, на 99 лет); в конце мая этого же года английские войска высадились в бухте Вэйхайвэй. Таким образом западные державы начали приобретать свои "сферы влияния" в Китае.

Необходимо подчеркнуть, что если в "Конвенции Кассини" шла речь лишь об использовании китайского порта Россией в случае необходимости, то в "Конвенции об аренде" говорится о длительном сроке пользования этой территорией.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что "Конвенция Кассини", по всей вероятности, является ничем иным, как попыткой реконструкции возможных статей секретного договора между Россией и Китаем, о заключении которого подозревали политики и дипломаты иностранных держав. Основным источником этих статей, несомненно, являются разрозненные сведения, просочившиеся из русского посольства в Китае, т.к. в статьях предполагаемого секретного договора, наряду с пунктами традиционной русско-китайской политики, содержатся сведения, вытекающие собственно из переговоров гр. Кассини с членами Цзунлиямыня, Ли Хунчжаном, китайскими министрами. Как видно из документов, которые были приняты в 1897, 1898 гг., статьи так называемого "секретного договора между Россией и Китаем" - "Конвенции Кассини" не нашли отражения в большинстве своем, т.к. по сути своей были всего лишь предварительными вариантами переговоров, происходившими между Россией и Китаем. Тот факт, что "Конвенция Кассини" вышла из английской печати, Г.В.Ефимов рассматривает как "прямую фальсификацию" английской агентуры для оправдания домогательств Англии в Китае [42]. Конечно, можно допустить, что определенные английские круги были заинтересованы в изготовлении подобной фальшивки. Однако все то, о чем говорится в конвенции, не противоречит действительному содержанию русско-китайских контактов в это время. Г.В.Ефимов считает также, что "Конвенция" совершенно не отражает действительного содержания договора 1896 г. Но она и не могла его отражать, т.к. "Конвенция" представляет собой лишь механическое соединение разрозненных моментов действительной политики России в Китае без понимания качественных особенностей внешнеполитической

концепции России на Дальнем Востоке, которая к тому же находилась в постоянном развитии.

"Конвенция Кассини" получила широкую известность в Китае. Это подтверждается докладами губернаторов двух провинций - Шаньдуна и Хэнани, в которых критикуются положения 12-ти статей этой "Конвенции". Г.В.Ефимов приводит выдержки из докладов в своей монографии [43]. Китайские сановники, возглавлявшие провинции, находившиеся вблизи территорий вызывавших интерес у России, предупреждали о возможности обмана со стороны русского правительства и опасались, что Китай в таком случае попадет в зависимость.

В 1910 г. вышел обстоятельный социально-политический очерк А.Петрова о положении в Китае и месте китайской империи в международных отношениях. Автор очерка пишет о положениях "секретного" договора, которые в точности соответствуют пунктам "Конвенции Кассини" [44]. Но в том же 1910 г., как пишет Г.В.Ефимов, в лондонской газете "Daily Telegraph" сын Ли Хунчжана опубликовал подлинный текст секретного Московского договора 1896 г. Однако в этой публикации отсутствовали вводная и заключительная части договора, его протокол и дата подписания [45]. Здесь, по всей вероятности, Г.В.Ефимов имеет ввиду публикацию, которая появилась в этой газете не ранее как 15 февраля 1910 г. В газете приводится рассказ Ли Цинмэя, сына Ли Хунчжана, бывшего в это время представителем китайского императора при английском королевском дворе. Он разъяснил статьи русско-китайского договора, чтобы показать, что его отец при заключении соглашения с Россией был обманут русскими и все обвинения, предъявляемые Ли Хунчжану, несправедливы [46].

На Вашингтонской мирной конференции 1921-1922 гг., на 25-ом заседании Комитета по делам Дальнего Востока впервые официально китайские представители признали существование русско-китайского договора и огласили содержание его статей. В книге английского исследователя Дж.Д.Филипа, вышедшей в свет в 1928 г., приводится его текст. Автор ссылается на протоколы конференции, опубликованные в США [47]. Сопоставление приводимых в книге статей договора с публикациями этого текста на русском языке, свидетельствует, что здесь представлен точный постатейный пересказ оригинала. Однако надо отметить, что в публикации Дж.Д.Филипа отсутствуют вводная и заключительная части, протокол и дата подписания договора. Выше уже

упоминалось, что только в 1924 г. в советском журнале "Борьба классов" был опубликован полный текст договора, переведенный с французского оригинала. Дж.Д.Филип вполне мог не знать этой публикации, а Б.А.Романов, автор ее, мог не располагать материалами Вашингтонской конференции.

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что Московский договор 1896 г. явился прямым следствием наметившейся после японо-китайской войны активизации внешнеполитической деятельности России на Дальнем Востоке. Заключение союзного договора между Россией и Китаем было результатом не только успешной русской политики, но и предопределялось устремлениями самой китайской дипломатии, которая, правда, была не всегда последовательна в своих действиях. Договор 1896 г. стал ключевым звеном всей русской политики в Китае в 90-е гг. прошлого века, он дал импульс для последующих соглашений между Россией и Китаем, основы которых были заложены в самом тексте договора. Борьба за сферы влияния в Китае между империалистическими державами предопределила основные направления русской политики в этом регионе. Строительство железных дорог и борьба за тихоокеанские порты стали основными ее моментами. Своеобразие русской политики в Китае в 1896-1898 гг. заключалось в том, что фактически, все рычаги ее находились в руках министра финансов С.Ю.Витте. Строительство железных дорог и финансовые операции, проводившиеся в Дальневосточном регионе обуславливались и являлись главной причиной этого обстоятельства. Деятельность таких крупных политиков и государственных деятелей России и Китая как С.Ю.Витте и Ли Хунчжан оказывала ощутимое влияние на развитие русско-китайских отношений в этот период.

Роль Московского договора в развитии русско-китайских отношений в нач. XX века

Московский договор 1896 г. послужил отправной точкой для подписания между Россией и Китаем целого ряда соглашений, которые были уже упомянуты выше. Для того, чтобы понять роль Московского договора 1896 г. в развитии русско-китайских отношений, необходимо рассмотреть соответствие всех последующих соглашений России с Китаем статьям этого документа.

После заключения в феврале 1881 г. С.-Петербургского договора об Илийском крае и торговле в Западном Китае, между двумя государствами в течение 14 лет не заключалось никаких соглашений. В июне 1895 г. была подписана Декларация о предоставлении Китаю 4 % займа. За день до заключения Московского договора в Тяньцзине было скреплено подписями и печатями Положение о русской концессии в Ханькоу. 22 мая 1896 г. был подписан Союзный договор. Первым соглашением, последовавшим за ним, было заключение контракта на строительство железной дороги через Маньчжурию. Собственно контракт был подписан в Берлине представителями Русско-Китайского банка и китайским сановником Сюй Цзинчэном, посланником китайского императора в С.-Петербурге. Сам контракт также носил секретный характер, однако в прессе в начале 1897 г. появился официальный текст устава "Общества КВЖД", в котором упоминалось о заключении вышеназванного Контракта. Содержание Контракта представляет собой подробное изложение условий создания, принципы организации и деятельности "Общества КВЖД". По этой причине можно утверждать, что после опубликования Устава Общества, содержание Контракта в известной степени перестало быть секретным.

Общество учреждалось Русско-Китайским банком, которому китайское правительство вверило постройку и эксплуатацию маньчжурской линии. Банк был создан в декабре 1895 г. 3/8 его капитала взял на себя Международный банк Ротштейна. Именно последний в мае 1895 г. вел в Париже переговоры об устройстве займа Китаю. Этим и объясняется его участие в создании Русско-Китайского банка. 5/8 капитала принадлежало французской группе, которую возглавляли Нецлин и Готтингер. В правление банка вошли А.Ю.Ротштейн, зять одного из Ротшильдов и директор С.-Петербургского международного коммерческого банка; Нецлин, Готтингер и Шабриер - французские финансисты; пять русских членов правления банка назначались С.Ю.Витте. Председателем правления являлся кн. Ухтомский Э.Э. Формально именно Русско-Китайский банк и являлся владельцем всего портфеля акций "Общества КВЖД". Но все акции на 5 млн. руб. купило русское правительство. В правлении компании по строительству КВЖД состояли уже упомянутые Ухтомский и Ротштейн, чиновник русского министерства финансов Кербец, товарищ председателя Совета международного банка Циглер, ставший вскоре членом

правления Русско-Китайского банка; П.М.Романов, директор канцелярии министра финансов. Председателем правления Общества КВЖД был китайский сановник Сюй Цзинчэн.

Русско-Китайский банк и образованное им Общество работали параллельно. В сферу деятельности банка входило ведение торговых операций, перевозка товаров, участие в финансовых операциях китайской казны, в том числе прием налогов, выпуск монеты; приобретение концессий на строительство железных дорог и телеграфных линий на территории всего Китая. Фактически, за деятельностью Русско-Китайского банка и частного "Общества КВЖД" стояло русское Министерство финансов во главе с С.Ю.Витте, который проводил таким образом политику русского правительства в Китае. Именно русское правительство в дальнейшем брало на себя все облигационные займы, выпускавшиеся Обществом для ведения строительства и эксплуатации дороги.

Ю.Я.Соловьев в своих "Воспоминаниях" пишет, что в Пекине проводилась "двойная политика": политика Министерства иностранных дел в лице А.И.Павлова, русского поверенного в делах в Китае и Министерства финансов в лице директора Пекинского отделения Банка Д.Д.Покотилова. Этот параллелизм усугублялся тем, что Банк и Общество имели "привилегии государственного характера, превращавшие их в своего рода правительственные организации со многими внешними признаками суверенности" [48].

В Договоре 1896 г., заключенном на правительственном уровне, строительство железной дороги в Маньчжурии рассматривалось как основное условие обеспечения взаимной безопасности договаривающихся государств, а выполнение пункта IV - утверждение контракта на строительство железной дороги китайским правительством - являлось отправной точкой начала действия договора. Поэтому и деятельность Русско-Китайского банка, и создание "Общества КВЖД", и строительство железной дороги - все это имело черты государственной политики. Непосвященные в содержание секретного договора видели странности в том, что в частных предприятиях имелись элементы государственных учреждений.

Другим условием обеспечения взаимной безопасности было предусмотренное в статье III Московского договора право России пользоваться во время военных действий всеми портами Китая: сюда могли заходить русские военные суда. В этой статье нашла свое отражение идея получения "незамерзающего порта на

Тихоокеанском побережье". Высадка русских войск в Порт-Артуре, вскоре после захвата Германией Цзяочжоу, вызвала разные суждения и оценки этого факта. Министр финансов С.Ю.Витте назвал подобные действия "захватом, мерой возмутительной и в высокой степени коварной", потому, что Россия, заставив Японию отказаться от Ляодунского полуострова, в том числе и от Порт-Артура и Дальнего, сама же заняла эти порты. А обязавшись согласно Московскому договору защищать Китай от посягательств Японии, сама посягнула на территорию Китая. Это, считал Витте, заставит Китай изменить свое хорошее отношение к России и "из страны крайне к нам расположенной и дружественной, сделает страну нас ненавидящую вследствие нашего коварства". Подписание конвенции об аренде Порт-Артура и Дальнего вызвало опасения Витте за успех строительства железной дороги в Маньчжурии [49]. Впоследствии в письме, предназначенном для "Нового времени", он писал, что после ввода в начале декабря 1897 г. русской эскадры в Порт-Артур, осуществленного по инициативе министра иностранных дел гр. Муравьева, прекратил с последним всяческие внеслужебные отношения [50].

Гр. Муравьев поспешил заверить китайское правительство в самых лучших отношениях России к Китаю, и объяснил присутствие русских судов с войсками на рейде Порт-Артура, как пишет Витте, желанием "защитить Китай от немцев, и как только немцы уйдут - и мы уйдем" [51]. Недовольство Витте позицией Муравьева в отношении китайских дел предопределило обвинительный тон в мемуарах бывшего министра финансов в адрес недалководной политики министра иностранных дел, а также Николая II, который поддержал политику активных действий в Китае. Витте упоминает о своей телеграмме Вильгельму II, о контактах с Ли Хунчжаном, о попытках повлиять на Николая II, чтобы не допустить вооруженного столкновения и урегулировать конфликт.

Пребывание русской эскадры в Порт-Артуре вначале не носило характера оккупации. Так, газета "Дальний Восток", издававшаяся во Владивостоке, (№ 35 за 1897 г.) писала, что Россия действует как добрая соседка Китая, берущая на себя активную инициативу охранять спокойствие соседней империи. "Вестник Европы" опубликовал обзор событий на Дальнем Востоке, в котором оценил происходящие события как дружественные, развивающиеся тихо и мирно ко всеобщему удовольствию [52]. В печати того времени отразилась положительная оценка присутствия русских

войск в Порт-Артуре. Об этом же пишет и Ю.Я.Соловьев [53]. Он считает, что такой взгляд прессы на события был сознательно сформирован русским правительством. Однако, вероятнее всего, происшедшее явилось неожиданностью для русского общества и оно пыталось найти объяснение, исходя из дружественных отношений, декларируемых до сих пор официальными кругами и России и Китая.

В газете "Дальний Восток" за период с 18 февраля по 19 марта 1898 г., т.е. перед самым подписанием Конвенции о Порт-Артуре и Дальнем, появился ряд статей В.Панова под общим названием "Нужен ли России Порт-Артур?" В этих статьях корреспондент писал, что данный порт России не нужен, т.к. "по своим качествам имеет для нас весьма ограниченное стратегическое значение" и занятие его никогда не состоится, в противном случае это будет для России крупной ошибкой" [54].

Действительно, некоторая удаленность Порт-Артура от русских владений несколько ограничивала его стратегическое значение. Но обратимся к свидетельствам военных специалистов. После окончания японо-китайской войны, в Европе появился ряд публикаций, посвященных оценке вооруженных сил Китая и Японии. В 1896 г. появились издания и на русском языке. Написаны они были на основе немецких, французских, английских и японских источников [55]. Все авторы считают, что Порт-Артур - один из важнейших стратегических пунктов побережья Китая. За 12 лет упорного труда с огромными издержками генерал-губернатор Ли Хунчжан, пишут эти авторы, создал первоклассный военный порт, служивший во время войны опорным пунктом китайского флота. На верфях можно было не только починить, но и построить новые суда. Здесь был единственный на всем китайском берегу большой сухой док, минный док, депо, морской арсенал; со стороны моря были возведены превосходные укрепления по новейшим правилам под руководством английских и французских инженеров [56]. Таким образом, имелись все основания для притязаний России именно на этот порт.

15 марта 1898 г. была заключена Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове (об аренде Порт-Артура и Дальнего). С китайской стороны документ подписали Ли Хунчжан и Чжан Иньхуан, со стороны России - русский поверенный в делах в Китае А.И.Павлов. И здесь проявилась двойственность русской политики на Дальнем Востоке. Правда, в этом случае и министр

финансов, и министр иностранных дел действовали в одном русле. Позже в своих мемуарах С.Ю.Витте объясняет свою позицию боязнь возможных кровавых столкновений. Как бы там ни было, он, имея уже известный опыт, дал указание своему агенту в Пекине Д.Д.Покотиллову "заинтересовать" Ли Хунчжана и Чжан Иньхуана. Они должны были склонить вдовствующую императрицу к заключению Конвенции о передаче Порт-Артура и Дальнего России. Первому была обещана сумма в 500 тыс. руб., а второму - 250 тыс. руб. [57]. Русско-Китайский банк был форпостом политики русского правительства на Дальнем Востоке, орудием финансовой политики Витте. Поэтому Пекинское отделение банка, возглавляемое Д.Д.Покотилловым, стало удобным источником для проводимых Витте действий по "финансовому стимулированию" русской политики в Китае, т.е. предоставлении определенных сумм китайским сановникам, в поддержке которых было заинтересовано русское правительство. На следующий день после подписания Конвенции об аренде Ли Хунчжан получил 500 тыс. лян. Судьба Чжан Иньхуана сложилась более трагично. Несколько раз он получал по 15 тыс. лян в счет известной суммы. Его обвинили в предательстве интересов Китая, в сентябре этого же года он был отправлен в ссылку, имущество его было конфисковано, вскоре он погиб, так и не получив деньги полностью. Ли Хунчжану удалось избежать серьезного наказания благодаря заступничеству императрицы.

Итак, было выполнено второе пожелание России - иметь незамерзающий порт на Тихом океане, выполнено самым решительным образом. Обтекаемые условия III статьи оборонительного союза двух держав превратились в реально существующие два порта: Порт-Артур и Дальний. В первый имели право заходить только русские и китайские суда, второй был открытым для торговли портом. Вместе с ними Россия арендовала и южную оконечность Ляодунского полуострова. Связь с русской территорией должна была обеспечить Южно-Маньчжурская железная дорога.

Согласно Конвенции, заключенной между Россией и Китаем об аренде Порт-Артура и Дальнего, концессию на строительство соединительной ветки железной дороги должно было получить Общество КВЖД на тех же условиях, что и строительство маньчжурской ветки. По плану С.Ю.Витте и южно-маньчжурская железнодорожная ветка, и арендуемая часть Ляодунского

полуострова должны были быть в ведении "Общества КВЖД". Однако его планы осуществились лишь частично: порты Порт-Артур и Дальний в арендное пользование получило русское правительство, а не частное "Общество КВЖД". В этом отношении Муравьев М.Н. обошел Витте С.Ю. На этом закончилось непосредственное активное вмешательство министра финансов в политику, проводимую Россией в Китае, но в Китае действовали созданные и контролируемые Витте Банк и Общество, началось строительство железных дорог. На место мягкой и осторожной политики, которой он придерживался, пришли решительные и энергичные мероприятия, проводимые Россией в Маньчжурии. Здесь уже действия русского правительства ничем не отличались от действий других государств в Китае. Стремительно шел процесс раздела огромной, все еще придерживающейся сложившихся веками традиций, Поднебесной империи на сферы влияния более развитых экономически держав.

Соглашение между Россией и Китаем о строительстве КВЖД явилось прямым следствием заключения этими державами оборонительного договора 1896 г., а аренда Порт-Артура и Дальнего были predetermined.

Дальнейшее развитие событий показало, что заключение договора 1896 г. и последовавших за ним соглашений оказало значительное влияние на политическую обстановку на Дальнем Востоке в конце 90-х гг. XIX - начале XX вв. В конце 90-х гг. катастрофически быстро внедрялся иностранный капитал в слабо развитую экономику Китая, что привело к разделу страны на сферы влияния. Это обстоятельство predetermined характер взаимоотношений между Китаем и иностранными державами, а также политическую нестабильность в императорском Китае. Возникло, набрало силу и потерпело поражение прогрессивное реформаторское движение в июне-сентябре 1898 г. Разгром реформаторов привел к отстранению вдовствующей императрицы Цы Си от власти императора Гуаньсюя. Ли Хунчжан в конце августа 1898 г. был отстранен от государственных дел и отправлен на юг в качестве губернатора одной из провинций.

В отношениях между иностранными державами в Китае тоже произошли некоторые сдвиги. Нарушилось политическое противостояние двух сторон: Россия-Китай и Англия-Япония. 16 апреля 1899 г. было подписано англо-русское соглашение о разграничении сфер железнодорожных интересов в Китае. Япония

предпринимала попытки заключить с Китаем союзный договор. После отстранения Ли Хунчжана от дел, князь Цин, глава военного ведомства и ведомства иностранных дел, в прошлом противник Ли Хунчжана, стал держать курс на сближение с Японией. Г.В.Ефимов считает, что причиной этого сближения явилось разочарование в союзе с Россией китайских правящих кругов [58]. Сближение с Японией не состоялось, сама же идея союза с Японией китайской стороной воспринималась как противовес русско-английскому соглашению о железных дорогах. Китай традиционно рассматривал Россию как исконного противника Англии, поэтому соглашение между Россией и Англией, заключенное за спиной Китая, было воспринято как предательство. Согласно этому соглашению, стороны разграничивали сферы железнодорожных интересов: Россия имела право на концессии к северу от Великой Китайской стены, а Англия - в районе бассейна р.Янцзы. Особо оговаривалось строительство линии Шаньхайгуань-Нючжуан, ведущееся английскими инженерами в сфере русских интересов [59].

Таким образом, Контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД от 27 августа 1896 г., Конвенция об аренде Ляодунского полуострова от 15 марта 1898 г. и, наконец, англо-русское соглашение от 16 апреля 1899 г., закрепили Маньчжурию в качестве русской сферы влияния.

Маньчжурский вопрос стал главной проблемой русской политики в Китае на рубеже веков, а в первые годы XX в. явился причиной острых споров в правящих кругах России. Существовало две позиции по этому вопросу. Степень присутствия России в Маньчжурии лежала в основе разногласий. Борьба велась между министром финансов Витте, министром иностранных дел Ламздорфом, военным министром генералом Куропаткиным, с одной стороны, и министром внутренних дел Плеве, статс-секретарем Безобразовым, адмиралом Алексеевым, будущим царским наместником на Дальнем Востоке, с другой стороны. Первая группа придерживалась мягкой и осторожной политики, вторая - считала необходимым проведение решительных мероприятий по экспансии в Маньчжурии. Николай II в большинстве случаев поддерживал вторую группировку. Эта политика привела к тому, что Россия прочно обосновалась в Маньчжурии и в русском обществе говорили даже о возможной ее аннексии, которую увязывали с вероятностью раздела территории Китая иностранными державами. А.Н.Куропаткин спустя многие годы писал, что с "проведением Восточно-китайской железной

дороги по Северной Маньчжурии не только в умах русских людей, но и в умах Китая и Японии до русско-японской войны твердо засело убеждение в неизбежности присоединения Северной Маньчжурии к России" [60]. Здесь он ссылается на слова генерал-губернатора Приамурского края Д.И.Суботича, который писал в 1903 г., что за последние 50 лет Россия настолько далеко зашла в Маньчжурии, что возвращение на прежние позиции уже невозможно, а полторы тысячи верст маньчжурской железной дороги требуют для обеспечения ее безопасности обладания Россией прилегающей к ней территории [61]. Позже Суботич опубликовал брошюру, посвященную железнодорожной политике России на Дальнем Востоке [62]. В ней приведена копия этого письма, а также некоторые экономические выкладки, должны подтвердить его вывод о том, что деятельность России в Маньчжурии требовала огромных расходов. Б.А.Романов, основываясь на данных канцелярии министерства финансов, также пишет об огромных затратах, произведенных Россией в Маньчжурии [63].

Но что же получала Россия взамен? В марте 1903 г., после ввода в эксплуатацию маньчжурской линии КВЖД, С.Ю.Витте писал в своем докладе Николаю II, что "благодаря КВЖД Россия пользуется весьма значительными преимуществами, из коих важнейшими следует считать возможность содержать в пределах отчуждения КВЖД в мирное время, не вызывая никаких протестов ни со стороны Китая, ни со стороны других держав, неограниченное число военной силы под видом железнодорожной охраны; право ввозить в Маньчжурию русские товары по льготному тарифу; устанавливать по своему усмотрению тарифы на перевозку пассажиров и грузов и таким путем при посредстве дифференцированных поставок ограничить сбыт в Маньчжурию иностранных товаров; беспошлинно перевозить материалы и предметы, необходимые для эксплуатации дороги; разрабатывать каменноугольные месторождения и т.п." [64].

Следовательно, и выгоды России от эксплуатации железной дороги были велики, причем выгоды не только экономические, но и политические. В этом же докладе Витте так определяет русские мероприятия в Маньчжурии: "... тесно связанные между собой крупные политические предприятия в чужой стране с крайне своеобразным политическим, общественным и экономическим строем и многообразными коммерческими и политическими интересами иностранцев". Своеобразная политическая обстановка в Китае и взаимопереплетающиеся здесь интересы иностранных

держав предопределили возникновение антииностранного выступления ихэтуаней и русско-японскую войну 1904-1905 гг. Эти события вызвали крайне отрицательную оценку действий России в Маньчжурии. "По грандиозности и беспочвенности пальма первенства должна принадлежать политической авантюре "маньчжурской" с ее культурно-коммерческой начинкой гр. Витте" [65].

Восстание ихэтуаней (1898-1901 гг.) возникло на территории, находившейся в сфере влияния Германии, но оно охватило и северные провинции Китая, Маньчжурию. Восставшие нападали на русские станции, разбирали железнодорожные пути. Местные власти оказывали поддержку ихэтуаням, а китайские войска приняли сторону восставших. После объявления Цыси войны иностранным державам 21 июня 1900 г., сообщения русских представителей в Маньчжурии полны описаний причиненных ихэтуанями разрушений, их стычек с русскими отрядами, охранявшими дорогу. Ситуация в Китае вызвала беспокойство русского правительства. Министр финансов Витте направил Николаю II Всеподданейший доклад, в котором предложил создать при Министерстве финансов особую комиссию [66]. Она должна была обеспечить перевозку из европейской части России на Дальний Восток солдат и военных грузов. 30 июня 1900 г. последовал Высочайший указ о создании такой комиссии. В нее вошли представители Министерства финансов, Военного, морского министерств и Государственного контроля.

В русской печати (напр. "Вестник Европы") было опубликовано правительственное сообщение от 20 июня этого же года с сообщением о "просьбе богдыхана". В нем говорилось, что "ссылаясь на более чем 200-летнюю дружбу и добрые соседственные отношения между Россией и Китаем, его Величество богдыхан ходатайствовал перед Его императорским Величеством об оказании мер, которые могли бы спасти страну и просил о принятии на себя Императорским правительством почина по проведению таковых мер к исполнению... Императорское правительство готово оказать в подавлении распространяющихся волнений всяческую помощь законному китайскому правительству" [67]. Корреспондент "Вестника Европы" недоумевал, как можно объяснить в таком случае нападения китайских войск на русскую железную дорогу в Маньчжурии, совершавшиеся по официальному распоряжению китайских властей. В настоящее время

исследователи объясняют несоответствия в действиях китайских властей изменениями в политической расстановке сил при китайском императорском дворе, лавированием Цыси, которая принимала то сторону ихэтуаней, то сторону иностранных держав.

Русские войска в двух случаях участвовали в военных действиях: при защите линии КВЖД и русских поселений в Маньчжурии, и в походе объединенных иностранных войск на Пекин. 14 августа 1900 г. объединенные войска под начальством русского генерала Н.П.Линевича взяли Пекин, разогнав отряды ихэтуаней, осаждавших иностранные посольства в столице Китая. В составе войск были и русские отряды.

Приближение иностранных войск к Пекину вызвало панику среди приближенных к вдовствующей императрице сановников. Сама же Цыси с небольшой свитой бежала в Сиань. Пекин был отдан на разграбление вступившим в город войскам, особенно в этом отличились японцы, эта же участь постигла и брошенный императорский дворец. В спальне императрицы в особом шкафу был найден подлинный текст русско-китайского договора 1896 г. Он был отправлен в русское посольство, а оттуда - в Петербург. Гр. Ламздорф, назначенный недавно министром иностранных дел, советовался по этому поводу с Витте. Последний высказал мнение, что "хотя это соглашение, безусловно, нами нарушено, тем не менее следует его вернуть, дабы показать, что мы все-таки от него не отказывались и желаем продолжить дружбу с Китаем" [68].

В те времена, когда императорское правительство еще поддерживало направленные против иностранцев выступления ихэтуаней, широко практиковались казни прозападнонастроенных китайских сановников. В Синьцзяне был убит по подложному указу бывший помощник министра Чжан Иньхуан, некогда подписавший Конвенцию об аренде Порт-Артура и Дальнего. В Пекине был казнен председатель Правления "Общества КВЖД" китайский министр Сюй Цзинчэн, чья подпись стояла под Контрактом на постройку маньчжурской железной дороги [69].

Перед тем как покинуть столицу, Цыси приняла решение вернуть Ли Хунчжана, бывшего генерал-губернатором провинций Гуандун и Гуанси, в Пекин. Старому, опытному дипломату поручалось уладить конфликт с державами, тем более, что представители западных держав желали иметь дело с Ли Хунчжаном. Россия настаивала на особых отношениях с Ли Хунчжаном и китайским правительством. На русском корабле, под охраной казаков, Ли

Хунчжан прибыл из Шанхая в Тяньцзинь, где должны были состояться переговоры с иностранными державами. Рекомендация русского посланника в Пекине сыграла решающую роль в назначении этого сановника представителем Цыси на переговорах.

7 сентября 1901 г. Ли Хунчжан и князь Цин подписали с посланниками одиннадцати держав так называемый "Заключительный протокол", в котором оговаривались условия возмещения материальных и моральных убытков, понесенных державами во время восстания ихэтуаней. С русской стороны протокол был подписан посланником М.Н.Гирсом, сыном бывшего министра иностранных дел Н.К.Гирса, стоявшего в середине 90-х гг. XIX в. у истоков нового этапа русско-китайских отношений.

26 марта 1902 г. было подписано соглашение между Россией и Китаем относительно Маньчжурии. В советской исторической науке факт подписания соглашения о Маньчжурии расценивался как действие, направленное на окончательное закрепление России в этом регионе. В то же время в нем речь шла и о поэтапном выводе русских войск из Маньчжурии. Процесс этот затянулся. В августе 1903 г. было даже создано Дальневосточное наместничество во главе с адмиралом Е.И.Алексеевым. В конечном счете все это привело к войне с Японией. И уже в 1905 г. России пришлось эвакуировать из Маньчжурии не только войска, но и сворачивать промышленные предприятия.

События конца 90-х гг. - рубежа XIX и XX веков свидетельствуют о том, что с течением времени Россия склонялась все более к отождествлению своих интересов не с интересами Китая, а скорее с интересами других иностранных держав на территории Китая. Это было вызвано в первую очередь усилением политического, военного и экономического присутствия России на Дальнем Востоке, и вследствие чего появились агрессивные тенденции в отношениях России к Китаю. Это, в свою очередь, привело к появлению желания у России получить еще большие преимущества в Китае. Россия втянулась в борьбу за раздел Китая на сферы влияния. Однако во внешнеполитической линии русского правительства все еще оставались элементы "особых" отношений к Китаю, как к традиционно дружественному России государству, соседней огромной азиатской империи. Переплетением этих двух линий и объясняется некоторая непоследовательность в действиях русской дипломатии на Дальнем Востоке, стремление ее занять особую позицию, зачастую - позицию посредника между Китаем и другими державами. Если положения договора 1896 г., дающие

гарантию обеспечения безопасности двух сторон - строительство КВЖД и присутствие русских вооруженных сил в китайском порту - были выполнены уже к середине 1898 г., то события конца XIX-начала XX в. фактически превратили сам договор в пустую бумажку. Китайско-восточная железная дорога и два китайских порта Порт-Артур и Даляньвань легли в основу сферы влияния России в Китае.

В мае 1896 г. Китай впервые, сделав исключение для России, заключил союзный договор с "варварской" иностранной державой, носящий к тому же оборонительный характер. Формально обе стороны договаривались о взаимной помощи в случае нападения Японии на какую-либо из этих держав. Действительным результатом договора стало строительство КВЖД и занятие Россией Порт-Артура и Дальнего. Если железная дорога, проложенная в Маньчжурии, являлась прямым результатом выполнения условий договора 1896 г., которые предусматривали соблюдение взаимных интересов и России и Китая, то аренду Ляодунского полуострова Россией можно рассматривать как ущемление интересов Китая. Россия воспользовалась безвыходным положением слабой китайской империи, беззащитной перед лицом иностранной угрозы, хотя в основу этого акта и была положена обусловленная обеими сторонами договоренность о праве России воспользоваться китайским портом в случае военной угрозы, как это было предусмотрено договором 1896 г. Однако не Япония в этот момент начала агрессивные действия. Китайский порт Цзяочжоу был оккупирован Германией, Россия, под предлогом защиты китайских интересов заняла Порт-Артур. Это событие определило качественно новый поворот в русской политике в Китае, который был спровоцирован все более усиливающимся внедрением иностранных держав в Китае. Россия, в результате, оказалась втянутой в борьбу за раздел Китая на сферы влияния, что в конечном счете привело к оккупации Маньчжурии русскими войсками при подавлении восстания ихэтуаней.

Как и в 1895-1897 гг., Россия на рубеже веков претендовала на особую роль в отношениях с Китаем - роль дружественной державы. Такая позиция позволяла требовать в свою очередь особых отношений к себе и со стороны Китая. Тем самым Россия стремилась расширить и закрепить свои позиции в этой стране, что, в конце концов, привело к столкновению с Японией в 1904-1905 гг.

В 1896 - начале 1898 г. внешнюю политику России в Китае

определял министр финансов С.Ю.Витте. Такое положение вещей, когда именно министру финансов, а не министру иностранных дел принадлежала ведущая роль в определении русской политики, дало возможность России утвердиться и закрепить свои интересы на Дальнем Востоке, где шла острая, не только политическая, а в большей части экономическая борьба за сферы влияния в Китае. Русско-Китайский банк, Общество КВЖД, КВЖД и ЮМЖД (Южно-маньчжурская железная дорога) - все это было создано стараниями С.Ю.Витте и являлось результатом русской государственной политики в Китае. Это и составляло особенность политической линии России в императорском Китае в середине 90-х гг. XIX в. Именно благодаря позиции С.Ю.Витте, русская политика в Китае в этот период носила миролюбивый характер. Эпизод с занятием Порт-Артура и Дальнего на условиях аренды весной 1898 г. стал переломным моментом, в основе изменившим ее характер, а ведущую роль в политике России в это время стали играть уже новые люди.

Занятие Германией Цзяочжоу, а Россией Порт-Артура, вступление иностранных войск в столицу Китая и занятие русскими войсками Маньчжурии, превратили договор 1896 г. в простой листок бумаги, что было признано и русской, и китайской стороной. Оборонительный союз потерял всякий смысл на фоне бесконечной череды "захватов", осуществленных иностранными державами в Китае, в том числе и Россией, несмотря на ее заверения в дружественном расположении к Китаю. Проведение русской железной дороги в Маньчжурии и военное присутствие России в китайских портах - условия обеспечения безопасности Китая согласно договору 1896 г. - закрепили за Россией ее сферы влияния: Маньчжурию и южную часть Ляодунского полуострова. Таким образом, Московский договор 1896 г. наметил военно-политическую и экономическую линии русской политики в Китае на ближайшее десятилетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красный архив, т. 52, 1932. С. 77.
2. Там же. С. 78.
3. *Витте С.Ю.* Воспоминания, т.2. М., 1960. С. 44.
4. *Муцу.* Записки трудного времени. Токио, 1937. С. 273. Цит. по: Фань Вэньлань. Новая история Китая. М., 1955. С. 417.

5. *Фань Вэньлань*. Новая история Китая. М., 1955. С. 417.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1. М., 1973. С. 175.
7. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 47.
8. *Романов Б.А.* Россия и Маньчжурия. Л., 1928. С. 86.
9. *Фань Вэньлань*. Ук. соч. С. 423.
10. *Лян Цичао*. Ли Хунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905. С. 6.
11. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 53.
12. *Лян Цичао*. Ук. соч. С. 249.
13. Там же. С. 132-133.
14. *Фань Вэньлань*. Ук. соч. С. 424.
15. *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая. 1894-1899. М., 1958. С. 182.
16. *Фань Вэньлань*. Ук. соч. С. 424.
17. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 54.
18. Там же. С. 52.
19. Там же. С. 54.
20. Там же. С. 55, 56.
21. Борьба классов. Л., 1924. №№ 1-2. С. 105.
22. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 78.
23. Борьба классов. Л., 1924. №№ 1-2. С. 107.
24. Там же.
25. *Багмаев П.А.* Россия и Китай. СПб., 1900. С. 95.
26. Китай и китайцы. М., 1901. С. 74.
27. *Archibald Little*. Li Hung-Chang. London, 1903. Pp. 266-278.
28. *Philip Joseph*. Foreign Diplomacy in China (1894-1900). L., 1928. P. 161.
29. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 77.
30. Борьба классов. Л., 1924. №№ 1-2. С. 77-126.
31. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1824-1925. М., 1927. С. 105-106.
32. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893-1922. М., 1959. С. 68.
33. Там же. С. 59.
34. *Ефимов Г.В.* Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая, ч. 1. Л., 1965. С. 144.
35. *Скальковский К.* Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897.
36. Вестник Европы, 1897, т. Т. 1(183). С. 400.
37. Там же. С. 401.
38. *Ефимов Г.В.* Ук. соч. С. 192.
39. *Лян Цичао*. Ук. соч. С. 197.
40. Красный архив, т. 52, 1932. С. 103-107.
41. Там же. С. 102.

42. *Ефимов Г.В.* Ук. соч. С. 192.
43. Там же. С. 193-194.
44. *Петров А.* Китай за последние десятилетия. СПб., 1910. С. 31.
45. *Ефимов Г.В.* Ук. соч. С. 197.
46. *Philip Joseph.* Foreign Diplomacy in China (1894-1900). L., 1928. P. 162.
47. Там же. С. 161-162.
48. *Соловьев Ю.Я.* Ук. соч. С. 71.
49. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 133-134.
50. *Панов В.* Историческая ошибка. Владивосток, 1908. С. 19.
51. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 139.
52. Вестник Европы, т. 191, 1898 г. С. 388-389.
53. *Соловьев Ю.Я.* Ук. соч. С. 76.
54. *Панов В.* Ук. соч. С. 4-16.
55. Поручик *Ржевуский.* Японо-китайская война 1894-1895 гг. СПб., 1896; *Симанский П.Н.* (капитан Генштаба). Японо-китайская война 1894-1895. СПб., 1896; Б.а. Война между Китаем и Японией. Новгород, 1896.
56. *Ржевуский.* Ук. соч. С. 47.
57. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 141-142.
58. *Ефимов Г.В.* Ук. соч. С. 325.
59. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С. 315.
60. *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 191.
61. Там же. С. 192.
62. *Суботич Д.И.* Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб., 1908.
63. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л., 1947. С. 456.
64. Борьба классов. Л., 1924. №№ 1-2. С. 118.
65. *Панов В.* Ук. соч. С. 4.
66. Всеподданнейший доклад министра финансов по поводу событий, происходивших в 1900 году в Китае. Б.м., Б.г. Хранится в РНБ СПб.
67. Вестник Европы, 1900, сентябрь. С. 348.
68. *Витте С.Ю.* Ук. соч. С. 185-186.
69. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968. С. 168, 172.

Академик АН СССР И.К. Кикоин

**НЕМЕЦКИЙ ДНЕВНИК:
ПИСЬМА 1930 Г.
(публикация Н.И.Кикоин,
вступительная статья и
комментарии К.И.Кикоина)**

Вступительная статья

Н убликуемые ниже письма - часть переписки одного из крупнейших российских физиков Исаака Кушелевича Кикоина (1908-1984) с братом Абрамом и другими сотрудниками лаборатории Я.Г.Дорфмана в Рентгеновском Физикотехническом институте (ФТИ) в Ленинграде, ныне известном физикам всего мира как «Физтех».

Письма, которые 22-летний Исаак регулярно отправлял брату из Берлина, Гамбурга, Лейдена, Мюнхена, фактически представляют дневник его первой заграничной научной командировки в ведущие научные центры Европы. В эту командировку он был направлен осенью 1930 г. по инициативе А.Ф. Иоффе почти сразу после окончания физико-механического факультета Ленинградского политехнического института и вскоре после принятия на работу в Физтех.

Роль А.Ф. Иоффе, организатора Физтеха и фактического создателя ленинградской научной школы, давшей России десятки выдающихся исследователей, в становлении российской физики трудно переоценить. Несколько поколений физиков называют его «папа Иоффе». В конце 20-х-начале 30-х годов посылка молодых ученых в научные командировки (нередко на свои собственные средства, полученные от ведущих западных фирм

за научные консультации) была неотъемлемой частью его деятельности по модернизации отечественной науки и восстановлению утерянных контактов с Западом.

Исаак Кикоин приехал в Ленинград из Пскова в 1925 г., где он окончил знаменитую 1-ю Псковскую среднюю школу и Землемерное училище, с твердо определенной целью стать физиком и инженером. К моменту окончания Ленинградского политехнического института он уже был сотрудником Физтеха и автором нескольких научных работ. Осенью 1930 г. молодой человек, впервые в жизни увидевший светофор на берлинском перекрестке, получил возможность посетить лучшие научные центры Европы, «покрутить ручки» самых современных экспериментальных установок и лично пообщаться с ведущими физиками того времени. Этой возможностью он воспользовался в полной мере. Если в двух первых письмах И.К. делится с друзьями своими первыми непосредственными житейскими впечатлениями, то в последующих посланиях основное внимание уделяется научной информации и впечатлениям от организации науки на Западе.

И.К. Кикоин был одним из самых ярких представителей первого поколения физиков, воспитанных в «школе Иоффе». Через три года после своей командировки в Европу он обнаружил фотомагнитный эффект в полупроводниках. Это открытие принесло ему мировую известность.

Доктор физико-математических наук

К.А.Кикоин

Письмо № 1

Berlin 12/X 1930 г.

Дорогие друзья!

Вот Вам первое мое письмо из Германии; завтра уезжаю в Голландию на несколько дней откуда естественно тоже пришло письмо, а сейчас Вам вкратце опишу события случивш. со мной за последние дни. Итак, ich fange an - я начинаю:

Как Вам известно я отбыл с места жительства 9/X рано утром в сопровождении моего родного брата на Аэродром, откуда мы должны были с Б.Д. Разумовским¹ подняться ввысь и лететь в дальние страны и как Вам известно со слов вышеназванного брата моего, полет не состоялся и мы полетели обратно в город должны были ждать до 2-х часов и тогда если наступит улучшение погоды за нами приедет машина (автомобиль) которая отвезет нас снова

на аэродром и мы все-таки улетим. Первая часть этого предположения блестяще была выполнена - в 2 часа за нами прибыла машина и в 2 ч 30 м мы были на аэродроме где все было готово для нашего отлета. С нами весьма тепло попрощалось аэродромное начальство мы сели в самолет и улетели; Долго-ли - коротко-ли мы летели точно не скажу но думаю не дольше... 2-х минут; поднялись мы метров на пятьдесят вверх и стали аккуратнo (ах как замечательно аккуратнo!) снижаться. Снизились и сели - мотор испортился! К нам в кабину заглянул наш летчик (симпатичнейшее создание!! прямо душка!) и сказал: « Ничего! Все идет прекрасно посидите немного» Ну что-ж! Посидим, и просидели до завтрашнего утра, (я ночевал в городе). Таким образом наш первый полет был не очень удачным. Но завтра утром автомобиль нас снова отвез на Аэродром и мы все-таки полетели.

Летели мы два часа, ~~в-очень~~ при очень скверной погоде, был порывистый ветер, почти буря, нас кидало и бросало в «воздушном океане» как щепку (здорово сказано! правда?) так что третий пассажир и сам пилот довольно быстро попали в Ригу, а мы _____ (кто бы это мог подумать!) с Борис Давыдовичем² хоть бы что, как ни в чем не бывало, будто мы с пеленок летаем; здорово получилось! Наконец прибыли в Ревель или как он иначе называется Tallin (Таллин) где нам объявили что по полученным сведениям из Риги там большой шторм и лететь дальше нельзя; там повторилась история, которая с нами была в Ленинграде - закончилась она ночевкой в городе - в гостинице (конечно за счет ов-ва Druluft хоть у нас ни-копейки в кармане) и наконец рано утром 11-го мы вылетели по направлению на Ригу. Дальше уже особых приключений не было. Мы долетели до Риги там снизились подождали минут 15 и полетели дальше, до Кенигсберга, там пересели на другую большую машину и полетели до Данцига, там минут 20 подождали и направились в Berlin куда и прибыли благополучно в 2 часа того же 11-го числа. О самом полете расскажу когда приеду, пока могу лишь сказать что мы получили большое удовольствие от полета; чрезвычайно приятный путь сообщения.

В Берлине нас встретил Яков Григорьевич и повел в пансион где он остановился он, Глазанов и Ситников нас покормили дали комнату (очень хорошую где я и пишу сейчас!) С нашим приездом наших рентгеновцев оказалось пять человек и было вынесено предложение устроить заседание совета! В воскресенье мы шатались по Berlinu целый день. Хороший город - Берлин, большой,

с большим движением, но по описаниям мы ожидали большего; нам говорили - что мы будем ошеломлены; это, со мной по крайней мере, не случилось. Конечно Berlin решительно больше Ленинграда, и движение чрезвычайно большое особенно автомобильное, (Аллах святой! Сколько их там!) но страшного ничего нет!

Что действительно сделано хорошо это управление движением оно по моему поставлено образцово; через вполне определенные промежутки времени сигнальный фонарь поставленный по перекресткам улиц меняет свой цвет в зависимости от чего останавливаются автомобили и трамваи и проходят пешеходы или наоборот. За такой короткий срок о Германии можно сказать очень немного. Взгляд который у меня создался на Германию, естественно, самый поверхностный - главным образом географический (если можно так выразиться).

У нас очень много говорили о том что на западе используют каждый клочок; каждый кусочек земли под застройку, что мол тесно ~~на улице~~ на свете. Ничего подобного: еще при полете над Германией мы видели огромные пространства болот не подвергающ. никакой осушке, и за городом тоже имеются большие пространства никак не использованные. Следующее обстоятельство тоже относится к поверхностному изучению Германии: это чистота ее поверхности. И до чего же там, черт возьми, чисто, прямо смотреть противно; улицы ... я хотел сказать, мостовые блестят как как, ну скажем, мои ботинки (когда они новые) потому, что каждая улица два раза в день моется щетками, такими какими у нас паркеты в комнатах подметают, дома все сияют совершенно невероятно; я пока в Berline не заметил ни в одном из домов малейшего из'яна его немедленно ликвидируют, не ждут (как это делается у нас) пока весь дом начнет разваливаться. Еще можно сказать несколько слов относительно рекламы (в Берлине по крайней мере). Вот это сделано здорово! Как это более подробно описать я даже не представляю себе, для этого необходимо разговаривать с Вами лицом к лицу и разговаривать главным образом руками, но сейчас Вы вряд ли можете видеть то, что я делаю. Но все-таки попробуйте себе представить картину, когда все дома Ленинграда будут иллюминированы до отказа, до бесчувствия, причем не так просто лампочки зажжены и горят, это неинтересно; Представьте себе, что, скажем, все карнизы дома обтянуты стеклянными трубками через которые идет газовый разряд (Гейслеровый) причем яркости необычайной, цвета всякие. Буквы надписей сделаны таким же

образом, затем представьте себе, что следующий дом разукрашен плакатом, сделанным из лампочек, и плакат живой, т.е. весь ходит, меняет свою форму, свое содержание, и размером он с большой дом. Дальше на третьем доме Вы видите гигантский светящийся, переливающийся всеми цветами радуги калейдоскоп - рекламу и все это блестит, горит, сверкает и, главное, движется (динамика великая вещь!) и, может быть, Вы получите некоторое представление о вечернем блеске Berlin⁴; хотя моя скромность не позволяет мне на это надеяться.

Относительно нравов и людей я вам расскажу в следующий раз, чтобы не быть слишком поспешным и не впасть в ошибку. Эти два дня, которые я провел в Berline прошли довольно бессмысленно, потому что один из них был воскресный и все закрыто (у «нас» в Berline неделя прерывная и семидневная), а второй день мы делали покупки и приводили себя под руководством Я.Дорфмана в приличный вид. Об этом я тоже напишу в след. раз. Процесс приведения себя в порядок, «приличный» вид оставил гнусное впечатление, а сейчас даже писать противно об этом, да и так я уже очень долго задерживаю Ваше внимание.

Разрешите мне на этом кончить и задать Вам несколько вопросов, на которые я жажду получить ответ.

Во-первых: Как здоровье всех, Любочки, Яши, Ибрагима³, Дины и Абраши⁴? 2) Как дела в Ин-те, что нового? 3) Как, Ибрагим, у тебя дела в Лаборатории и в культсекторе? Нужны ли какие-нибудь указания, сведения от меня? 4) Как дела у Дины и Абраши? Где они работают. 5) Что слышно и что делается у нас в магнитном отделе? Все это опишите и, конечно, Вам предоставляется полная инициатива в собственных дополнениях к указанным вопросам. Я Вам буду писать довольно часто о всех своих посещениях и обо всем, что я делаю.

Жму крепко Ваши лапы, привет всем
Ваш заграничный Исаак

Письмо № 2

Leiden 16/X 1930 г

Ну-с вот я смогу теперь продолжать! Сижу я теперь в Лейдене! Эти дни я так быстро переезжал с места на место, что

между письмом о данном городе запаздывают несколько; т.е мне приходится писать о ~~г-р~~ данном городе, находясь в другом. Итак я обещал Вам написать о ~~людях и о~~ своем поведении за границей. Хорошо! Да!, между прочим, сохраните пожалуйста мои письма, они мне послужат дневником в дальнейшем, мне лень писать дневник; (научную часть я, разумеется записываю тщательно в отдельной тетрадке)

Итак, я Вам писал, что на второй день после приезда мы занялись покупками для приведения себя в приличный вид. Увидели бы Вы ужас Якова Григорьевича при виде нас (меня с Борис Давидовичем) в наших костюмах, кепках и ботинках! У него было такое выражение лица, что он видит не людей, а по крайней мере орангутангов или чтонибудь вроде этого. Нам оставалось только посочувствовать ему и приняться за приведение себя в порядок.

Прежде всего мы отправились в ~~таж~~ т.н. K.d.V (Kaufhaus des Westens) - колоссальный универсальный магазин, примерно раз в 7-8 больше нашего «Дама Ленинградской Кооперации». Отцы святые! Что за учреждение!, что за здание! Сколько света! Совершенно невероятно! Это пятиэтажный дом занимающий целый квартал по обоим фасадам (он угловой) И, заметьте, без наружной световой рекламы, кроме горящей надписи на самом верху, сам этот факт не удивителен если только обратить внимание ^{на то}, что свет исходящий изнутри затмил бы собой все, настолько ~~он~~ магазин ярко освещен.

И чего, только, там нет: нет очередей, нет заборных книжек, нет беспорядка, шума и гама, затем отсутствует само слово «нет», ибо чего-бы Вы ни спросили, моментально Вы слышите стереотипный ответ: «Biete Schon» (пожалуйста). У меня только духу не хватило, но почти убежден, что если бы я спросил: можно ли у Вас ~~добыть~~ купить Кикоина? ~~он~~ немедленно последовал бы ответ «Ja Wohl, Bite Schon». Конечно перечислять все что у них имеется это праздное занятие. Я думаю, что я не ошибусь если скажу, что у них все есть. Войдя туда Вы можете, при наличии некоторых денег в кармане, выйти оттуда сытым, пьяным, одетым, обутым (по последней моде), нагруженными сотнями квитанций, по которым Вам завтра все доставят на дом, словом, замечательный магазин. Там, в этом самом KdV мы купили себе шляпы (теперь я хожу в шляпе: вид умопомрачительный!) Заплатили 14,5 марок (это 7 руб). Это считается дорогой шляпой. Затем купили себе

полукрахмальные воротники белее снега. Дальше мы направились в самый крупный (или один из самых крупных) магазин готового платья купили себе костюмы (синие!) и пальто.

Это событие крупнейшей важности, ибо эта операция облегчила наши карманы по крайней мере на 30%, с какой бюбью в сердце я расплачивался за эта барахло! До сих пор неприятно!

Но ничего не поделаешь: Яков Григорьевич очень напористо на нас наехал, а Глазанов и Ситников ему помогали усердно, (Они еще до нас нарядились!) Я не стану описывать Вам процесс примерки и прилаживания костюмов; это делалось с такой предупредительностью, такой готовностью в доску расшибиться перед тобою, что мне стало не по себе и выбрав скоренько себе костюм ^{и пальто} по размеру, он я уплатил и смылся, оставив костюм для маленькой переделки. Затем мы сделали еще несколько мелких покупок вроде носовых платков, носков и пр. и отправились домой, смертельно усталые, Во время обеда появился Рогинский; таким образом нас уже стало шестеро представителей славного Рентгеновского. Вечером мы были в говорящем кино, но никакого удовольствия не получили, довольно скверно получается.

Завтра 14-го мы с Яков Григ. Отправились в Голландское консульство за визами для в "езда в Голландию, и весьма быстро получив их (какой там любезный народ!) отправились домой. Затем я захватил с собой Борис Давидовича Газулахова⁵ и мы пошли ~~во~~ ~~втор~~ в другой универсальный магазин - Вертгейма (Wertheim), он не меньше KdW, такой же шикарный, такой-же грандиозный и сделали там несколько мелких покупок, я же там сфотографировался (для мне нужны были фотогр. для документов). И вечером я с Яков. Григор. уехали в Гамбург. Я конечно не все написал Вам здесь ибо места не хватит ~~все-то~~ все писать, остальное расскажу после приезда. Кроме того я на обратном пути буду еще в Берлине и остановлюсь несколько больше, поближе с ним познакомлюсь и больше смогу сообщить Вам о нем.

От Берлина до Гамбурга 4 часа езды и в тот же день вечером мы были в Гамбурге в 12 часов ночи.

Заехали в гостиницу и отправились немедленно шататься по городу (ночью). Город он очень большой и оживленный, несмотря на такой поздний час; Освещен он и разрекламирован не ^{меньше} ~~хуже~~ _{Berlina} но значительно безвкуснее. Здесь реклама яркая, пестрая, кричащая и посему очень некрасивая; я бы-сказал, дешевая яркость и освещение. Гамбург поистине город притонов и вертепов. Когда

мы спросили у портье в гостинице куда-бы нам пойти погулять, он ~~нам~~ не задумываясь ответил: nach St. Pauli (Санте Паули - Район Святого Паули). Бед (Я потом сильно жалел бедного Паули (физика, который до последнего времени здесь жил, вот верно над ним издевались)

Ну что-же! Отправились в St/ Pauli. Это раон где каждый дом представляет собой притон и кабак. Причем на главных улицах района они все ярко освещены снаружи с потрясающей рекламой, и какие то типы ходят по улице и вручают в прохожим листочки - адреса и программы разного рода кабарэ и ресторанов (так они называются на благородном языке). Так вот на главных улицах все гладко и хорошо, освещение, реклама, полисмэны, словом все в порядке. Но вот стоит только свернуть в боковую улочку, или вернее переулок и конец; Гамбург выступает перед нами во всей неприглядной, неприкрашенной «красоте». Эти боковые переулки (их там множество) это какой то жуткий кошмар, я сейчас нахожусь в Лейдене, симпатичном, чистом таком городе, и содрогаюсь при воспоминании этого!

Мы свернули в одну из таких улочек, темную, освещения лишь слабым светом ~~доминик~~ тщательных завешанных окон домишек, в которых слышны заглушенные звуки какой-то музыки, пьяных песен и визга, и около каждого домика стоят проститутки и заывают с такой мольбой, с таким отчаянием в голосе, что мороз по коже пробирает. Как они должны быть несчастны чтобы дойти до такого состояния... (Нужно сказать, что Гамбургский порт сейчас сильно опустел и это сказывается повидимому на всей жизни города). Мы попав в переплет, именно переплет, потому, что мы на каждом шагу боялись как бы на нас не напали в такой темноте, и ни одного полисмэна, постарались поскорее выбраться, но назад идти нельзя иначе нас примут за прохожих и за гуляющих и уж конечно не отпустят, и мы пошли вперед, быстро свернули на другую улочку и с большим трудом но выбрались на одну из освещенных улиц; я был потрясен, никогда, ничего подобного я себе не представлял это очень жуткая картина. Я уже не пытался себе представлять что же происходит за стенами домов, если на улице творятся такие ужасы. Потом я обратил внимание на то, что и на главных улицах творится тоже самое и еще в большем масштабе но это более замаскировано и не сразу видно. Мы немного еще побродили и отправились спать. Мы были в гостинице в 2 ч. ночи.

Завтра утром мы отправились к Штерну⁶ в университет.

Существуют-же крайности в мире! Гамбург, по моему, характерен своими контрастами, город в котором почти рядом уживаются прямые противоположности.

Принял он нас очень любезно и предупредительно; обменялись любезностями и перешли к существу дела он стал показывать свой институт. Это физический институт при Гамбургском университете. Нынче ему — Ин-ту сделали специальную пристройку, которой Штерн очень гордится. Сама пристройка небольшая, но хорошо оборудована в смысле удобной проводки газа, воды электричества и т.д. Принят целый ряд предохранит. мер от разного рода аварий и пр и пр.; у меня все это записано отдельно. Затем он нам показал работы, которые у него непосредств. делаются.

1) Отражение газовых молекул от кристаллов. Это то что за последнее время появилось в печати в Zs. f. Phys. [Zeitschrift fur Physik].

Видал весь прибор детально посмотрел устройство монометра (пирани) и пр. и пр.

2) ~~См~~ Определение степени ассоциации щелочных молекул. Путь очень простой: молекулы, т е. пар натрия или калия в виде пучка пускается в магнитное поле и так-к. атомы Na магнитны, а молекулы нет то первые в магнитном поле отклоняются а вторые нет и нужно только определить распределение ~~ну~~ плотности пучка в магнитном поле и без оног и задача решена

3) Определение электрических моментов молекул отклонением их в электрическом поле, аналогично тому как это делается в опыте Штерна и Герлаха, и некоторые другие менее интересные. У меня они все записаны подробно и я Вам по приезде расскажу все детально.

Вечером мы выехали в Голландию о которой напишу в след. письме. Пока скажу только что мы уже были в Ин-те De Haas⁷а и осмотрели Ин-т в общем виде. Яков Григорьевич завтра уезжает в Бельгию. Через Я с ним еду до Эйндовена, где посмотрим лабораторию Philips⁸а, а затем возвращаюсь в Лейден где буду детально знакомиться с лабораторией De-Haas⁹а. Там есть замечательные вещи. Вообще я хочу посмотреть поменьше лабораторий, но потщательнее. ~~Затем не~~ Тут очень славные ребята и они с удовольствием меня будут знакомить с работами я же им буду помогать работать это самый лучший вид знакомства. На обратном пути в Германию я еще на пару дней остановлюсь у

Штерна где тоже в деталях ознакомлюсь с работами; Яков Григорьевич удовлетворяется беглым осмотром / с моей точки зрения никчемным.

(Да! Я еще получаю возможность познакомиться с лабораторией завода Kipp" а... (знаете есть знаменитые гальванометры Kipp"а))

Осматривали мы институт и разговаривали с его сотрудниками часа четыре после этого пошли обедать со Штерном и двумя его сотрудниками в ресторанчик. Пообедали потом пошли кофе пить. Если бы Вы знали как они долго обедают? 2 часа. Те собств. обедают они недолго, но разговаривают и курят после обеда! невероятно! Я поинтересовался темпом работы у них, так сказать способом работы. И должен сказать не лучше чем у нас; тоже я не видал у них ни одной установки в действии, ее-ее человек ее пособирает, пособирает потом пойдет куданибудь, ну словом совсем как у нас! Народу там, правда очень мало человек 15 не больше. Когда мы сказали Штерну что у нас 200 с лишним он за голову схватился! Мастерские у них небольшие, но хорошие

Пока всего доброго! Через день получите след. письмо; Получили ли Вы мое первое письмо и открытку! На всякий случай адрес мой на конверте.

Письмо № 3.

Munchen 14/ XI 1930 г.

Ко всему можно привыкнуть при желании! Можно привыкнуть к немецкому образу жизни, к белоснежным воротничкам (которые я неизменно ношу), к галстукам, к шляпе, к беглой немецкой речи (я уже теперь, как настоящий немец говорю), словом к чему угодно. Только трудно и притом весьма трудно привыкнуть к сознанию того, что человека замечают только тогда, когда он находится перед глазами, когда слышат его живую речь, когда он причиняет непосредственно неприятность или наоборот, когда делает удовольствие; и тотчас забывают этого же человека, как только он скрывается с глаз ... и уезжает к черту на кулички за границу. К этому сознанию тяжелой действительности

привыкнуть очень трудно, по крайней мере мне грешному. Но суровая действительность, упрямый экспериментальный факт меня изо дня в день ~~меня~~ в этом убеждает и заставляет привыкать и к этому, и я думаю, что пройдет еще несколько времени и я тоже к этому обстоятельству привыкну. Придется примириться с мыслью, что для тех, кого я считал своими друзьями, и даже для родного брата своего, я - ничто, или, во всяком случае, нечто такое, о чем думать или вспоминать даже не стоит давать себе труда.

Я уже сам решил было держаться Вашей тактики, но мне это, видимо, значительно труднее дается нежели Вам, об"ясняется это тем, что я как никак нахожусь в чужой стране, без достаточно близких друзей и знакомых, кроме сотрудников лаборатории (очень, кстати, славных ребят, и относятся ко мне очень внимательно и дружелюбно) которые еще пока не могут полностью заменить ленинградских; и вот я опять взял перо и пишу Вам послание (какое оно по счету? Я даже забыл) мало надеясь на какую нибудь реакцию на него с Вашей стороны. Тем не менее пишу, так просто, чтобы душу отвести. Хотел было написать Вам о своем житье-бытье здесь, да решил: «не стоит». Ведь, согласитесь сами: писать можно и должно тогда и только тогда, когда есть сознание, что кто-то, хотя бы с некоторым, но все же с интересом его прочтет, но если сознаешь, что пишешь впустую, что письма получат, ~~прочтут~~ взглянут мельком на него «а-а! мол это от Кикоина» и бросят не дочитав, то всякий интерес писать пропадает и решил не сообщать о себе ничего.

Раньше у меня еще была «утешительная» мысль, что может быть Вы очень аккуратно письма шлете но они почему-либо медленно идут или вообще не доходят, но теперь мысль оказалась несостоятельной, ибо из всех городов я письма получал (из Одессы, Москвы, Пскова, Ленинграда) и Газулахов систематически, чуть ли не через день, получает письма (я их отсылаю ему в Berlin) от жены. И я не вижу никаких оснований к тому, что Ваши письма до меня не доходили, кроме единственного - что Вы их не пишете! Что повидимому и соответствует действительности, достаточно мало отрадной для меня действительности.

Простите, за столь невеселое письмо, (почти плаксивое неправда... что-же поделать, другого не получилось, не взыщите
И. Кикоин

P.S. Если, паче чаяния, Вам придет мысль написать мне чего либо, знайте, что адрес мой до 25^{то} /XI с г следующий:

Германия Munchen Ohmstrasse 1 Pension Garten

Herr Dr I. Kikoin.

Если это письмо придет к Вам раньше 20ого пишите по Берлинскому адресу: Berlin NW7 Dorotheenstr. 34. ////

Привет всем знакомым. Кто еще помнит мою фамилию.

ИК

P.S. 1) Справка из календаря: Сегодня исполнилось 1 месяц и 6 дней с тех пор как я уехал из Ленинграда.

2) Справка почтовая. От жителей Малой об"ездной 146 в Лесном (в Ленинграде) на мое имя за это время пришло одно письмо. 3) Нормальное письмо идет из Ленинграда в Мюнхен 3-4 дня. За правильность указанных справок отвечаю чем угодно

И. Кикоин

¹ Б.Г.Разумовский - физик, сотрудник Физико-технического института.

² Я.Г.Дорфман - начальник лаборатории ФТИ, в которой в то время работал И.К.Кикоин.

³ И.Г.Факидов - сотрудник лаборатории Я.Г.Дорфмана.

⁴ Абрам Кикоин - брат И.К. В 1930 г. он учился в ЛПИ и работал в одной из лабораторий ФТИ.

⁵ Б.Д.Газулахов - химик, сотрудник ФТИ.

⁶ Э.Штерн - немецкий физик-экспериментатор, опыты которого легли в основу квантовой механики (эффект Штерна-Герлаха, 1922).

⁷ В. де Хаас - знаменитый голландский физик. Прославился своими работами по свойствам металлов в сильных полях (эффекты де Хааса-ван Альфена и Шубникова-де Хааса, открытые в лаборатории де Хааса в 1930 г. незадолго до визита И.К.

⁸ Научно-исследовательская лаборатория, принадлежавшая известной фирме Philips.

В. В. Митин

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНГОЛЬСКОЙ КОМИССИИ АН СССР В 1920-Е ГОДЫ

Большое значение в настоящее время имеет обращение к тому научному наследию, которое оказалось забытым или слабо изученным современными исследователями отечественной науки. Одним из таких белых пятен оказалась деятельность Монгольской комиссии АН СССР (МОНК). Эта комиссия занималась организацией научных экспедиций в Монголию в 20-50-х годах. Историографы лишь вскользь упоминали о ней, а между тем длительное время практически все исследовательские работы в Монголии были сосредоточены в этой комиссии.

В трудах, посвященных различным аспектам, касающимся изучения Монголии, упоминаются отдельные экспедиции, но нет исследований, посвященных непосредственно истории самой Монгольской комиссии. Это объясняется отнюдь не тем, что ее роль в изучении Монголии не заслуживала особого внимания. Некоторые материалы о ее деятельности, имеющиеся в работах ученых различного профиля, позволяют оценить высокую значимость исследований. Возможно, что здесь определенную роль сыграл тот широкий спектр вопросов, которыми занималась Комиссия, а исследователи затрагивали лишь отдельные из них. Ученые, занимавшиеся историей учреждений АН СССР, проходили мимо нее, вследствие ее обособленного положения в составе Академии. Имели значение и репрессии, которым в 30-е годы подверглись многие из членов Комиссии. Эти вопросы еще предстоит осветить в будущем.

Деятельность Комиссии интересна еще и тем, что она представляла собой первый этап широкого изучения Монголии советскими учеными, подготовивший основную базу дальнейших исследований. Особенностью этого этапа является то, что изыскания проводились в основном учеными и исследовательскими институтами СССР при содействии монгольских научных учреждений. В дальнейшем, в послевоенное время, организуются уже совместные советско-монгольские экспедиции.

Исследования Комиссии касались не только Монголии. Они

проводились и в Танну-Тувинской народной республике, не входившей тогда в состав СССР, и в Бурят-Монгольской автономной республике, но в данной статье мы уделяем основное внимание деятельности МОНК в Монголии - главном объекте работ ее экспедиций.

Мы обращаемся к периоду истории Монгольской комиссии, охватывающему вторую половину 20-х годов. В это время происходит образование и организационное оформление Комиссии в составе Академии наук. К этому периоду относится отправка первых экспедиций в Монголию, наибольшая широта и активность исследований.

Основными источниками, содержащими сведения об экспедиционных исследованиях Комиссии, являются изданные в 1929-1931 годах в Ленинграде "Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народной республик и Бурят-Монгольской АССР" (15 выпусков). Эта серия продолжала издаваться в 1932-1956 годах под названием "Труды Монгольской комиссии" (69 выпусков). В них были представлены отчеты, составленные руководителями отрядов экспедиций, подробно освещавшие ход и основные результаты исследований.

Материалы, затрагивавшие экспедиционные работы и историю Комиссии, содержатся также в периодически издававшихся "Отчетах Академии наук СССР" и "Известиях Академии наук СССР", относящихся к указанному периоду. Они в большей степени открывают организационную сторону проведения исследований.

Важные сведения о Монгольской комиссии содержат материалы, находящиеся в Архиве Российской Академии наук. Некоторые из них были опубликованы в сборнике документов "Международные научные связи АН СССР. 1917-1941." М., 1992.

Документы, освещающие историю образования Комиссии, имеются в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Сведения о деятельности ряда ученых, принимавших участие в экспедициях Комиссии, биографические данные можно найти в Архиве востоковедов Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Архиве Института истории материальной культуры РАН.

Как уже говорилось, литературы, освещающей достаточно полно историю Монгольской комиссии, практически нет. Есть

общие упоминания о Комиссии ("История Монгольской народной республики". М., 1983.), ссылки на отдельные исследования ("Древние культуры Монголии". Новосибирск, 1985.), есть книги и статьи биографического характера (В.М.Алпатов. "Николай-Николаас Поппе". М., 1996., А.В.Краснопольский. "Отечественные географы. 1917-1992." М., 1993.). Краткую информацию о судьбе репрессированных ученых дает мартиролог, опубликованный в журнале "Народы Азии и Африки" 1990, №№ 4-5.

Здесь ставится задача только приоткрыть завесу над периодом начальной деятельности Монгольской комиссии. Многие вопросы еще ждут дальнейших исследований.

Советские исследования в Монголии до образования Монгольской комиссии АН СССР

Вслед за революцией в России, в 1921 году произошла революция и в Монголии, которая привела к возрождению независимости страны и установлению новой власти. Первой страной, признавшей независимую Монголию, была Советская Россия. 5 ноября 1921 года в Москве было подписано соглашение об установлении дружеских отношений между РСФСР и Народным правительством Монголии[1]. Это было первое государство, являвшееся по своим политическим устремлениям союзником Советской России. Естественно, отношения с ним представляли особое значение для нашей страны. Интерес этот был взаимен - независимость Монголии в политических реалиях того времени едва ли могла сохраниться без помощи России.

Контакты между двумя странами охватили различные сферы жизни, и не последней из них была сфера научного сотрудничества. Важное значение в то время имели научные исследования, дающие конкретные результаты экономического, политического и культурного характера, поэтому господствующим был тезис, что наука должна быть непосредственно связана с жизнью. Монголия являлась весьма отсталой страной и не могла быть достаточно полноценным союзником. Таким образом, интересы Советской России состояли в том, чтобы помочь Монголии поднять уровень социально-экономического развития, упрочить свое политическое влияние в этой стране и регионе в целом. В свою очередь, Монгольское революционное правительство предполагало решить свои проблемы экономического и политического характера, проблемы науки и образования с помощью России. По этим

причинам, научные контакты наметились уже в первые годы существования революционной Монголии.

Развитию науки с самого начала стало уделяться значительное внимание. 9 ноября 1921 года Народное правительство Монголии приняло постановление о создании Ученого Комитета - центрального научного учреждения в стране. Первоначальной его задачей было распространение грамотности, перевод книг на монгольский язык[2]. Председателем Комитета стал один из видных деятелей монгольской культуры Онхудын Жамьян. Ученым секретарем стал Цыбен Жамцарано. Бурят по национальности, он учился и в 1907-1908 годах работал в Петербургском университете. В 1911-1912 годах он находился в Монголии вместе с известными российскими учеными В.Л.Котвичем и Н.А.Масловым. Здесь Жамцарано оставался до 1917 года, занимаясь просветительской деятельностью. В 1920 году вновь вернулся в Монголию и активно участвовал в революционном движении. Ц. Жамцарано являлся одним из творцов первой программы МНРП. После победы революции он занимал посты в государственных и научных учреждениях и играл важную роль в связях Ученого Комитета Монголии и Академии Наук СССР.

Задачи первой экспедиции, направленной еще в период автономии Монголии, после Октябрьской революции показывают особый экономический и политический интерес к этой стране в Советской России. Наша страна нуждалась в сельскохозяйственном сырье, продовольствии, которые могли быть закуплены в Монголии. С этой целью использовались еще дореволюционные связи. В 1915 году развернула свою деятельность по закупке скота для обеспечения русской армии во время Первой мировой войны Монгольская торговая экспедиция - "Монголэкс", во главе с одним из виднейших русских путешественников по Монголии и Тибету П.К. Козловым. Ею была создана инфраструктура для выполнения поставленных задач. А после революции в России все имущество "Монголэкса", а также и его основные функции перешли к Сибирскому отделению Всероссийского Центрального Союза потребительских обществ, контора которого располагалась в Иркутске[3]. Центросоюзом и была послана весной 1919 года экспедиция под руководством И.М. Майского, ставившая своей целью экономическое обследование Монголии. В процессе работы экспедиции задачи были значительно расширены. Кроме достижения чисто экономических целей, был начат сбор сведений

по истории, быту и нравам, верованиям монголов, социальному строю и государственному управлению Монголии, т.е., рассматривался целый комплекс вопросов. В результате этого период работы экспедиции составил полтора года (до конца 1920 года). Выполнению этих задач вполне соответствовал состав экспедиции: начальник экспедиции И.М. Майский - в будущем известный дипломат, историк, академик; А.Д. Калинин - сотрудник НКВД, но, кроме того, он - один из крупных монголоведов, впоследствии преподаватель Московского института востоковедения, Ленинградского восточного института; Эрдени Батухан - переводчик, в будущем преподаватель Ленинградского восточного института, а затем министр просвещения МНР[4].

По словам И.М. Майского, нужно было обновить имеющиеся в России сведения о Монголии, и эта задача в основном была выполнена. По материалам, собранным экспедицией, И.М. Майский в 1921 году в Иркутске издал книгу "Современная Монголия", которая освещала различные стороны социально-экономического и политического развития, а также других сфер жизни Монголии в предреволюционное время[5].

Это был один из первых пробных камней в систематическом изучении Монголии советскими учеными. После установления независимости научные контакты расширяются. Ученые и студенты из СССР направляются на работу в Монголию, будущие монгольские ученые едут на учебу в нашу страну. Следует отметить, что эти контакты носили не только научный, но и политический характер, поскольку посланцы из СССР занимают ряд государственных постов в МНР, а монгольские кадры куются в Советской стране. Но нужно повторить, что на тот момент по иному не могло и быть. Советскому Союзу был необходим надежный союзник на Дальнем Востоке, который являлся бы примером для других стран Азии. Таким образом, советское влияние на дальнейшее развитие Монголии было весьма значительным.

В начале 20-х гг. встает вопрос о новых экспедиционных исследованиях, которые должны были стать регулярными. Стоит отметить, что Россия только в предреволюционное время, под влиянием Первой мировой войны, когда стало явным экономическое отставание от развитых капиталистических государств, начала серьезные исследования своих собственных, практически не освоенных, бескрайних восточных территорий. Тогда же начинают широко

воплощаться идеи комплексных экспедиционных обследований. Значительную роль здесь сыграла Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) при РАН, созданная в 1915 году. У истоков ее образования стоял крупнейший русский ученый В.И. Вернадский. Комиссия ставила своей задачей организацию комплексного изучения природных ресурсов страны. Для этого предполагалось создать объединения ученых, сеть исследовательских институтов. В течение 1915-1917 гг. велась разведка полезных ископаемых, лабораторные исследования полученных материалов. По итогам этой работы издавались научные очерки о природных богатствах России. После революции деятельность КЕПС продолжалась при активном содействии Советского правительства, которое ассигновало средства на организацию научно-исследовательских институтов. С образованием СССР деятельность КЕПС распространяется и на союзные республики.

Опыт работы Комиссии, научные кадры, созданные в процессе ее деятельности, предполагалось использовать при изучении ресурсов Монголии. Но здесь имелась и своя специфика. Монголия представляла собой кладезь для изысканий самого широкого плана, как по части экономических природных ресурсов, так и палеонтологических богатств (в этом отношении страна представляет собой уникальное на Земле место, являясь "хранилищем всех форм жизни" с момента ее возникновения[6]), а также культурного наследия одного из самых интересных кочевых обществ, сыгравшего значительную роль в мировой истории.

Это понимали не только в России, но и в других странах. Например, в США, где Американским музеем естественной истории была организована Центрально-Азиатская экспедиция под руководством Р.Ч. Эндрюса, которая проводила целенаправленное изучение остатков Каменного века на территории Внешней Монголии в течение трех лет (1922-1925 гг.)[7]. Она могла стать конкурентом в научных поисках советских ученых и, своего рода, фактором политического влияния США в стране, где в это время еще имелись американские фирмы. Это также подталкивало к ускорению организации исследований, хотя для борьбы с конкурентами, возможно, использовались и другие методы - деятельность американской экспедиции была запрещена правительством МНР[8]. О важности прочных научных связей с Монголией говорит и тот факт, что вопросы, касающиеся этого,

внимательно рассматривались на Политбюро ЦК ВКП(б)[9].

Созрела необходимость создать организационный центр, объединявший ученых разных специальностей для систематического комплексного экспедиционного исследования Монголии. Прелюдией этого стала Монголо-Тибетская экспедиция под руководством П.К. Козлова, принимавшего участие в 6 экспедициях в Монголию и Тибет, ученика Н.М. Пржевальского.

В конце 1922 года П.К. Козлов представил Русскому Географическому обществу проект трехлетней экспедиции в Монголию и Тибет. Проект был одобрен РГО и Академией наук, а затем был передан на рассмотрение и утверждение в СНК. 27 февраля 1923 года СНК РСФСР принял декрет "Об экспедиции Русского Географического общества в Монголию и Тибет" сроком с 1 марта 1923 года по 1 марта 1926 года с отпуском 100 тыс. рублей[10]. Фактически она начала работать с июля 1923 года, но деятельность ее протекала в основном в пределах Внешней Монголии, т.к. в Тибет попасть не удалось из-за противодействия китайских властей. Экспедиция вела работы по изучению географии страны, проводились также палеонтологические и биологические исследования. Но наибольшую славу принесли ей археологические открытия: были обнаружены могильники властителей хунну (I век н.э.) в горах Ноин-Ула севернее Улан-Батора. В помощь экспедиции были отправлены археологи С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка, а также почвовед Б.Б. Польшов и минералог В.И. Крыжановский. Результаты экспедиции были весьма значительны и интересны. Была привезена большая коллекция экспонатов самого разного характера, освещающая разнообразие растительного и животного мира Монголии далекого прошлого и настоящего, ее геологических богатств, а также картину жизни, быта и производства монголов в древности и в современный период. Была организована специальная выставка, где эти коллекции были представлены[11]. Кроме того, еще в ходе экспедиции, в конце 1925 года, были опубликованы предварительные "Краткие отчеты по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П.К. Козлова".

Таким образом, экспедиция внесла весомый вклад в монголоведение и в такие отрасли науки как биология, палеонтология и другие. Один из ее участников профессор Б.Б. Польшов указывал что, она имела "ценные результаты в двух направлениях: во-первых, (исследования) доставили новый и глубоко интересный научный

материал, а во-вторых, установили более тесный контакт Российской Академии наук с Монгольским Ученым Комитетом, который заинтересовался нашими работами и оценил их крупное значение в изучении, как истории Монголии, так и ее естественных производительных сил" [12]. Свидетельством этого служат письма Монгольского правительства в АН СССР с просьбой о посылке советских специалистов для продолжения изысканий [13]. Значительную роль в укреплении научных связей в это время сыграл уже упоминавшийся ученый секретарь МУКа МНР Ц. Жамцарано, который вел активную переписку с Непременным секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом о планах дальнейших совместных научных работ [14].

Образование Монгольской комиссии и ее работы в МНР в 1925-1929 гг.

Экспедиция П.К. Козлова продемонстрировала важность углубления исследований в Монголии, чему должно было способствовать создание соответствующего организационного центра. Идеи, связанные с этим все чаще высказывались крупными учеными страны. Уже упоминавшийся Б.Б. Польшов в своей докладной записке Наркому иностранных дел Г.В. Чичерину от 6 февраля 1925 года предложил проект организации специального института по изучению Монголии, как постоянно действующего научного учреждения в этой стране, связанного с АН СССР [15]. Об особом значении этих вопросов говорит также и то, что при Совнаркомом СССР была создана особая комиссия по рассмотрению работ экспедиции П.К. Козлова [16].

В связи с этими проблемами также очень интересной является записка профессора ЛГУ, географа А.А. Григорьева, составленная в середине 20-х годов [17]. Фактически, она представляет собой программу исследований в Монголии. А.А. Григорьев отмечает, что современная ему русская, западноевропейская и американская литература содержит довольно много данных по Монголии, но их недостаточно для ее успешного развития. Он указывает, что основное внимание должно быть обращено на учет природных условий, на изучение населения, как носителя культуры и основного фактора в развитии народного хозяйства, на рассмотрение бытовых условий населения, как важнейшего фактора экономического

развития страны. Автор записки подчеркивает, что исследовательская работа должна дать ответы на вопросы, касающиеся как Монголии в целом, так и отдельных ее районов. Далее он конкретизирует задачи, говоря, что при исследовании природных богатств нужно давать не только описательную информацию, но и рассматривать возможности ее практического использования с учетом существующих условий. В отношении изучения населения Монголии также должны учитываться исторические и культурные особенности для проведения мероприятий, связанных с просвещением и поднятием культуры вообще. При рассмотрении быта, народного хозяйства нужно наметить пути интенсификации этого хозяйства в имеющихся условиях для выявления, как общих перспектив прогресса всей страны, так и особых - для производственных и административных регионов Монголии. Результаты исследований должны быть обобщены, изданы и предоставлены Монгольскому правительству. А.А. Григорьев замечает, что эта работа не терпит отлагательства, и для успешного развития независимого Монгольского государства ее необходимо провести в два-три года. Он также подчеркивал, что работы не должны быть детальными в данный момент, главное дать толчок развитию страны.

Записка эта представляется весьма важной, как выражавшая общую идейную направленность, свойственную научным кругам того времени и, повидимому, повлиявшая на выбор путей дальнейших исследований и определение спектра важнейших вопросов для них.

Следует еще раз подчеркнуть, что научные исследования имели и политическое значение, т.к. являлись выражением советской политики в Монголии и на Востоке в целом. Именно по этому эти вопросы рассматривались не только в Академии наук, но и на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома.

И вот, наконец, как реальное воплощение возникавших идей, 3 марта 1925 года правительством страны принято решение " для организации планомерного, систематического и всестороннего исследования Монголии образовать при СНК СССР постоянную Комиссию" [18]. Возглавил ее управляющий делами Совнаркома и СТО, бывший личный секретарь В.И. Ленина, Н.П.Горбунов - будущий академик, Непременный секретарь АН СССР. В то время он являлся связующим звеном между правительством и Академией наук, и немало сделал для отечественной науки, находясь на правительственных постах.

Функции Комиссии включали в себя осуществление

координации исследовательских работ, подбор кадров для работы в МНР, организацию научных экспедиций. В 1926 году сфера действий Комиссии расширилась, соответственно изменилось ее название: Комиссия по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Включение этих регионов в сферу действия Комиссии было обусловлено схожестью их экономического и культурного развития с МНР, но исследования в Монголии являлись приоритетными.

Уже первоначальный состав Комиссии был достаточно представительным. Кроме Н.П. Горбунова в нее входили: зам. председателя, академик, Непременный секретарь АН СССР С.Ф. Ольденбург; академик В.Л. Комаров - ботаник и географ, в будущем президент Академии наук, активный проводник идей комплексных исследований; профессор-монголовед - историк, этнограф, лингвист - Б.Я. Владимирцов; профессор Б.Б. Польшов; профессор-археолог С.А. Теплоухов, геологи И.П. Рачковский, А.А. Григорьев (автор выше указанной записки), а также минералоги, зоологи, лингвисты[19]. В основном, это были крупные специалисты в своих областях знаний. Таким образом, в задачи Комиссии входила, прежде всего, организация комплексных экспедиционных исследований. Их основу составляло обследование природно-географических ресурсов, важность хозяйственного освоения которых была несомненна, а также культурно- исторического наследия монгольского народа, изучение которого должно было принести плоды в деле просвещения населения, поднятия его национального самосознания. Кроме того, это должно было восприниматься как пример помощи страны социалистического строя слаборазвитому государству, который демонстрировал новые бескорыстные методы международных отношений.

Исследования, действительно, носили практический характер, и их организация была проведена достаточно быстро. Уже к лету 1925 года Комиссией была организована большая комплексная экспедиция, состоящая из пяти отрядов: этнолого-лингвистического (руководитель Б.Я. Владимирцов), геохимического (рук. Б.М. Куплетский), почвенно-географического (рук. Б.Б. Польшов), геологического (рук. З.А. Лебедева) и археологического (рук. Г.И. Боровка)[20]. Экспедиция должна была продолжить и расширить исследования, начатые экспедицией П.К. Козлова (которая в это время еще находилась в Монголии). В связи с этим, можно видеть преемственность производимых работ, тем более что

в составе экспедиции Комиссии находились ученые - участники экспедиции П.К. Козлова: Б.Б. Польшов, Г.И. Боровка.

Деятельность экспедиции в Монголии продолжалась все лето 1925 года, причем каждый из отрядов работал самостоятельно, имел собственные маршрут и конкретные задачи. Этнолого-лингвистический отряд Б.Я. Владимирцова находился в МНР с июля по сентябрь и действовал в северных и центральных районах страны - в Урге, горах Малого Хэнтея и долине реки Керулен. За это время отряд ознакомился с монгольскими рукописями, бывшими в распоряжении Монгольского Ученого Комитета, собрал коллекцию книг, брошюр, в том числе и революционных изданий, работал над Данджуром (сводом буддийских культовых книг). Его членами были записаны монгольские песни, отражающие события последних лет, собраны тексты современных пьес и импровизаций. На основе изученных сказаний, песен и других литературных памятников были сделаны выводы о родовом строе монголов, их диалектах, верованиях (были записаны шаманские призывания, обследованы атрибуты шаманства, их обрядовые книги)[21]. Таким образом, в сферу внимания отряда входило как изучение древнего наследия монголов, их образа жизни в древнее и настоящее время, так и рассмотрение политической обстановки, идеологического настроения населения. Результаты работы отряда были использованы в фундаментальном труде Б.Я. Владимирцова "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм". Л., 1934.

Геохимический отряд Б.М. Куплетского также работал в районе столицы Монголии, и результаты, которых он достиг, имели важное практическое значение. Им были обследованы топазовые жилы, произведена 300-километровая геологическая съемка, осветившая строение местности, до тех пор еще необследованной. Был обнаружен ряд прежде неизвестных жил драгоценных камней, произведена оценка сланцевых месторождений в районе работы, также были обнаружены угольные месторождения. Все эти предварительные результаты были переданы Монгольскому Учкому с рекомендациями по их практическому использованию[22].

Исследования отряда, особенно касающиеся месторождений угля и самоцветов, имели большое значение для экономики Монголии, укрепления ее финансовой базы. Фактически же, это были первичные открытия, которые обнаружили значительные перспективы для разработок и дальнейших обследований, которые продолжались в следующих экспедициях.

Б.Б. Польшов возглавлял почвенный отряд, и его маршруты пролегли к юго-западу от Урги. В общей сложности они составили около 1 тысячи километров. Внимание уделялось луговым почвам горных областей, предгорий и других мест. По просьбе монгольского правительства было также произведено исследование песков в ряде районов, была проведена надземная съемка местностей. В результате были составлены карты пройденных местностей: геологические, почвенные, ботанические; собрано 40 пудов образцов почв и горных пород, богатый гербарий, образцы воды источников и озер. Все эти материалы поступили на обработку в Почвенный институт Академии наук СССР[23]. Работа отряда была весьма значима для страны, основной отраслью хозяйства которой являлось скотоводство, и которая активно начинает расширять земледелие. Появилась возможность научного подхода к проблеме выбора мест для выпаса скота и для пашенной обработки, что должно было повысить интенсивность производства. Кроме того, эти исследования имели значения и для науки о Земле в целом.

Руководители отрядов отчитывались на заседаниях Комиссии о результатах работы. Итоги деятельности этой первой экспедиции, организованной Монгольской комиссией отнюдь не разочаровывали и были одобрены[24]. Начало было положено: организация сформировалась, стала действовать, и получила результат, который был важен в смысле его практической пользы для развития Монголии. Это и открытие новых месторождений полезных ископаемых, рекомендации по их использованию и получение возможностей для улучшения животноводства и земледелия, и помощь в изучении прошлого монгольского народа. Многие открытия имели значение для мировой науки: получены неизвестные ранее сведения по географии, геологии, биологии, истории Монголии - страны, которой слабо касался взгляд европейского исследователя. Кроме того, была налажена более четкая организация научных контактов советских и монгольских ученых, расширена база разработок, подготовлены новые кадры монголоведения, которое, по существу, находилось на стадии становления. Не могли не иметь места и достижения политического характера - укреплялось доверие монголов к СССР и его помощи.

По решению Комиссии, результаты экспедиции были подготовлены к изданию в виде отчетов и опубликованы Академией наук тремя выпусками под названием "Северная Монголия" в 1926-1928 годах. Они были переданы и монгольской стороне[25].

О значении этой экспедиции и необходимости дальнейших исследований в Монголии говорит и тот факт, что сразу же после ее возвращения и первичного рассмотрения ее достижений Комиссией был составлен план последующих работ, утвержденный АН СССР. Их предполагалось произвести в 1926-1927 годах. В соответствии с этим планом тогда были посланы несколько отрядов, ставивших своей задачей продолжение начатых в 1925 году изысканий. На этот раз они охватили более широкие территории.

Почвенный отряд во главе с Н.И. Лебедевым (в него входил и Б.Б. Польшов, который в ходе работы отделился от отряда и совместно с сотрудниками Ученого Комитета МНР продолжал почвенно-ботанические исследования в Северной Гоби) работал в Восточной Монголии, где изучал почвенные покровы [26].

Геологическая партия И.П. Рачковского охватила исследованиями районы Западной Монголии, Монгольского Алтая, а также районы Танну-Тувинской Народной республики. Ей удалось обнаружить новые месторождения угля, солей и других полезных ископаемых. Отрядом было добыто 2 тыс. образцов материала, что позволило выделить для МУКа дублетную коллекцию (св. 100 образцов), которая характеризовала основные элементы геологического состава Западной Монголии [27].

Гидрохимический отряд В.А. Смирнова занимался обследованием целебных источников - аршанов. Но члены экспедиции зачастую не ограничивались только узкими рамками своей сферы интересов. В своем отчете о результатах работ В.А. Смирнов дает интересное описание монастыря Тук-Суме, стоящего на берегу реки Керулен (Северо-восточная Монголия), где по преданию хранится туг - знамя - Чингис-хана [28].

В 1926-1927 годах действовал также и этнолого-лингвистический отряд во главе с профессором Н.Н. Поппе, учеником Б.Я. Владимирцова. Кроме него в отряде работали видные в будущем монголисты: В.А. Казакевич, Г.Д. Санжеев. Каждый из них находился в различных районах Монголии, занимаясь этнографическими обследованиями, в частности, музыкального творчества, быта монголов, ценные сведения о которых имелись в буддийских монастырях. Ими были изучены малоизвестные наречия монгольского языка. В частности, Г.Д. Санжеев обследовал говор и фольклор дархатов, одного из слабоизученных племен - омонголившись урянхайцев-тюрков. Н.Н. Поппе занимался исследованием дагурского языка, который был интересен тем, что

являлся архаичным монгольским диалектом, и прослеживалось его родство с наречием афганских монголов. В.А. Казакевичем и Б.Б. Бамбаевым проводились археологические работы в Северной и Юго-Восточной Монголии по изучению древних тюркских погребений. В результате отрядом были собраны коллекции книг, надписей, записано множество былин, песен, сказок, получены сведения, обогатившие знания о монгольском языке. На основе собранных материалов составлялось "Описание монгольских и ойратских рукописей". Были получены археологические данные, свидетельствующие о влиянии соседних народов на жизнь монголов[29]. В 1926 году продолжал раскопки в МНР археологический отряд Г.И. Боровки[30].

В 1927 году Комиссия посылала исследовательские группы и в Танну-Туву: геологическую партию, две геохимические партии и археологический отряд.

В последующее время посылка экспедиций становится системой, в которой многое уже было отработано, накоплен значительный опыт. В 1928 году в Монголии действуют четыре отряда: зоологический, почвенный, ботанический и комплексный Гобийский. В это же время в Танну-Туву работал геологический отряд, в Бурят-Монгольскую АССР посланы археологический и этнолого-лингвистический отряды. В следующем, 1929 году в Монголию отправляются два отряда: зоологический и ботанический под общим руководством академика В.Л. Комарова. В том же году самостоятельными этнолингвистическими исследованиями в Улан-Баторе занимался Н.Н. Поппе.

Профиль отрядов свидетельствует об особо пристальном внимании к условиям развития основной отрасли экономики - сельскому хозяйству. Здесь также проявилась значимость работ, способствующих развитию животноводства и земледелия, следовательно, повышению благосостояния страны в целом. Например, член Гобийского отряда, старший химик Геологического музея В.А. Смирнов, производивший обследования водных ресурсов Монголии, выяснил, что идет интенсивное расширение пустыни Гоби, вследствие неудержимой потери запасов воды, чему способствуют и сами монголы, стада которых вытаптывают растительный покров полностью. Расчеты, которые он сделал, показали, что если не будут проведены глубокие гидрогеологические изыскания и приняты необходимые меры, основанные на их результатах, страна вскоре превратится в пустыню[31]. Это лишь

один из многих примеров, демонстрирующих значение работ экспедиций, хотя указанные выше выводы ученого встретили возражения ряда ученых.

В том же 1929 году Комиссией была отправлена археологическая экспедиция в Танну-Туву под руководством С.А. Теплоухова, занимавшаяся раскопками древних курганов[32].

С 1927 года Комиссия получает иной статус. Из прямого подчинения СНК она переходит в ведение Академии наук СССР. В связи с этим утверждается ее новый, теперь уже академический состав, ядро которого, впрочем, составляли те же ученые, которые работали в ней и прежде. С мая 1927 года Комиссию возглавляет Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург, а место его заместителя получает академик А.Е. Ферсман. Из крупных фигур советской науки того времени в составе Комиссии числятся также В.А. Обручев, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, Ю.М. Шокальский и другие. Связи с правительством, однако, не были прерваны - в числе ее членов по-прежнему управляющий делами СНК Н.П.Горбунов[33].

В Академии наук Комиссия была включена в структуру ОКИСАР (Особый Комитет по исследованию союзных и автономных республик), с которым ее связывало то, что в сферу ее деятельности входила и Бурят-Монгольская АССР, куда также постоянно направлялись исследовательские отряды. Можно предположить, что выход Комиссии из подчинения СНК отражает желание придать ей и, соответственно, ее экспедициям чисто научный статус и лишить какого-либо политического налета, что могло быть связано с внутривластной борьбой, происходившей в это время в МНР.

Это было не последнее изменение организационного статуса Монгольской комиссии. В 1928 году ОКИСАР преобразуется в КЭИ (Комиссия экспедиционных исследований), куда, соответственно, вошла и она. А в 1930 году Комиссия стала составной частью СОПС (Совет по изучению производительных сил) при АН СССР, образованного из КЕПС и КЭИ. Целью этих структурных преобразований было создание централизованного организационного управления исследованиями ресурсов. Но нужно отметить, что при всех перемещениях Комиссия сохраняла особое положение в этих структурах. Это было связано с тем, что и ОКИСАР и КЭИ и в дальнейшем СОПС занимались исследованиями на территории СССР. Основной же сферой деятельности Монгольской комиссии была Монголия. Общей же являлась основная задача - изучение производительных сил.

В рассматриваемый нами период деятельности Комиссии шло формирование ее структуры, отрабатывались методы работы от организации экспедиций до обработки полученных результатов и их публикации. Постепенно складывалась система научных учреждений, принимавших участие в работе Комиссии, и определялся постоянный состав ученых, работавших в экспедициях и накопивших богатый опыт исследовательских работ в Монголии. При этом происходило все более тесное взаимодействие с научными учреждениями МНР. Событием, в значительной степени подводившем итог этому первому этапу в истории Комиссии стал договор, заключенный между Монгольским Ученым комитетом и Академией наук СССР 5 октября 1929 года. Он был во многом обусловлен необходимостью дальнейшей систематизации экспедиционных работ, поскольку теперь, после первых успешных шагов ставились более глубокие стратегические задачи. Они прямо вытекали из результатов предшествующих экспедиций, определивших более конкретный фронт дальнейших исследований. Монголия также была заинтересована в таком договоре и дальнейшей работе советских научных экспедиций. В указанное время здесь шло создание пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры страны, и помощь советской науки была бы очень кстати при его реализации[34].

Договор был подписан в Улан-Баторе И.П. Рачковским, постоянным участником экспедиций Комиссии - со стороны АН СССР, а от Ученого Комитета МНР - его председателем О. Жамьяном и ученым секретарем Ц. Жамцарано. Согласно договору, предполагалось в течение пяти лет - с 1930 по 1934 год послать в Монголию 11 исследовательских отрядов: геологический - под руководством И.П. Рачковского, геохимический - рук. Б.М. Куплетский, палеонтологический - рук. академик А.Л. Борисьяк, гидрогеологический - рук. В.А. Смирнов, почвенный - рук. Б.Б. Полюнов, ботанический - рук. академик В.Л. Комаров, зоологический - рук. А.Я. Тугаринов. палеоэтнологический - рук. С.А. Теплоухов, археологический - Г.И. Боровка, антропологический - рук. С.И. Руденко, этнолого-лингвистический - рук. академик Б.Я. Владимирцов. Предполагалась также посылка особой астрономической партии, поскольку Монголия представляла собой одно из наиболее благоприятных на Земле мест для астрономических наблюдений[35].

Следует выделить важнейшие моменты, содержащегося в

договоре. Прежде всего, все действия экспедиций на территории МНР должны согласовываться с законами этой страны, а в особых случаях - с решениями Ученого комитета, который берет на себя обязательства всемерно поддерживать работу отрядов. Значительное место уделено результатам исследований. Условия несколько варьируются в отношении разных отрядов, но общая схема примерно следующая: все материалы, полученные экспедициями, вывозятся в Ленинград после предоставления Ученому Комитету полного их перечня; все отряды, еще до отъезда из Монголии, должны оставить предварительные отчеты о своей работе; после обработки в СССР соответствующими научными учреждениями в МНР возвращаются те материалы, которые имеют важное значение для развития хозяйства и науки этой страны. При этом Ученый Комитет сам должен выбирать то, что ему необходимо, но отмечалось, что материалы антропологического и этнолингвистического отрядов возвращаются в Монголию после обработки только в виде отчетов - видимо, полагалось, что эти материалы имели большое значение не только для МНР, но и для мировой науки и культуры. Срок обработки материалов, подлежащих возвращению, должен устанавливать Ученый Комитет[36].

По договору и Ученый комитет может посылать своих научных сотрудников на территорию СССР, но собранные ими материалы должны сначала быть представлены в АН СССР, которая решает, что можно выделить на время монгольской стороне для изучения. В конечном счете, все, собранное монгольскими учеными на советской территории, остается в СССР.

Результаты всех исследований должны выходить особым изданием Академии наук - "Труды АН СССР и УК МНР" на русском и монгольском языках, 50 экземпляров которого передаются Ученому Комитету.

Как можно видеть, договор содержит некоторые преимущества для Академии наук в отношении результатов экспедиций. Но это вполне объяснимо тем, что все основные работы выполняются советскими учеными и советскими же научными учреждениями из-за объективного отсутствия необходимых условий для этого в МНР, т.е., нехватки научных кадров и возможностей для всесторонней обработки материалов.

Проект договора был обсужден Учкомом, а также на совещании представителей правительства и других учреждений

МНР, где был одобрен. Более того, были высказаны пожелания расширения работ в наиболее важных для Монголии областях, касающихся вопросов развития скотоводства и земледелия, классового расслоения в стране, организации научно-исследовательских учреждений, а также уделения большего внимания буддийской церкви, ее быту и экономике, изучению физического состояния населения МНР и его приросту. Особо подчеркивалось, что исследовательская работа должна сопровождаться "конкретными выводами, необходимыми для практических работ в МНР"[37].

Вполне очевидно, что руководство МНР и научные круги от экспедиций Комиссии конкретных результатов и ответов на самые насущные вопросы, стоящие перед страной, среди которых выделяются вопросы не только экономического, но и социокультурного характера. Надо отметить, что ответы на многие из них были получены. Уже первая экспедиция, действовавшая в рамках данного договора (в 1930 году было послано пять отрядов) достигла важных результатов, за что ее участники удостоились благодарности Монгольского правительства[38]. Что касается СССР, то договор давал возможность не только оказать серьезную помощь развитию своего соседа и союзника, но и воспользоваться всеми плодами монопольного исследования этой, столь слабо изученной территории Земли, для развития мировой науки. Таким образом, он являлся взаимовыгодным для обеих сторон.

Договор 1929 года оформил основные задачи и направления дальнейшей деятельности Комиссии, но выполнение намеченных планов подверглось в дальнейшем значительным коррективам в связи с жесткой установкой на исследования, имеющие исключительно практическое значения для развития производительных сил Монголии. По этой причине были свернуты этнографические, археологические, палеонтологические экспедиционные работы Монгольской комиссии.

Итоги работы Монгольской комиссии в 1925–1929 гг.

Экспедициями, организованными Монгольской комиссией в 1925 - 1929 годах было охвачено широкое поле исследований. Особое внимание уделялось тем сферам, которые имели наибольшее значение для нужд экономики Монголии, т.е., ее природным

ресурсам. Но вместе с тем видно, что регулярно отправляемые отряды для этнографических, лингвистических и археологических изысканий также внесли значительный вклад в постижение Монголии, в помощь ее развитию.

Можно сказать, что начальный период деятельности Комиссии был этапом проб, выбора важнейших направлений работ. Это период наибольшего разнообразия исследований. В дальнейшем, в 30-е годы намечается тенденция к сведению их к изучению только естественных природных ресурсов.

Выше уже много говорилось о тех важных результатах, полученных экспедициями, которые позволили экономике Монголии добиться значительного сдвига в развитии, открыли для монголов многое из их забытого прошлого. Надо добавить, что работа Комиссии не ограничивалась только экспедиционной деятельностью. Члены МОНК принимали участие в подготовке латинского, а позже кириллического алфавита для монгольского языка[39], группа под руководством Ю.М. Шокальского по заданию Комиссии проделала большую работу по созданию крупномасштабной карты МНР (масштаб 1:1000000).

Благодаря налаженным научным контактам, в Монголии быстро пошел процесс создания собственной научной базы, организации собственных исследовательских работ. Образовывались свои научные школы, однако, тесно связанные с российской наукой. Ряд ученых, работавших в составе МОНК: П.К. Козлов, С.Ф. Ольденбург, Б.Я. Владимирцов, В.Л. Комаров и другие, были избраны почетными иностранными членами Монгольского Ученого Комитета[40].

Для советской науки деятельность МОНК также имела немалое значение. В результате участия в экспедициях образовался значительный круг специалистов-монголоведов, хорошо знавших язык, культуру монголов. Экспедиции способствовали развитию научно-исследовательских институтов, получавших большое количество уникальных материалов. Кроме того, в мировой науке возрос авторитет русских ученых, ставших, по сути, главными исследователями Монголии, активно выступавших на международных конференциях и знакомивших с результатами своих исследований западный научный мир. В 1927 году для участия в Конгрессе почвоведов был командирован Б.Б. Польшин[41]. Г.И. Боровка в 1929 году находился в Германии с выставкой экспонатов из раскопок в Монголии. Там же он выступил

с рядом докладов об археологических изысканиях в МНР [42]. В 1932-1933 годах во Франции и Германии с докладами, касавшимися этнографических и лингвистических исследований в Монголии, выступал В.А. Казакевич [43].

Нельзя не отметить и политического значения деятельности Монгольской комиссии. На фоне активного вмешательства Коминтерна в политическую борьбу в МНР в конце 20-х годов, которое вызывало недовольство у монголов, экспедиции Комиссии несли практическую пользу, что способствовало более благоприятному отношению к СССР.

По свидетельству самих участников экспедиций, отношение к советским ученым в Монголии было очень благодарным за оказываемую ими помощь. С.А. Коңдратьев, принимавший участие в ряде экспедиций, писал: "Российские ученые, приезжавшие по контрактам, договорам в экспедиции в Монголию, работая на ниве монгольской науки, щедро делились своим опытом и знаниями. Они предлагали свои методики, подходы к материалу, свой способ научного мышления, и монголы, вовлекаясь в этот процесс, впитывали дух российской науки. Атмосфера взаимного интереса, научного и человеческого тяготения друг к другу царил тогда в кругу российских специалистов и молодых монгольских ученых - членов Ученого Комитета МНР" [44].

Благодарности МУКа и создание 5-летнего плана дальнейших, более широких работ, свидетельствуют об эффективности и перспективности исследований первых лет деятельности Комиссии. Они были продолжены в 30-е годы. Но, как известно, эти годы не были благоприятны для советской науки. В это время разворачиваются репрессивные кампании против интеллигенции под прикрытием всевозможных выдуманных обвинений. По отечественным научным кадрам был нанесен сильнейший удар, который не миновал и многих участников экспедиций Комиссии. В 1931 году был арестован и приговорен к 10 годам работ на строительстве Беломорско-Балтийского канала археолог и этнограф С.И. Руденко. Его судьбе в то время еще можно было позавидовать: он был досрочно освобожден в 1934 году [45]. В 1933 году арестован Г.И. Боровка и расстрелян в Усть-Печорском лагере [46]. В том же году арестован С.А. Теплоухов. В 1934 году во время следствия он повесился [47]. Особенно тяжелым был 1937 год: были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Японии и других придуманных преступлениях, а затем

расстреляны М.И. Тубянский, долгое время работавший в Монголии, В.А. Казакевич, принимавший участие в пяти экспедициях МОНК[48]. Тогда же попал под следствие и Ц. Жамцарано, умерший в лагере в 1942 году[49]. Н.П. Горбунов, стоявший у истоков Комиссии, в 1935 году становится Непременным секретарем Академии наук СССР, а в 1938 году арестован и расстрелян[50]. Этими именами список подвергшихся репрессиям участников экспедиций МОНК не исчерпывается. Эти события, конечно, самым негативным образом сказались на дальнейшей работе Комиссии, особенно в гуманитарной сфере. Долгое время имена репрессированных ученых крайне редко упоминались в научной литературе, и мало писалось об их деятельности. Столь же редко исследователи касались истории деятельности самой Монгольской комиссии, и здесь остается еще немало проблем, которые еще предстоит рассмотреть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 годах. М., 1960. С. 187. Однако по Соглашению между СССР и Китаем от 31 мая 1924 года Монголия признается составной частью Китая.
2. Там же. С. 177.
3. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 16.
4. Там же. С. 394.
5. Там же. С. 22.
6. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 221.
7. Там же. С. 226.; Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 12.
8. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 226.
9. Железняков. Научная конференция "Коминтерн и Монголия". 25 июня 1996 г. // Восток. 1997. № 1. С. 161.
10. Юсупова Т.И. Лхаса - несбывшаяся мечта П.К. Козлова. // Ориент, СПб., 1998. № 2-3. С. 206.
11. Культурная жизнь в СССР 1917-1927. Хроника. М., 1975. С. 661.
12. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 196.
13. Известия АН СССР. Т. 19. Серия 6. № 18. Л., 1925. С. 900.
14. Решетов А.М. О переписке Ц.Ж.Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым. //Ориент. СПб., 1998 № 2-3. С. 56-92.

15. Эта идея была рассмотрена в ноябре 1925 года на заседании Монгольской комиссии, где была признана нецелесообразной организация такого института в Урге. Ставка была сделана на научные учреждения в нашей стране. Архив Русского этнографического музея, ф. 3, оп. 1, д. 35, л. 42.
16. ГАРФ, ф. 5446, оп. 37, ед. хр. 9, л. 292.
17. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 209.
18. ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, ед. хр. 10, л. 319.
19. Там же.
20. Отчет о деятельности АН СССР за 1925 год. Л., 1926.
21. ПФА РАН, ф. 339, оп. 1(1925), д. 3, л. 1.
22. Там же, л. 2.
23. Там же, л. 3.
24. Там же.
25. См: Северная Монголия I. Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиции о работах, проведенных в 1925 году. Л., 1926; Северная Монголия II. Предварительный отчет об археологической и этнолого-лингвистической экспедиции в Северную Монголию в 1925 году. Л., 1927; Северная Монголия III. Л., 1927.
26. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 199.
27. Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. I. Общий отчет. Л., 1928. С. 112.
28. Труды Монгольской комиссии. Выпуск № 5. Л., 1932. С. 36.
29. Отчет о деятельности АН СССР за 1926 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927. С. 46; Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928. С. 258.
30. Архив Института истории материальной культуры РАН (ИИМК), ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 8 об.
31. Отчет о деятельности АН СССР за 1928 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929. С. 32.
32. Отчет о деятельности АН СССР за 1929 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930. С. 14.
33. Известия АН СССР. Т. 21, № 18. Л., 1927. С. 1564.
34. Васильев Д.Д., Кульганек И.В. Глазами участника экспедиции. // Ориент. СПб., 1998. № 2-3. С.237.
35. Международные научные связи АН СССР 1917-1941. Сборник документов. М., 1992. С. 202-206.
36. Там же. С. 206.
37. Васильев Д.Д., Кульганек И.В. Глазами участника экспедиции. // Ориент. СПб., 1998. № 2-3. С. 237.
38. Отчет о деятельности АН СССР за 1930 год. I. Общий отчет. Л.,

1931. С. 121.

39. Алпатов. Лингвистическое наследие Н. Поппе. // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 121.

40. История Монгольской Народной республики. / Под ред. Окладникова А.П. и Бира Ш. М., 1983. С. 409.

41. Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928. С. 32.

42. Архив ИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

43. Архив Востоковедов СПбФ Института Востоковедения РАН, ф. 152, оп. 3, д. 276, л. 51.

44. Васильев Д.Д., Кульганек И.В. Глазами участника экспедиции. // Ориент. СПб., 1998. № 2-3. С. 224.

45. Репрессированное востоковедение. // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. С. 101.

46. Репрессированное востоковедение. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 123..

47. Алпатов В.М. Аншин Ф.Д. Востоковеды в деле "Российская национальная партия. // Восток 1994. № 5. С. 229.

48. Решетов А.М. О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым. // Ориент. СПб., 1998. № 2-3. С. 8

49. Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж.Жамцарано. // Ориент. СПб., 1998. № 2-3. С. 47.

50. Пархоменко А.А. Академик Н.П.Горбунов: взлет и трагедия. // Репрессированная наука. Л, 1991. С. 421.

А. В. Филимонов

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПСКОВЕ (1945-1949 гг.)

Э последние годы отечественными и зарубежными историками все больше обращается внимание на такую ранее закрытую тему, как проблема военнопленных: советских граждан в третьем рейхе, так и иностранных в Советском Союзе. Советские историки, лишь частично касаясь ее, по праву осуждали нацистские преступления по отношению к советским военнопленным, но совсем не упоминали о положении солдат противника, оказавшихся в лагерях военнопленных на территории СССР. Среди авторов, внесших значительный вклад в исследование проблемы, следует назвать В.Б.Конасова, В.П.Галицкого, Б.Л.Хавкина, И.В.Безбородову и др. Наиболее значительным обобщающим трудом стала монография В.Б.Конасова [1], а выпущенный в 1996 г. первый том сборника документов [2] положил начало целой серии документальных публикаций по теме.

В октябре 1997 г. в Вологде состоялась Международная научно-практическая конференция «Проблемы военного плена: история и современность» с участием российских и зарубежных исследователей, в сборник материалов которой нами был представлен небольшой материал о немецких военнопленных в Пскове [3], ставший по существу первой публикацией, приподнявшей завесу тайны о существовавшем в 1945-1949 гг. лагере военнопленных и использовании их труда на восстановительных работах в древнем городе. Она не претендовала на исчерпывающее

освещение вопроса, да и не могла быть таковой, т.к. основывалась лишь на немногочисленных документах, выявленных в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) и Государственном архиве новейшей истории Псковской области (ГАНИПО).

Сегодня же, после обращения к документам непосредственно самого лагеря, хранящимся в архиве УВД Псковской области, появилась возможность взглянуть на вопрос гораздо шире, хотя картина и после этого не будет все же достаточно полной, т.к. множество документов было уничтожено в период ликвидации лагеря в 1949 г.: следственные дела военнопленных, журнал учета бежавших и др. [4]. Сохранились лишь приказы по Управлению лагеря, протоколы оперативных совещаний в УМВД области, где рассматривались вопросы о состоянии лагеря и положении военнопленных, да редкие донесения, сводки и некоторые обобщенные данные в отчетах УМВД (большинство их относится к 1945-1946 гг.).

Лагерь военнопленных создавались прежде всего для трудоустройства последних, что стало все шире практиковаться в ходе Великой Отечественной войны и расширилось в первые послевоенные годы. Объяснялось это не только тем, что содержание незанятых трудом военнопленных тяжелым бременем ложилось на ресурсы разоренной страны, но главным образом необходимостью восстановления разрушенного народного хозяйства на освобожденных территориях. Почти все трудоспособное мужское население СССР было призвано в армию, значительная часть гражданского населения вывезена немцами в Германию. Страна остро нуждалась в рабочих руках.

Привлечение военнопленных к труду не противоречило нормам международного права, за исключением использования на работах, вредных для здоровья, и на военных объектах. В СССР к тому же был накоплен большой опыт использования принудительного труда на важнейших стройках и различных объектах народного хозяйства через ГУЛАГ.

Порядок трудоустройства пленных солдат и офицеров был определен «Положением о военнопленных», утвержденном в 1941 г. На работах в промышленности и строительстве, в сельском хозяйстве и других отраслях могли использоваться согласно Положению, военнопленные рядового и унтер-офицерского состава, офицеры и приравненные к ним лица могли привлекаться

к труду только с их согласия. Практически офицеры были заняты только на внутрилагерных работах по самообслуживанию. Контроль за трудовым использованием военнопленных должен был осуществляться медицинской службой.

Еще в июле 1942 г. специальным Положением была установлена разбивка военнопленных с учетом состояния здоровья на четыре условных группы трудоспособности с целью дифференцированного использования на работах различной тяжести. Наиболее работоспособной считалась 1-я группа. Военнопленные 3-й группы трудоспособности должны были использоваться только на легкой физической работе, а в некоторые зимние месяцы вообще освобождались от работы. 4-я группа должна была или вообще не привлекаться к работе или только к специальным видам работ, организуемым для инвалидов. Для 2-й и 3-й групп были введены поправочные коэффициенты от 30 до 50%, сниженные нормы выработки. Продолжительность рабочего дня для 1-2 групп устанавливалась в 8 часов, 3-й - 4-6 часов. По Положению пешее хождение на объекты работ не должно было превышать расстояние до 5 км. Военнопленных необходимо было одеть по сезону, снабжать горячей пищей и др. [5].

Хотя эти Положения нередко нарушались, все же положение иностранных военнопленных, прежде всего германских, в системе советских лагерей было в некотором смысле привилегированным, особенно по сравнению с гражданами СССР в ГУЛАГе.

В соответствии с Постановлением ГКО от 3 февраля 1945 г. и Циркуляром НКВД СССР от 11 февраля того же года «Об использовании интернированных немцев на восстановительных работах» Псковский облисполком и бюро обкома ВКП(б) уже 25 апреля 1945 г. приняли соответствующее постановление применительно к городу Пскову. Рекомендовалось подготовить места для размещения военнопленных, объекты работ, продумать вопросы бытового и медицинского обслуживания, организации питания и т.д. Соответствующие поручения были даны горисполкому, строительным трестам, отделам торговли и здравоохранения, в Москву было направлено обращение к правительству с просьбой выделить фонды продовольствия, 60 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 600 котелков и 10 трофейных походных кухонь [6].

Вскоре был оборудован специальный лагерь для военнопленных, обозначавшийся в документах как «лагерь № 343». Приказом

начальника УНКВД Псковской области от 16 июня 1945 г. исполняющим обязанности начальника лагеря назначается лейтенант Я.И.Марон, а уже в июле того же года начальником стал капитан А.Н.Мочалин. В июне 1946 г. его сменил подполковник А.Н.Проценко, уволенный в мае 1948 г. по состоянию здоровья, и последним начальником лагеря, в котором к тому времени осталось лишь одно отделение, стал капитан Ходин [7].

Приказом НКВД СССР от 5 октября 1946 г. лимитная емкость лагеря № 343 устанавливалась в 4 тыс. человек, фактическая же численность военнопленных в нем составляла на 1 июля 1945 г. 4112 человек. В течение 1945 г. 634 военнопленных, в основном нетрудоспособных, хронически больных были отправлены на родину. С учетом вновь прибывших к 1 января 1946 г. число военнопленных достигало 3513 человек, а к марту того же года оно уменьшилось до 3397 человек. Военнопленные размещались в трех местах, где условия проживания и характер использования их труда были различными. Наиболее массовое 1-е отделение с лимитной емкостью на 2630 человек находилось непосредственно в Пскове, на территории бывшего кожзавода «Пролетарий», переданного лагерю в разрушенном состоянии. Отделение, где в начале 1946 г. фактически имелось в наличии 2712 военнопленных, приписывалось тресту «Псковстрой», который и призван был организовать их трудовое использование. Военнопленных 2-го отделения, дислоцированного на окраине Пскова - в Крестах и рассчитанного на содержание 1 тыс. человек (на 1 января 1946 г. фактически 610 человек) должен был использовать отдел строительства УНКД. 3-е отделение на 500 человек находилось при Крыпецком торфопредприятии, недалеко от ст. Торошино; оно оказалось самым малочисленным: на 1 января 1946 г. здесь фактически размещалось только 75 человек.

Основную массу среди военнопленных составляли немцы: их числилось на 1 марта 1946 г. 3247 человек, помимо них было 108 австрийцев, единицы поляков и 40 представителей «различных национальностей СССР». В большинстве своем преобладали лица рядового (2491 человек) и младшего начальствующего состава (902 человека), в то время как офицеров числилось всего 4 человека; возраст большинства военнопленных не превышал 45 лет [8].

В вопросе обращения с военнопленными правительство СССР исходило прежде всего из политических соображений: условия содержания их создавались с таким расчетом, чтобы сделать

военнопленных если не приверженцами, то и не ярыми противниками Советской власти. По существующему положению у военнопленных не подлежали изъятию обмундирование, белье, табак, зажигалки, часы, портсигары, письма с фотографиями, предметы религиозного культа, ордена, очки, канцелярские принадлежности и др. В свободное время разрешалось чтение газет, игры в шашки, шахматы и другие неазартные игры, поддержание связи с родными: они имели право один раз в месяц посылать открытку, а в качестве поощрения разрешалось отправлять два письма в три месяца. Офицеры размещались отдельно от солдат и младшего начальствующего состава.

С 1945 г. в лагерях военнопленных вводились структурные воинские подразделения: отделение - 12-15 человек, взвод - 36-40 человек, рота - 3-4 взвода (150-160 человек), батальон - 3-4 роты (600-700 человек). Командиры всех рангов расконвоировались, вводились нарукавные повязки - КО, КВ, КР, КБ. В ноябре 1945 г., правда, в соответствии с указанием правительства СССР НКВД издал приказ о лишении права ношения знаков различия и знаков отличия военнопленных, в соответствии с которым в течение пяти дней у военнопленных были изъяты ордена, медали, погоны, петлицы и пр. и сданы на склады.

Утро в лагере начиналось с физзарядки, осмотра внешнего вида. Движение на объекты работ осуществлялось только строем, с соблюдением воинской дисциплины. Командиры рот и батальонов проживали в отдельных помещениях, командиры взводов и отделений - в обособленных помещениях. В каждом лагерном подразделении предусматривались штрафные взводы и роты с особым режимом, куда препровождались на срок до трех месяцев симулянты, воры, недисциплинированные, склонные к побегу. В штрафных подразделениях устанавливался 12-часовой рабочий день с обязательным выполнением норм выработки, при систематических отказах работать военнопленные привлекались к уголовной ответственности, и наоборот, при добросовестном отношении к труду - могли досрочно освобождаться [9].

Эти правила были общими для всех лагерей военнопленных, в том числе и лагеря № 343 в Пскове.

Труд военнопленных использовался главным образом на погрузочно-разгрузочных работах, разборе руин и завалов, а также строительными организациями, испытывавшими острую нехватку рабочих рук. На стройках Пскова работали вольнонаемные рабочие,

привлеченные путем мобилизаций и разнорядок из сельской местности, солдаты воинских частей, но немалая роль в обеспечении их рабочей силой отводилась и военнопленным. Логика была проста: сами разрушили город, пусть сами и восстанавливают! Определенную роль сыграла и репрессивно-карательная система тоталитарного государства, в которой находились лагеря военнопленных, и которая отработала методы использования труда заключенных-соотечественников. К тому же в среде военнопленных оказалось немало специалистов, зачастую дефицитных: инженеры паровых котлов, точильщики драгоценных камней, граверы, ювелиры, техники по стеклу, турбинам и др. Но труд таких специалистов чаще всего оставался невостребованным. К услугам их, разве что, прибегали иногда руководители области и УМВД: для пошива одежды, обуви, отделки квартир и т.д. (В период «чистки» руководящих кадров области в связи с так называемым «Ленинградским делом» в 1949-1951 гг. о фактах использования военнопленных в этих целях говорилось вполне определенно) [10].

Еще больше в среде военнопленных оказалось специалистов массовых профессий: так, в лагере № 343 токарей по металлу - 17 чел., машинистов-дизельщиков - 19, электромонтеров - 78, бетонщиков - 10, водопроводчиков - 11, слесарей - 180, шоферов и автомехаников - 176, маляров - 64, жестянщиков - 14, каменщиков - 139, кузнецов - 55, столяров - 76, штукатуров и кровельщиков - по 10 и т.д. [11]. Эти люди могли принести гораздо больше пользы обществу, если бы работали по специальности на своей родине и жили в нормальных условиях. Но мобилизованные в армию, насильно оторванные от своих семей и родных мест, оказавшиеся на положении военнопленных, все они представляли не что иное, как безликую «рабочую силу». К тому же, для тоталитарной системы жизнь «единицы контингента» не представляла ценности. Но установка режима на «сохранение физического состояния контингента» для его активного использования заставляла органы НКВД и руководство находящихся в его ведении лагерей принимать определенные меры для улучшения труда и жизни военнопленных. Далеко не все военнопленные были фашистами и не все разделяли идеи человеконенавистнической идеологии, но чекисты во всех лагерях, организованных на территории СССР, вели постоянную работу по выявлению среди них военных преступников, «активных фашистов» и участников злодеяний на временно-оккупированной территории. В псковском же лагере № 343 таковых почти не

обнаруживалось, т.к., как уже отмечалось выше, большинство военнопленных здесь были рядовыми солдатами.

Но еще свежи были воспоминания о массовых зверствах их соотечественников, в том числе и на оккупированной территории Псковщины, о бесчеловечном обращении с советскими военнопленными, поэтому и немецкие пленные не могли рассчитывать на «тепличные» условия. В сознании большинства советских людей они оставались хотя и побежденными, но врагами, пришедшими в качестве незваных гостей, от рук которых погибли их родные и близкие. В то же время взятие в плен вражеских военнослужащих одновременно означало, что пленившие берут на себя обязательство перед обезоруженными воинами и перед мировым сообществом по их содержанию. В международных конвенциях, существовавших к началу второй мировой войны, предусматривалось, что военнопленные должны содержаться в условиях, соответствующих быту военнослужащих пленившего их государства. В действительности ни одна из противоборствующих сторон этих положений не выполняла и по различным причинам к этому и не стремилась [12]. СССР в первые послевоенные годы было нелегко поддерживать нормальное продовольственное обеспечение военнопленных и их сносное размещение прежде всего из-за больших разрушений вследствие войны и разразившегося в стране неурожая и голода. 1945–1946 гг. оказались особенно трудными и для лагеря № 343.

С момента организации лагеря и до конца 1945 г. большинство бывших заводских помещений силами военнопленных 1-го отделения были капитально отремонтированы, часть построек была возведена вновь. Здесь же в двухэтажном доме находилось Управление лагеря. Военнопленные же размещались в трехэтажном каменном здании общей площадью 2359 кв. м, т.е. на человека приходилось в среднем по 1,06 кв. м жилой площади. В Крестах они размещались в двух деревянных бараках общей площадью 753 кв. м, т.е. на человека приходилось по 1,2 кв. м, а в Крыпцах - просто в землянках, хотя и вполне пригодных для проживания в зимних условиях.

В 1-ом отделении наблюдалась особенно высокая скученность, где военнопленные спали на трехъярусных нарах, а в помещении было сыро, холодно, они не были первоначально приспособлены для проживания в зимних условиях, освещались коптилками. Холодно было и в лазарете, больные занимались стиркой белья и бинтов прямо в приемной врача. В отделении

имелась баня с пропускной способностью 60 чел. в час и жарокамера для просушки одежды, но из-за отсутствия топлива они работали нерегулярно. Имели место грязь в помещениях и массовая вшивость среди военнопленных [13].

Подводя итоги существования лагеря в 1945 г. начальник УНКВД области полковник Н.А.Алмазов в целях улучшения его положения предлагал ряд мер: прикрепить лагерь к специальному госпиталю, направить в его распоряжение 8 врачей, выделить медикаменты и необходимое медицинское оборудование, обеспечить жирами и овощами, выделить 3 тыс. пар обуви, а также несколько грузовых автомашин, обеспечив их горючим, на 30 чел. увеличить гарнизон охраны [14].

Хозяйственные и строительные организации в конце 1945 - начале 1946 г. также оказались неготовыми к использованию большой массы военнопленных, главным образом из-за отсутствия достаточного количества строительных материалов. Поэтому по решению облисполкома и обкома ВКП (б) в первом квартале 1946 г. они выделялись для использования другими организациями: горпищеторгу - 200 чел., хлебозаводу - 40, НКВД - 60, электростанции - 15, Главлесу - 160. Остальные же военнопленные вообще не выводились на работы вследствие физической слабости, болезни и находились в оздоровительных командах (ОК). А физическое состояние их с октября 1945 г. постоянно ухудшалось [15]:

Таблица 1.

Распределение военнопленных по группам трудоспособности в 1945-1946 гг.

Группы военнопленных по физическому состоянию	октябрь 1945 г.	ноябрь 1945 г.	декабрь 1945 г.	январь 1946 г.	февраль 1946 г.	март 1946 г.
1 группа	712	723	386	296	313	391
2 группа	1969	1752	1614	966	969	1159
3 группа	695	399	610	1268	1251	1451
Инвалиды	-	-	-	40	42	43
Больные в стационар.	65	52	78	81	159	171
Группа не определ.	-	390	747	860	760	207

Снижение трудоспособности военнопленных объяснялось не только тем, что значительная их часть поступила в лагерь больными и ослабленными, но и нехваткой топлива для обогрева помещений,

скученностью в бараках, недостатком теплого зимнего обмундирования. С наступлением холодов количество случаев истощения и дистрофии, а также инфекционных заболеваний существенно выросло. В феврале 1946 г. в первом отделении числилось 82 чел., больных дистрофией, 20 чел. - с воспалением легких, несколько человек болели дизентерией и туберкулезом. Из-за недостатка одежды и обуви, из-за того, что имевшееся обмундирование было преимущественно старым, зачастую рваным, а портянки из-за отсутствия сушилок негде было просушить, появились случаи обморожения. Военнопленные в этих условиях спасались, как могли: разрезали одеяла на портянки и жилеты, чтобы обмотать обрезками одеял ноги, разрезали узкие голенища валенок и т.п. Но администрацией лагеря подобные действия рассматривались как умышленная порча вещевого имущества. Рекомендовалось ежедневно во время утренних разводов проводить его осмотр, а нарушителей привлекать к ответственности [16].

Главной же причиной дистрофии и снижения трудоспособности являлось неудовлетворительное питание военнопленных. Лагерь с октября 1945 г. совершенно не имел жиров, в январе-феврале 1946 г. отсутствовал сахар, вдобавок с начала 1946 г. начались перебои в снабжении хлебом и другими продуктами (например, только за январь военнопленные недополучили 8,5 т хлеба), что сильно сказалось на калорийности питания. В декабре 1945 г. в среднем на человека приходилось в день 1540 калорий, в январе 1946 г. - 1550, в феврале этот показатель несколько повысился, составив 2032 калории (для истощенных и больных дистрофией - 2247 калорий), но все же для людей, занятых тяжелым физическим трудом, он оставался недостаточным.

С января 1946 г. в лагере № 343 резко увеличилась смертность: если за несколько месяцев 1945 г. умерло 54 человека (в том числе 20 человек от дистрофии), то за январь 1946 г. - 78 (из них 62 от дистрофии), в феврале - 65 (44 от дистрофии). К марту 1946 г. в лагере имелось уже 340 человек, больных дистрофией, 171 человек находился на лечении в стационаре (в том числе 71 от дистрофии), а в созданных двух оздоровительных командах числилось 1331 человек. В первом отделении стационар был оборудован на 41 койку, во втором - на 25, в третьем его вообще не было. Основным продуктом питания для ослабленных и дистрофиков являлась белая мука, в то же время отсутствовали более калорийные продукты - мясо, животные жиры, сахар, дрожжи. К марту 1946 г. лагерь был

обеспечен мукой на 23 дня, крупами - на 76, мясом - на 3, маслом растительным - на 8, картофелем - на 10 дней [17]. Основной причиной недостатка питания была тяжелая ситуация с продовольствием в разоренной стране, в еще больше пострадавшей Псковской области, но сказывалось и отсутствие машин для завоза продуктов, бездорожье, халатность и безответственность работников, а иногда и расхищение.

Все это не могло не сказаться на работоспособности военнопленных, их участие в восстановлении разрушенного хозяйства города заметно снизилось. Если в декабре 1945 г. на работах было занято 63% всего количества военнопленных, в январе 1946 г. - 53%, то 5 февраля на работу вышли только 1017 человек (36,8% всего количества), а 6 февраля - всего 758 человек (27%). 5 февраля больных и освобожденных от работы было больше, чем трудоспособных (40,3%) [18]. Причина была не только в обстоятельствах, указанных выше, но и в нарушениях планов использования труда военнопленных строительными организациями. К тому же из имевшихся в распоряжении лагеря 8 автомашин иностранных марок исправными были только две, что затрудняло доставку пленных на работу.

На столь ненормальное положение лагеря обратил внимание Псковский обком ВКП(б). В январе 1946 г. за подписью первого секретаря обкома Л.М.Антюфеева на имя наркома внутренних дел Л.П.Берии была направлена телеграмма:

«В Псковском лагере НКВД № 343 для военнопленных создается угрожающее положение с продовольствием. В течение двух месяцев нет жиров. Были большие перебои в снабжении рыбой. В последнее время получают перебои в снабжении хлебной мукой. С первого января нет муки. Лагерь задолжал местным организациям 17 тонн. Местные ресурсы исчерпались, и лагерь недодает хлеб военнопленным. Несмотря на неоднократные обращения лагеря в ОУВС НКВД Ленинградского округа, последний не обеспечивает лагерь всем необходимым.

В результате этого в лагере резко увеличилось количество ослабленных и смертей. Прошу дать указание принять решительные меры для улучшения снабжения продовольствием лагеря» [19].

Ответ Берии на это обращение неизвестен, но местные органы решили самостоятельно принять меры по улучшению положения в лагере и более четкому использованию труда военнопленных. 1

марта 1946 г. вопрос о положении в лагере был вынесен на обсуждение бюро Псковского обкома ВКП(б), которое обязало горисполком и строительные организации наладить более четкое использование пленных, закрепив их за организациями, заключив соответствующие договора. Областную контору «Заготзерно» обязали обеспечивать лагерь бесперебойно хлебом согласно наряда, устранить переуплотненность лагеря, доведя норму площади на человека до 1,2 кв. м, оборудовать умывальные комнаты, срочно провести санобработку всех пленных, расширить лазарет (до 350 коек) [20]. 3 июля 1946 г. специальное решение «Об использовании военнопленных на восстановлении разрушенного хозяйства г. Пскова» принял Псковский облисполком, закрепивший военнопленных за организациями в соответствии с утвержденной разрядкой. В качестве главных потребителей их рабочей силы по-прежнему выступали строительные организации: для треста «Псковстрой» предназначалось 1200 человек, «Горжилкоммунстрой» - 370, 100 человек выделялось хозяйственному отделу УВД, 40 человек - МГБ и небольшое количество (по 10-15 человек) - на строительство хлебозавода, нефтебазы и в распоряжение отдела по делам архитектуры [21]. Помимо этого труд их использовался и для выполнения погрузочно-разгрузочных работ: например, 60 человек были направлены на срок с 4 июля до 1 сентября на 8-ой разъезд для погрузки в вагоны дров и деловой древесины [22].

Самое же главное улучшение заключалось в том, что произошли изменения к лучшему внутри самого лагеря, в том числе и в положении военнопленных. Прежде всего, к лучшему изменилось дело продовольственного снабжения. На одном из оперативных совещаний в УМВД области отмечалось, что «с начала организации лагеря военнопленных имелись перебои в питании. Продукты в большинстве своем поступали несвоевременно, производились большие замены, что снижало качество пищи. Такое положение существовало до марта 1946 г., после чего вопрос был разрешен и недостатки устранены» [23].

За год существования лагеря в нем не только были восстановлены казармы, но и построено овощехранилище, оборудованы пекарня и пищеблок [24]. В 1-ом отделении кухня с общей емкостью котлов на 2650 л полностью обеспечивала потребности, хотя отсутствовали мясорубки и картофелечистки, не хватало кастрюль. Складские же помещения вмещали 10-дневный запас продуктов в расчете на 3 тыс. человек. Почти таким было

положение с пищеблоком во втором отделении, а в третьем отделении помимо кухни, размещенной в палатке, имелась походная кухня на 100 человек [25]. В целях ликвидации недостатков в работе кухни 1-го отделения и улучшения питания с января 1946 г. было введено дежурство сотрудников управления лагеря, которые проверяли наличие продуктов, присутствовали при закладке их в котлы и раздаче пищи, следили за чистотой на кухне, обеспечением кипяченой водой общежитий [26]. Во многом способствовало улучшению продовольственного положения лагеря организованное при нем подсобное хозяйство. В 1946 г. план сева был утвержден для него на площади 233 га, в результате осенью вместе с продуктами, доставленными из колхозов, было заложено на хранение 833 т картофеля и овощей [27].

Военнопленные остро нуждались в медицинской помощи. С момента существования лагеря в нем был создан санитарный отдел, оборудован медпункт, а затем стали создаваться и расширяться стационары. В 1 отделении стационар был первоначально на 41 койку, а в феврале 1946 г. расширен до 150 койко-мест, во 2-м отделении стационар был оборудован на 25 коек, имелись также медпункт и изолятор на 5 койко-мест, в 3-м отделении лечебные учреждения отсутствовали [28]. В связи с появлением в феврале 1946 г. случаев заболевания сыпным тифом в 1-ом отделении на две недели был введен карантин, разработан план мероприятий по предотвращению распространения инфекции: сделаны прививки пленным и всем сотрудникам. Вторично они были сделаны в октябре 1946 г. В начале осени в лагере вспыхнули прогрессирующие заболевания воспалением легких, были даже случаи смертельных исходов. По приказу начальника лагеря были тщательно проверены общежития военнопленных, состояние их одежды и обуви, на всех объектах работы введено обеспечение кипяченой водой и др. [29].

Все эти меры призваны были улучшить физическое состояние военнопленных и повысить степень участия их в восстановительных работах. Но как показало обсуждение 18 сентября 1946 г. на бюро обкома ВКП(б) вопроса «Об использовании военнопленных на восстановительных работах в городе Пскове», предыдущие решения выполнялись неудовлетворительно: утвержденная разрядка не выдерживалась, управление лагеря нередко самовольно снимало заключенных с объектов и перебрасывало их по своему усмотрению, условия договоров нарушались, появились даже случаи краж военнопленными на стройках дефицитных материалов и др. [30].

Осенью 1946 г. была поставлена задача добиться вывода на объекты не менее 77% всего контингента военнопленных, а среднюю выработку каждого довести до 10 руб. 50 коп. [31].

Охрана 1-го и 2-го отделений производилась силами конвойных войск, но вывод военнопленных на объекты работ обеспечивался ими всего на 20-25% от необходимых норм охраны; в 3-м отделении охрана вообще обеспечивалась вахтерским составом. Поэтому, пользуясь слабостью охраны, а также в силу трудного продовольственного положения в лагере в первые месяцы его существования военнопленные совершали побеги. Так, с начала организации лагеря до марта 1946 г. бежали 46 человек, 39 из которых вскоре были задержаны. Задерживались они при различных обстоятельствах, в том числе и своими соотечественниками. Например, 4 января 1946 г. из 3-го отделения бежали Адам Зигфрид Густав и Иосиф Иоганн Бек, помещенные после задержания на три месяца в штрафную роту. Такому же наказанию подвергся бежавший с объекта работы (электростанции) Пауль Франц Шульц, 5 августа 1946 г. попытались бежать военнопленные Г.Г.Кох, З.Г.Адам, Г.А.Кросбель и В.Л.Уайтлер, но патрулями лагеря - их соотечественниками - все четверо были задержаны. Поскольку двое из них - Г.Г.Кох и З.Г.Адам - уже дважды побывали за побеги в штрафной роте, они были отправлены сроком на четыре месяца в Псковскую тюрьму, остальные двое оказались в штрафной роте при лагере. 30 октября 1946 г. с объекта работы бежали Р.М.Цуль и Ф.Миленкат, но они были задержаны стоявшим на железнодорожном мосту военнопленным Вальмером. У Цуля это был уже третий побег, поэтому он также был отправлен на четыре месяца в тюрьму. Случалось, что бежавшие задерживались гражданскими лицами. 12 июля 1947 г., например, гражданка К.С.Савина, проходя мимо деревни Писковичи, заметила в землянке неизвестного человека, показавшегося ей подозрительным, и решила его задержать. Несмотря «на оказанное физическое сопротивление и нанесение ударов со стороны неизвестного», он был все же задержан и доставлен в РО МВД. Им оказался военнопленный Хольц, бежавший из лагеря № 343. Приказом начальника УМВД Савиной была объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение в 300 руб. [32].

Военнопленные подвергались зачислению в штрафную роту и за другие проступки, прежде всего за кражи. Так, в январе 1946 г. за кражу камеры автомашины был направлен сроком на два

месяца в штрафную роту Ганс Иозеф Кайзер. Военнопленные Штигих, Перль, Пуль, Бох и др., работавшие на восстановлении кинотеатра «Пограничник», систематически не выполняли нормы выработки, за что были на 10 суток помещены в карцер, а после этого переведены на работу внутри лагеря. 26 сентября 1946 г. начальником лагеря был издан специальный приказ «О мерах повышения дисциплины среди военнопленных лагеря», в котором отмечалось, что «участились случаи недисциплинированности среди военнопленных в виде неприветствия русских офицеров, неисполнения приказов, выражения нецензурными словами на русском языке в присутствии женщин... При разговоре с русскими офицерами военнопленные не становятся в положение «смирно» и т.п.». Лагерфюреру, командирам батальонов и рот, назначенным из среды военнопленных, предписывалось усилить борьбу за дисциплину, к нарушителям «применять решительные меры вплоть до зачисления в штрафную роту» [33].

Руководство лагеря строго спрашивало за имевшие место неполадки с руководителями подразделений, а также с находившихся на командных должностях военнопленных. Так, в январе 1946 г. в связи с рядом происшествий в 3-м отделении (неоднократные побеги военнопленных и др.) капитан В.В.Васильев был от должности его начальника отстранен, а исполнение обязанностей возложено на капитана С.Д.Мурзина [34]. 26 сентября 1946 г. приказом начальника лагеря были произведены изменения в расстановке военнопленных на командных должностях: Эмиль Пехач с должности лагерфюрера был снят и направлен работать на объект на общих основаниях. Вместо него был назначен Георг Айзерман, бывший до этого адъютантом лагерфюрера. Последняя должность отныне вообще устранилась. Был снят с должности и направлен на работы командир 2-го батальона Рихард Мейер, заменены некоторые бригадиры и т.п. [35].

Руководство УМВД области и лагеря особенно беспокоило то, что военнопленные, работая на объектах города, имели возможность свободно общаться с гражданскими лицами, приобретать у последних продукты, табак, передавать личные письма, обменивать украденные со строек материалы и инструменты и др. Конвоиры же нередко смотрели на все это снисходительно, что приводило к нежелательным последствиям. Так, военнопленный Манфред Бок 30 ноября 1946 г., во время работы на строительстве дома по ул. Октябрьской, д. 22, украл у одной из псковичек мешок

картофеля и рыболовную сеть, за что был на два месяца определен в штрафную роту. 9 декабря того же года четверо военнопленных также совершили кражу 150 кг картофеля, за что подверглись заключению на пять суток в карцер, а после этого были направлены на три месяца в штрафную роту [36].

1945-1946 гг. были временем становления лагеря № 343, связанные с немалыми трудностями как материального, так и организационного порядка. Уже в 1947 г. началась массовая репатриация военнопленных с территории СССР в Германию, что сказалось и на положении в псковском лагере № 343, из которого, к тому же, множество военнопленных в 1947 г. были перемещены в другие лагеря, и в Пскове осталось лишь одно 1-е отделение. С конца 1947 г. в соответствии с указаниями МВД СССР на положение дел в лагере все чаще обращало внимание УМВД области: вопросы, касавшиеся его, неоднократно обсуждались на оперативных совещаниях, проводимых начальником Управления полковником Н.А.Алмазовым.

Одно из первых таких совещаний состоялось 22 октября 1947 г. «Я собрал вас для того, - сказал, обращаясь к присутствующим, Н.А.Алмазов, - чтобы ознакомить с письмом министра, которое обращает наше внимание на физическое состояние военнопленных, находящихся в лагере.

В связи с тем, что в 1948 г. военнопленные будут отправлены на родину, от нас требуется, чтобы их физическое состояние было вполне нормальным, чтобы прибытие их на родину не было подхвачено реакционной печатью и использовано в целях антисоветской агитации на, якобы, худое обращение с военнопленными.

Вы должны помнить, что этот вопрос исключительно большой политической важности.

По физическому состоянию военнопленные в данное время распределяются: в I группе - 208, во II - 73, в III - 308, в IV - 3, в ОК - 146, больных - 58..., т.е. у нас большое количество больных и ослабленных. Правда, это объясняется тем, что мы военнопленных I и II групп в количестве 1200 чел. отправили в другие лагеря.

Сейчас задача состоит в том, чтобы поднять физическое состояние контингента военнопленных. Для этого нужно создать условия, перевести ОК и больных на улучшенное питание, выделить для ОК отдельные помещения, не допускать работы военнопленных на открытых местах, не обеспечив их теплой одеждой, создать в помещениях образцовый порядок и чистоту...» [37].

На совещании было обращено внимание на имевшиеся грубые нарушения установленных правил: военнопленные III гр. вместо положенных четырех часов зачастую работали в течение восьми, в лагере имелось 16 военнопленных с открытой формой туберкулеза, нуждавшиеся в специальном лечении, которое не могли получить на месте. Решено было направить их в специальный госпиталь. Говорилось также о необходимости замены плохого обмундирования, о доставке горячей пищи на места работ и др. [38].

По итогам обсуждения был составлен специальный план устранения выявленных недостатков, и уже через 10 дней на новом оперативном совещании подводились первые результаты его реализации. Выступивший с докладом начальник лагеря подполковник А.Н.Проценко доложил, что за короткое время в лагере была произведена побелка и дезинфекция помещений, приняты меры по борьбе с клопами, оборудованы три сушилки, все военнопленные одеты в теплую одежду, им выдана новая обувь, заменены постельные принадлежности, работающим на воздухе выдано по два комплекта обмундирования, продолжительность работы военнопленных III гр. (322 чел.) ограничена строго четырьмя часами, при выводе на работы присутствуют дежурный офицер и медработник, полностью закончено комиссование военнопленных, все ослабленные (170 чел.) с работ сняты и размещены в трех отдельных помещениях, им улучшено питание, в столовой меню составлялось на пять дней вперед, организовано переливание крови тяжелобольным, им же установлены индивидуальные нормы питания. Нерешенным пока оставался вопрос о направлении на спецдечение, не все благополучно обстояло с условиями жизни пленных на подсобном хозяйстве и Середкинском лесозаготовительном пункте, где отсутствовали бани, подолгу не менялось белье, обветшало обмундирование [39].

После настоящего обсуждения по указанию УМВД был составлен дополнительный план дальнейшей работы по устранению недостатков, а уже 13 ноября на оперативном совещании докладывалось, что лагерь на три месяца обеспечен дровами, в подсобном хозяйстве военнопленным выданы новая одежда, обувь, белье, они обеспечены продуктами, в бараке исправлена печь, оборудованы баня и дезинфекционная камера [40].

В результате принятых мер резко сократилась заболеваемость военнопленных, уменьшилось количество жалоб на слабость, среднее

число выходявших на работу увеличилось с 251 в октябре 1947 г. до 365 в декабре [41]. С 25 октября для военнопленных стал работать Дом отдыха на 25 чел., срок пребывания в котором был установлен в 10 дней. Направлялись в него не только по состоянию здоровья и нуждавшиеся в отдыхе, но по поощрению за хорошую работу. Иногда побывавшие в доме отдыха прибавляли в весе в среднем на 1 кг. Изменился в результате и состав пленных по группам трудоспособности [42]:

Таблица 2.

**Распределение военнопленных по группам трудоспособных
в конце 1947 г.**

	I гр.	II гр.	III гр.	ОК	Стационар
На 1.11.1947	216	64	332	170	49
На 1.12.1947	236	153	278	124	35

4 декабря 1947 г. оперативное совещание обсудило вопрос об улучшении физического состояния военнопленных. Отмечалось, например, что в результате проведенного очередного комиссования 21 пленный помещен в особые условия, 6 человек со стойкой дистрофией - в стационар, 10 больных туберкулезом отправлены в спецгоспиталь в Эстонию, всем сделаны противотифозные прививки, и особо подчеркивалось, что «развернута пропаганда по санитарным вопросам. На днях будет прочитана лекция о вреде чрезмерного потребления соли и табака, и эта лекция будет проведена на фоне сохранения здоровья военнопленных и возвращения их на родину» [43].

На обсуждение оперативного совещания 15 декабря 1947 г. был вынесен вопрос о продовольственном снабжении лагеря и питании военнопленных. «Продукты теперь получаются вовремя, - отмечалось в докладе. - Раскладка производится согласно нормам, при этом присутствуют дежурные от военнопленных. Усилен контроль за пищеблоком. Готовая пища на объекты доставляется своевременно, употребление сырой воды прекращено... Сейчас лагерь обеспечен мукой на 2 месяца, крупами - на 5, овощами - на 430 дней, жирами - на 4 месяца, сахаром - на 6-7 месяцев, табаком - на 3 месяца. В течение 1947 г. не было растрат и хищений. Меню составляется на 2-3 дня, а скоро будет составляться на 15 дней. «Заготзерно» для работающих там

военнопленных само согласилось готовить для них пищу...». Хотя особо подчеркивалось, что «местные снабжающие организации мясо и молоко отпускают неудовлетворительного качества (мясо на 75% - субпродукты)», все же «в течение 1947 г. положение с питанием было лучше, чем в других лагерях», в результате в лагере числилось только 23 больных, а «за последнюю декаду умерло всего 2 человека, но это были безнадежные больные» [44].

Помимо получения основных продуктов руководством лагеря был организован сбор дикорастущих витаминоносителей, использовавшихся в качестве добавки к питанию. В 1947 г. , например, было собрано 40 т различных дикорастущих растений [45]. В пищу шли свекольная ботва, крапива, лебеда, капустный лист. Сбор и заготовка зелени были особенно важны, т.к. помогали ликвидировать авитаминозы, накапливающиеся за зиму в условиях недостаточного питания.

В целом же можно сказать, что в результате повышения внимания к физическому состоянию военнопленных, главным образом в политических целях, нормы питания их к концу 1947 г. значительно улучшились по сравнению с 1945-1946 гг. Теперь военнопленные питались зачастую лучше обычных советских людей, влачивших в условиях карточной системы полуголодное существование. Военнопленные в отличие от них получали гарантированное трехразовое питание, в рационе были продукты, которые советские люди потребляли в ограниченных количествах - мясо, жиры, сахар и др.

Военнопленные работали в Пскове на различных объектах: силами их сооружались жилые дома (например, по ул. Октябрьской, 38, по ул. Ленина, 3/5 и др.), велось восстановление электростанции, пивзавода, здания пединститута на ул. Советской, кинотеатра «Победа», строительство нового здания УМГБ на Пролетарском бульваре. В 1947 г. в качестве «дополнительной рабочей силы» они использовались на восстановлении собора Ивановского монастыря - памятника архитектуры XIII в. В 1947 г. на стройках города использовался труд около 2 тыс. военнопленных [46]. Почти везде для них были оборудованы комнаты для обогрева, все работавшие на улице были обеспечены в холодное время валенками. Находившиеся в оздоровительной команде (ОК) занимались плетением корзин, а вырученные от продажи последних средства использовались для улучшения питания пленных. Улучшение качества питания, жилищных условий, медицинского обслуживания

повлекли повышение производительности труда. В лагере с начала его организации велась активная пропагандистская и антифашистская работа, имевшая целью не только сделать вчерашних военных противников убежденными пацифистами, но и привить им навыки нового «социалистического образа жизни», методы и формы трудовой активности, характерные для советских людей. Среди последних особое внимание обращалось на развитие социалистического соревнования, подкрепленного материальными и моральными стимулами. Так, отличившихся в труде могли в первую очередь репатриировать на родину, им разрешалось направить родным дополнительную весточку, ударникам повышались нормы питания, они иногда премировались деньгами, которые с января 1948 г. разрешалось переводить семьям в Германию (правда, при репатриации советские деньги подлежали сдаче). В ответ на это бригады военнопленных стали принимать на себя конкретные обязательства по перевыполнению норм выработки. Так, бригада Мерлау взяла обязательство повысить производительность труда на 20%, но в свою очередь предъявила условия и хозяйственникам: обеспечить их хорошим инструментом, бесперебойно снабжать материалами, провести на объекты работ освещение и др. В целом же в конце 1947 г. нормы, как правило, выполнялись пленными на 100%. [47].

Руководством УМВД и лагеря по-прежнему ставился вопрос, считавшийся наиболее актуальным: предотвратить возможные контакты военнопленных с гражданским населением. Это, однако, не всегда удавалось, т.к. на стройках они работали зачастую вместе. Чаще всего отношение псковичей к военнопленным стало к этому времени более доброжелательным и милосердным, хотя нежелательные исключения бывали. Так, на строительстве жилого дома по ул. Октябрьской, 38 вместе с военнопленными были заняты рабочие и учащиеся ФЗУ, и последние «из-за своей политической неграмотности», - отмечалось в одном из приказов, - «допускают грубость в отношении военнопленных, портят им работу: испортили работу штукатуров, ломают печь...» [48].

Имели место случаи ухода пленных с объектов, кражи материалов для обмена на продукты или продажи с целью выручки денег. Так, 19 марта 1949 г. военнопленный Карл Гейнц Брукфор в рабочее время ушел с объекта (ТЭЦ) попрошайничать, военнопленный Вольф Бекман на этом же объекте похитил клещи и напильник и продал их, пленный Эвальд Эдвард Дрейер со

стройки дома по ул. Октябрьской, 38 украл и продал строительные материалы, пленный Лунд самовольно ушел с места работы (Комиссаровский пер., 3) с целью обмена на продукты краденых дров и т.п. Но теперь, в отличие от 1945-1946 гг., когда подобные проступки наказывались, как правило, направлением в штрафную роту, наказания стали более мягкими. Так, всем указанным выше нарушителям было объявлено лишь по строгому выговору [49].

Но случалось, что наказания были и более строгими: все зависело от характера проступка и усмотрения лагерного начальства. Так, Отто Иоган Зорг за кражу строительных материалов и продажу их был подвергнут заключению на трое суток в карцер. Еще более строго - 10 суток карцера - был наказан Рихард Вальтер Шмербаух, который, как выяснилось, в течение длительного времени занимался кражей хлеба и других продуктов у военнопленных. Военнопленный Ганс Хенке, продавший гражданскому лицу свое обмундирование, был помещен на двое суток в карцер, а стоимость вещей была высчитана из его заработка [50].

В 1948 г., наоборот, все чаще за хорошую работу военнопленные поощрялись, - как руководством лагеря, так и ведомствами, в чьем ведении находились объекты работ. Так, на основе ходатайства начальника СУ-2 треста «Псковстрой» в январе 1948 г. за добросовестное, быстрое и качественное выполнение работ на строительстве городской больницы и школы № 7 начальник лагеря объявил благодарность сразу 15 военнопленным - каменщикам, штукатурам, разнорабочим и др. - и разрешил им послать вторую открытку на родину [51]. Через день такого же поощрения удостоились уже 27 чел., а 86 чел. наряду с благодарностями получили денежные премии от 20 до 50 руб. каждый [52].

Повышение производительности труда привело к тому, что в ноябре 1948 г. лагерное отделение № 1 отказалось от государственной дотации, оно стало рентабельным и имело собственные накопления [53]. Задача перевода всех лагерей военнопленных на самоокупаемость была поставлена уже в 1945 г., но в целом по стране ее так и не удалось выполнить в полном объеме: доходы от использования труда военнопленных не покрывали расходов на их содержание. Лишь немногие лагеря сумели добиться самоокупаемости, в том числе и лагерь № 343, в котором оставалось лишь одно отделение, но оно существовало в Пскове последние месяцы.

С октября 1948 г. руководство лагеря и сами военнопленные усиленно готовились к репатриации на родину: они стали постепенно сниматься с объектов, еще в марте 1948 г. подсобное хозяйство лагеря было передано исправительно-трудовой колонии, в ноябре создана комиссия по оценке материальных ценностей отделения, которое предстояло ликвидировать [54]. 8 января 1949 г. министр внутренних дел СССР издал приказ о расформировании отделения № 1 лагеря № 343 в Пскове. Предстояло в срок до 31 января передать все имущество в ведение ОИТК, документы рекомендовалось сдать в архив, а частью уничтожить [55]. 21 января в связи с ликвидацией отделения была снята воинская наружная охрана, а 12 марта 1949 г. начальник отделения издал свой последний приказ [56]. Лагерь № 343 прекратил свое существование.

В том же году на месте бывшего лагерного отделения № 1 стало создаваться новое предприятие Пскова - завод радиодеталей, а напоминанием о пребывании в городе военнопленных еще более десяти лет служило кладбище. Оно появилось вскоре после организации лагеря - 3 августа 1945 г. - в непосредственной близости от последнего: на левом берегу Великой, на возвышенном месте в границах Степановского лужка. Закрыто оно было в связи с ликвидацией лагеря в январе 1949 г. Менее года - с августа 1945 г. по июнь 1946 г. - действовало также кладбище отделения № 2 в Крестах (на территории подсобного хозяйства сельскохозяйственного техникума). На Степановском лужке было захоронено 306 умерших военнопленных, в Крестах - 159, а всего в Пскове - 465. В деле захоронения существовал твердый порядок: площадь кладбища разбивалась на отдельные участки, в каждом квадрате размещалось 20 могил, т.е. в четыре ряда по 5 могил в каждом. В обязательном порядке устанавливались опознавательные знаки (столбики) с номерами могил и квадратов. Все эти сведения заносились в специальные книги. В соответствии с указаниями МВД СССР за состоянием кладбищ следило областное Управление МВД; местность была сфотографирована, кладбища огорожены, сооружены могильные холмики, установлены опознавательные знаки, организована охрана и т.д. В Крестах кладбище было ликвидировано в 1959 г., на Степановском лужке - в начале 60-х годов [57].

Война, независимо от ее характера, всегда была величайшим

бедствием для народа - как со стороны агрессивной, нападающей, так и борющейся за свою свободу и независимость. Не являлась исключением и Великая Отечественная война, за победу в которой советский народ заплатил непомерно высокую цену. Ничего, кроме страданий, не принесла война и народу Германии. Сотни безымянных могил германских солдат разбросаны по бескрайним просторам России - вдали от родных мест погибших. В их числе - захоронения, исчезнувшие с карты Пскова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. - Вологда, 1996.
2. Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР. Т.1. Нормативные документы. - М., 1996.
3. Филимонов А.В. Немецкие военнопленные в Пскове // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23-25 октября 1997 г. - Вологда, 1997. Ч.2 - С. 197-201.
4. Архив УВД Псковской области (АУВД ПО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 21. Лл. 3, 5, 16-18. Ф. 10. Оп. 1. Д. 40. Л. 37.
5. Проблемы военного плена... Ч. 2. - С. 52-53 и др.
6. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1219. Оп. 1. Д. 37. Лл. 79-80.
7. АУВД ПО. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 9. Лл. 1,7. Д. 10. Л. 81; Д. 11. Л. 79. Д. 15. Л. 191. Д. 16. Л. 4. Д. 17. Л. 1.
8. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Лл. 136-137.
9. Проблемы военного плена... Ч.2. С. 124-127 и др.
10. ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1048. Л. 77.
11. Там же. Д. 177. Лл. 1-2.
12. Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 57,73 и др.
13. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Лл. 136-137; ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 177. Лл. 1-2.
14. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Л. 143.
15. Там же. Л. 138.
16. Там же. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 10. Лл. 159, 218.
17. Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Лл. 138-140. ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 177. Лл. 1-2.
18. ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 177. Лл. 1-2.
19. Там же. Л. 4.
20. Там же. Л. 2-3.
21. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 903. Оп. 1. Д. 217. Л. 383.

22. Там же. С. 330.
23. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 59. Л. 92.
24. Там же. Ф. 10. Оп. 1 в. Д. 10. Л. 178.
25. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 140.
26. Там же. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 10. Л. 8.
27. Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Л. 141. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.
28. Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Л. 138.
29. Там же. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 10. Лл. 20, 26, 33, 35, 155.
30. ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 174. Л. 120.
31. АУВД ПО. Ф. 27. Оп. 1. В. Д. 10. Л. 157.
32. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Л. 141. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 10. Лл. 3, 13, 116, 186. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 15.
33. АУВД ПО. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 10. Лл. 3, 135, 144.
34. Там же. Л. 6.
35. Там же. Л. 141.
36. Там же. Лл. 164, 203, 220.
37. Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 59. Лл. 53-54.
38. Там же. Лл. 54-56.
39. Там же. Лл. 58-60.
40. Там же. Л. 61.
41. Там же. Л. 62.
42. Там же. Лл. 82-83.
43. Там же. Л. 81.
44. Там же. Лл. 93-94.
45. Там же. Л. 94.
46. ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 352. Л. 354. Д. 420. Л. 9.
47. АУВД ПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 59. Лл. 106-107, 108.
48. Там же. Л. 108.
49. Там же. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 15. Л. 1.
50. Там же. Лл. 5-6, 46
51. Там же. Л. 24.
52. Там же. Лл. 25, 27.
53. Там же. Л. 76.
54. Там же. Лл. 67, 75. Ф. 10. Оп. 1. Д. 138. Л. 25.
55. Там же. Ф. 27. Оп. 1 в. Д. 16. Л. 4. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.
56. АУВД ПО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Оп. 1 в. Д. 16. Л. 9.
57. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 20. Лл. 5, 6, 15-16. Д. 25. Лл. 57, 58, 66.

С. Н. Щеголихина

ЕВРОПЕЙЦЫ ОБ ОФИЦЕРАХ США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На одной из американских карикатур периода Первой мировой войны изображен главнокомандующий американских экспедиционных сил (АЭС) в Европе Дж.Першинг, высадившийся на французский берег. В одной руке он держит белоголового орлана, в другой - американский флаг. Под ней следующая подпись: «Мы сыграем свою роль». Высокое мнение американцев о любой стороне своей жизни, которая представляется вовне, общеизвестно и является одной из составляющих американского патриотизма. Поэтому не менее важно посмотреть на мнение противоположной стороны, тех, кому представлены «преимущества» американского образца. В Первую мировую войну американцы явили миру свою сухопутную армию, своих профессиональных военных. Какое же впечатление осталось у европейцев, могущих считаться экспертами в данном вопросе?

Знакомство с массами американского офицерства началось задолго до официального вступления США в войну. На положении офицеров быстро отразилось втягивание страны в противоборство в Европе. Началось с того, что в апреле 1915 г. американские военные наблюдатели во главе с майором Дж.Т.Лангхорном были отозваны из Германии и никем не заменены. Как писал посол России в США Ю.П.Бахметев, «...развивающееся в Германии чувство неприязни к США сделало их положение неудобным» [1]. Поэтому практически с самого начала англичане, французы, русские рассматривали американских военных как своих союзников, а немцы - как потенциальных противников. В общем мнении можно выделить три основные проблемы: система подготовки и ее результат, общая природа американской армии и взаимоотношений в ней, отдельные представители американского офицерства.

Система подготовки американского сухопутного офицерского корпуса во время войны была реформирована - введено обучение в офицерских тренировочных лагерях, организованы офицерские школы как в США, так и в Европе.

Основной профессиональной базой по-прежнему оставалось военное училище в Вест-Пойнте, которое было гордостью

американских военных. Несколько иное мнение оставалось у посещавших его иностранцев. Так, У. Черчилль, сам выпускник военного училища в Санджерсте, будучи в Вест-Пойнте проездом на Кубу в конце XIX в., писал своему брату, что поражен строгостью дисциплины, сходной с тюремной, а также ограниченностью курсантов академии. «Молодые люди, которым отказано в личной свободе до такой степени, не могут стать хорошими гражданами и солдатами» [2], - таково было его заключение. Американский военный министр периода Первой мировой войны лорд Г. Китченер в 1910 г., по пути из Австралии в Англию посетивший Вест-Пойнт, охарактеризовал его одним словом: «совершенный». Лорд послал британского полковника Бриджеса изучить методы и учебники академии, чтобы создать нечто подобное в Австралии [3].

Русский генерал В.Х.Рооп, посетивший академию летом 1917 г., испытывал странное чувство. С одной стороны - прекрасно вымуштрованные, «выказавшие выpravку» курсанты, отличные стрелки. Условия жизни - великолепные, о чем говорит хотя бы рацион питания, - салаты, мороженое, лимонад, чай со льдом. Богатейшая библиотека - более 95 тысяч книг, карт, манускриптов. Комфортные здания, есть даже здание «с театральным залом». Все выглядело прекрасно, но, с другой стороны, имело «характер какой-то образцовой военной санатории» [4].

Французский маршал Жоффр был очень восхищен военной выpravкой курсантов [5]. Его коллеге А.Ф.Петену также понравились расположение здания, работа кадетов и их прекрасная физическая подготовка. Но когда речь зашла о дисциплине и умственной подготовке, Петен сказал, что, вряд ли ежедневным повторением одних и тех же движений можно подготовить хорошего офицера. Дисциплина - нужная вещь, но в современной армии офицер должен быть лидером, вдохновителем, сам должен быть воодушевлен инициативой. В Вест-Пойнте, по его мнению, на это мало обращают внимания [6].

То есть, по мнению европейцев, американская система профессиональной подготовки военных имела слишком «теоретический», «книжный» характер. Отсюда понятно недоверие к офицерам армии США, обладавшими определенными знаниями, но не здравым смыслом и практическим опытом.

Еще более неадекватной с европейской точки зрения оказалась система подготовки в военных тренировочных лагерях, где предполагалось подготовить эффективную для мировой войны

армию в течение нескольких месяцев. Начальник русской военной миссии генерал-лейтенант В.Х.Рооп посетил семь офицерских лагерей летом 1917 г. Общее его впечатление о курсантах было вполне положительным: «кандидаты всех лагерей очень однообразны и все имели бодрый вид и преисполнены военного духа и искреннего доброго желания постичь военное дело». Генерала очень поразило то, что в лагерях было немало состоятельных людей, даже миллионеров [7]. Условия жизни великолепные - светлые бараки, разнообразная и отличная «до изысканности» пища - вплоть до пирожных и фруктов. В свободное время играет музыка, с утра съезжаются родственники и знакомые. Но это совсем не похоже на военный лагерь и система подготовки не давала правильного понимания военного дела, а только «самое превратное» [8]. Генерал Рооп характеризовал американские учебные марши как прогулку или пикник, причем, когда шел дождь, лагерь оставался на месте и марш отменялся [9]. Посетив маневры, генерал удивлялся многому, в том числе командованию. В.Х. Роопа просто рассмешил случай, когда на просьбу объяснить задание, американский майор начал доклад, показывая во все стороны пальцем. Ни у кого не оказалось карты для ориентировки, «да и все задание оказалось мнимым, что сам майор подтвердил» [10]. И такие случаи не были единичными [11]. Во время имитации боя «с обеих сторон кандидаты стреляли с таким увлечением, невзирая на свистки начальников, что через самый короткий срок весь носимый на них запас (100 патронов) истощился, и стрельба постепенно прекратилась. О пополнении патронов не было и речи». При этом отсутствовала какая-то привязка к местности, стрельба велась «в никуда» [12].

Таким образом, уже до высадки американцев в Европе европейские военные представляли, что им следует ожидать от заокеанских коллег. Поэтому весь период - до марта 1918 г. - англичане и французы настойчиво предлагали американцам свое руководство. Союзники и противники считали их мало что знающими о современной войне и еще нуждающимися в обучении, особенно это касалось командного состава и военачальников крупных соединений [13]. Премьер-министр Великобритании Д.Ллойд Джордж в мае 1918 г. телеграфировал лорду Редингу, что с точки зрения самих американцев желательно руководство ими со стороны опытных штабов, прежде чем заокеанские войска попадут под командование генералов без необходимого опыта [14].

Ж.Клемансо выразился определеннее - «пока немцы не научат». Маршал А.Петен оценивал американское командование следующим образом: «Высшие штабы и команды несвязные: вся их организация неуклюжая» [15].

Но американцы во главе с неуступчивым и упрямым (как говорили о нем французы) Дж.Першингом решили вести войну самостоятельно и, более того, навязывали свои методы не слишком «удачливым» европейцам, воюющим вот уже три года. Безусловно, человеческий потенциал для таких претензий имелся. Об этом свидетельствует, например, опыт организации во Франции американского колледжа Генерального штаба. Это заведение, во главе которого стоял генерал Д.В.Мак Эндрю, которого прозвали «папой», давало трехмесячную подготовку для занятия постов в штабе дивизии, корпуса, армии или Генеральном штабе. Всего было выпущено 537 штабных офицеров. Как оценивал впоследствии французский генерал Е.Саватьер, выпускники Мак Эндрю были чудом обучения [16].

То же самое можно сказать об организации американской службы разведки, контрразведки и пропаганды. Деловой подход на научной основе, исполненный специалистами-профессионалами, быстро привел к положительным результатам. Работник английской контрразведки особого отдела Скотланд-Ярда Э.Вудхолл был очень высокого мнения об американских методах разведки и контрразведки [17]. Немецкие офицеры считали, что американские листовки, сбрасываемые с самолетов, были источником бесконечного беспокойства [18]. Э.Людендорф говорил так: «Перед лицом неприятельской пропаганды мы чувствовали себя, как кролики перед удавом» [19].

Не в полной мере признанные в собственной стране, высоко оценены были иностранцами американские летчики. Например, английский премьер-министр Д.Ллойд Джордж на встрече с американской миссией на Даунинг-стрит, 10, состоявшейся 20 ноября 1917 г., говорил: «Ваш народ обладает теми качествами, которые необходимы для настоящего летчика, - смелостью и решительностью - в большей мере, чем другие. Я бы сказал, что американец от природы - прекрасный воздушный боец» [20]. Рядовой участник мировой войны англичанин Гарри Бриттэн делился в воспоминаниях, что американские летчики были любимцами своих английских и французских коллег [21].

В остальном же изначальная европейская установка на

слабость американской армии и совсем иное мнение об этом самих американцев породили немало недоразумений. В контактах с иностранной гражданской властью можно отметить независимость, доходящую до конфликтов, и это было новым в поведении американских офицеров вообще. Уже в сентябре 1917 г. начались столкновения американского штаба с «Тигром» - французским премьер-министром Ж.Клемансо, когда тот приехал поприветствовать прибывающие новые американские войска и, как обычно, безапелляционно изложил свою точку зрения о необходимости вливания американских подразделений во французскую армию. Европейцам не удалось заставить Дж.Першинга поступать так, как хотели они. Переписка между Э.Хаузом, Н.Бекером, А.Бальфуром и Д.Ллойд Джорджем по военным вопросам и армии не привела ни к чему, разбиваясь о твердую позицию американского генерала, приходившего в негодование от мысли, что его хотят лишить права создать самостоятельные вооруженные силы [22].

Ж.Клемансо требовал даже отстранить Дж.Першинга от командования, и для этого, в качестве основания, добивался от Ф.Фоша известий, будто бы французские солдаты настаивают на отозвании американского генерала [23]. Д.Ллойд Джордж писал 5 мая 1918 г. лорду Редингу: «Можно прийти в бешенство, когда подумаешь, что, хотя у нас есть люди, мы ставим под угрозу исход всей войны из-за близорукости одного генерала и неспособности правительства проявить власть и заставить его выполнять принятые правительством обязательства» [24]. Во фразе премьера: «Мы уступили Першингу» [25] звучит и негодование, и усталость, и восхищение.

Своеобразной казалась европейцам и система организации внутренней жизни в американской армии. После вступления в войну США не спешили активизировать процесс военных приготовлений и принимать участие в непосредственных боевых действиях. Как отмечал в меморандуме от 12 января 1918 г. английский генерал сэр В.Р.Робертсон, «американцы ведут себя так, точно у них есть еще много лет для подготовки» [26]. Реальной задачей американских офицеров было не участие в боевых действиях, не военные победы, а управление впервые находившейся под их контролем такой большой массой солдат. В принципе, участие американских войск в боях, даже победных, при более тщательном рассмотрении позволяет утверждать, что их офицеры были правы,

стараясь не ввязываться в военные действия. Два миллиона неподготовленных людей было бы ничто для мировой войны. Поэтому главной задачей офицеров являлось возвращение американских солдат из Европы живыми и по возможности здоровыми.

Одной из обязанностей офицеров в Первую мировую войну был контроль за физическим и нравственным состоянием вверенных им людей. Английский генерал В.Р.Робертсон с возмущением писал в меморандуме от 12 января 1918 г. премьер-министру Д.Ллойд Джорджу, что американцы слишком долго и тщательно обустроиваются по прибытии в Европу. «...они строят роскошные сооружения для своих отпускников, у них каждый человек имеет кровать и три одеяла» [27]. Но это предусматривалось американскими уставами, на что незамедлительно поспешили сослаться американские военные [28].

В расположении войск борьба за «чистоту нравов» велась постоянно. Эта работа отвлекала много сил, что несколько нервировало европейских союзников. Ж.Клемансо даже попытался вмешаться в чисто внутриамериканские дела. Так, в одном из своих писем американскому Генеральному штабу он критиковал репрессивную политику в отношении алкоголизма и проституции и даже предлагал помощь в основании «желтых домов». Хитрый Дж.Першинг, ежедневно внимательно изучавший сводки о венерических заболеваниях и старавшийся не допускать употребления алкоголя во вверенных ему войсках, переслал это письмо Н.Бекеру. Когда военный министр дважды прочитал его, то воскликнул: «Боже упаси показать его президенту, иначе он прекратит участие Америки в войне» [29]. Тем самым Дж.Першинг достиг сразу трех целей: продолжал свою политику за высокую нравственность в войсках, показал Ж.Клемансо, что совсем с ним не считается, вбил клин между гражданскими властями своего государства и французского, дабы те не объединились против генерала по другим вопросам.

Бытовые запреты и действия американского военного руководства находились явно не в ладу с элементарной логикой. Среди них - запрет неграм общаться с французами и прикомандирование четырех полков 93 негритянской дивизии к французской армии; разглагольствования о сверхдемократичности американской армии, действия по созданию отдельных вооруженных сил из-за морального упадка и «аристократичности»

европейских вооруженных сил и демонстрация неравноправных отношений с неграми, удивлявших даже французов-колонистов, которых трудно заподозрить в «расовом интернационализме».

Была и особенность другого рода. За время подготовки в тренировочном лагере призывники так и не прониклись необходимостью подчинения до самоотвержения, а вот что такое демократия и права человека - знали четко. Английский капитан А.Кристисон, направленный для помощи в подготовке одной из частей американской национальной гвардии, вспоминал случай со шведо-американцем. Солдат натер мозоль и никто, даже устрашающего вида командир части американский полковник, под дулом пистолета, не могли заставить пехотинца идти дальше [30]. Английский генерал Э.Айронсайд с изумлением взирал на американского офицера, которому делал разнос по поводу проступка его подчиненных. Тот, ничтоже сумняшеся, протянул англичанину руку со словами: «Генерал, я с вами» [31].

Таким образом, противоречия и непонимания американцев с европейскими военными профессионалами и государственными деятелями имели в своей основе различия в образе жизни и мышления. Нельзя сказать, что американцы были хуже или лучше - они были другими, и они старались показать себя.

Обязанность представительства стала новой задачей офицеров. Военные работали на складывание образа настоящего или истинного американца, знакомя широкие слои населения Европы с образом жизни США.

Американские войска воспринимались в Европе прежде всего как моральный фактор [32]. Их присутствие должно было воодушевить антантовцев и беспокоить немцев и австрийцев. Американские офицеры, как год назад их английские, французские и русские коллеги, ездили по фронтам, посещали военные лагеря и училища, были приняты самыми высокими лицами - премьерями, монархами, лордами [33]. Таким образом, офицеры своим представительством как бы завершали и корректировали образ американцев, сложившийся к этому времени у европейцев. К чести офицеров надо отметить, что они сумели не поддаваться давлению европейских правителей, сохранили о себе хорошие воспоминания - о своей энергии, прямоте и желании сотрудничать на равных. Некоторая неприязнь порождалась амбициозностью и высокомерием американцев, которые проявлялись от незнания языка до отвержения европейского опыта и превознесения опыта

американского [34]. Более или менее приученные к дипломатии европейские офицеры с негодованием воспринимали, как они говорили, «тупую непреклонность» американских военных руководителей, проявляемую ими даже на неофициальных раутах и приемах.

Американские высшие и старшие офицеры действительно не владели ни широким кругозором, ни особым тактом в общении с гражданскими лицами. Исключение составлял, пожалуй, только генерал Т.Блисс. Главнокомандующий АЭС Дж. Першинг, по мнению европейцев, был слишком прямолинеен, он был слишком «содафон», подчиняющийся только приказу. Французы отмечали его непрактичность, его романтизм и нежелание решать конкретные проблемы, все силы отдавая решению своей амбициозной задачи - командовать огромной американской армией [35]. В секретных военных докладах Дж.Першинг характеризовался как обладающий «великими способностями, великим упрямством и большими амбициями» [36].

Таким образом, на личностном уровне американские офицеры сумели найти общие точки соприкосновения с европейцами, общие интересы. Элементы неприятия имели в своей основе те же проблемы и противоречия, которые имелись на государственном уровне из-за разницы военной политики разных стран.

Итак, в Первую мировую войну американские офицеры получили возможность проявить себя как значительная общественная и государственная сила на международной арене. Их знания, опыт, идеи и стремления получили прекрасную возможность для воплощения на практике. Критический взгляд иностранных коллег-профессионалов, государственных деятелей, простых мирных жителей является свидетельством, насколько подготовленными, профессиональными и гибкими для восприятия нового были американские военные. Если вспомнить, что из 200-тысячного офицерского корпуса мировой войны только две тысячи имели предвоенный опыт военной службы, то представляется, что речь может идти о качественности не только офицерского корпуса. В жизни и деятельности американских военных отразились все достоинства и недостатки американского общества и государства. Более того, они были усилены и наглядно представлены благодаря критической ситуации войны. Учет мнения европейцев в дальнейшем строительстве армии США стал с тех пор задачей американских офицеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГА ВМФ. Ф.418. Оп.1. Д. 4161. Л. 30.
2. Кузнецов Л.М. 100% американец. Исторический портрет генерала Макаргура. - М.,1990. - С. 74.
3. Kitchener's Views of West Point // ANJ. - June 10. - P. 1319; Scott H.L. Some Memoirs of a Soldier. - N.Y., 1928. - P. 451-452.
4. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4280. Л.8-9.
5. Memoires du Marechal Joffre (1910-1917). - Paris, 1932. - Т. 2. - P. 461.
6. Mott T.B. Twenty Years as a Military Attache. - N.Y., 1937. - P. 43-44.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4280. Л. 11.
8. Там же. Л. 12,13.
9. Там же. Л. 14.
10. Там же.
11. Stimson H.L. Artillery in a Quite Sector // Scribner's Magazine. 1919. № 6. - З. 710.
12. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4280. Л. 16.
13. As They Saw Us: Foch, Ludendorf and Other Leaders Write Our War History / Ed. by G.S.Viereck. - Garden City, 1929. - P. 35, 50; Фош Ф. Воспоминания. - М.,1939. - С. 388; Лебедев Л.В. Участие Америки в Мировой войне // Военный зарубежник. 1922. № 14-15. - С. 922.
14. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. - М., 1938. - Т. 5. - С. 303.
15. The American Heritage History of World War I / Ed. in charge A.M.Josephy,jr. - N.Y.,1964. - P.291.
16. As They Saw Us: Foch, Ludendorf and Other Leaders Write Our War History / Ed. by G.S.Viereck. - Garden City, 1929. - P. 301.
17. Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. - М., 1943. - С. 69.
18. Intelligence Summaries of the U.S. Army. / In: McMullen L.W. Building the World Society. - N.Y., 1931. - P. 102.
19. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. - М., 1923-1924. - Т. 1. - С. 289.
20. Ллойд Джордж Д. Ук. соч. - С. 275.
21. Harry Brittan. To Verdun from the Somme. An Anglo-American Glimpse of the Great Advance. - L., 1917. - P. 77.
22. Ллойд Джордж Д. Ук. соч. - С. 289-290, 296, 298.
23. March P. The Nation at War. - Garden City, 1932. - P. 261; Stallings L. The Doughboys: The Story of the AEF, 1917-1918. - N.Y., 1963. - P. 324, 328.
24. Ллойд Джордж Д. Ук. соч. - С. 302.
25. Там же. - С. 286.
26. Там же. - С. 282.

27. Там же.
28. Infantry Drill Regulation U.S. Army. - Wash., 1911. - P. 148-152.
29. Coffman E. The War to End All Wars. - N.Y., 1968. - P. 132, 133.
30. MacDonald L. 1914-1918. Voices and Images of the Great War. - L., 1988. - P. 287.
31. Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918-1919) глазами ее участников / Сост. В.И.Голдин. - Архангельск, 1997. - С. 233.
32. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4279. Л. 56.
33. King George Greets General Pershing // The Evening Post. 1917. June 9. - P. 1; Marshall G.S. Memoirs of My Services in the World War 1917-1918. - Boston, 1976. - P. 213-225.
34. Bullard R. Personalities and Reminiscences of the War. - N.Y., 1925. - P. 266.
35. Фош Ф. Ук. соч. - С. 279; George Clemanceau. Grandeurs et miseres d'une victoire. - Paris, 1930. - P. 47.
36. Kennett L. The AEF Through French Eyes // Military Review. 1972. № 11. - P. 4.

Кускова С.В.

МАЛОЛЕТНИЕ УЗНИКИ "ТРЕТЬЕГО РЕЙХА"



дной из малоизученных проблем Второй мировой и Великой Отечественной войн остается судьба бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

Среди исследований по данной проблеме выделяется работа Поляна П. "Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация" (9).

Воспоминания бывших малолетних узников фашизма публикуются на страницах газеты "Судьба", издаваемой Международным союзом бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

Особую историческую ценность для изучения данной проблемы представляют материалы устной истории. В ходе поисковой деятельности под нашим руководством в 1997-2001 гг. учащимся старших классов милицейско-правового лицея г. Пскова удалось собрать 96 анкет бывших малолетних узников фашистских концлагерей, проживающих в г. Пскове. Значительная часть вопросов анкеты была посвящена обстоятельствам их угона в места принудительного содержания, условиям содержания в этих местах, наиболее запомнившимся, событиям, фактам того времени и т.д.

Ряд аспектов данной темы был рассмотрен в дипломной работе студентки истфака О. Стебиховой О. (1999г.).

Отдельные вопросы данной проблемы были изложены в нашем выступлении на секции Российской научной конференции, посвященной 55 годовщине окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн (Нижний Новгород, 19-20 апреля 2000 г.)

Задачей предлагаемой статьи является систематизация имеющихся на данном этапе материалов, в том числе устной истории, о судьбах псковичей и жителей близлежащих пригородов - бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

В годы Великой Отечественной войны более 1 миллиона детей и подростков было угнано в концентрационные лагеря. (5; 1). По планам руководителей Третьего рейха большинство детей из СССР подлежало уничтожению. Они становились принудительными донорами, биологическим сырьем, малолетними рабами, живым прикрытием в ходе военных операций...

В силу пограничного расположения Псковской области значительная часть населения испытала на себе все ужасы фашистской оккупации, продолжавшейся с 9 июля 1941 года по 22 июля 1944 год.

На 1 марта 2000 года на территории Псковской области проживало 29350 бывших малолетних узников фашистских концлагерей (7; 4). Это при том, что по существующим подсчетам, из 10 угнанных в концлагерь в живых оставался лишь один (5).

Кроме концлагерей на территории СССР, псковские дети были узниками более чем 10 концлагерей на территории Польши, Германии, Франции и других европейских стран.

Возраст детей и подростков, попадавших в фашистскую неволю не ограничивался никакими инструкциями. Среди опрошенных нами людей каждый 5-й - 1929 года рождения; каждый 20-й родился в 1941 году. Дети попадали в неволю вместе с родителями, знакомыми, родственниками. Третий рейх с каждым годом войны все острее нуждался в рабочей силе.

Так, в июле 1942 года нацистское руководство определило потребности в рабочей силе для Германии примерно в 560 тысяч человек. С февраля 1943 года в документах нацистской администрации появляется термин "остарбайтер".

В официальном немецком понимании, "остарбайтеры" – это гражданские рабочие из старых советских областей, т.е. территории СССР до 1 сентября 1939 года (без Литвы, Латвии, Эстонии, Белостокской и Львовской областей, Молдавии и северной Буковины. Иной статус имели жители Прибалтики. В июне 1942 года они получили право не подлежать принудительной вербовке.

В материалах собранных анкет отражены уникальные биографические сведения, воссоздающие трагизм жизненных реалий в судьбах малолетних узников.

Путь в фашистский ад для большинства из опрошенных начинался фактически по одному сценарию : фашисты окружали дом (улицу, деревню), отводили какое-то время (иногда и часа не давали) на сборы, загоняли в товарные вагоны.... Так для детей заканчивалось детство.

Человеческая память сохранила восприятие того страшного времени в нехитрых поэтических строчках. Они были опубликованы в газете "Судьба" Васильевой Н.М., 1932 года рождения, бывшей узницы концлагеря Эберсвальде.(1; 7)

*Ночь надвигается, вагон качается
Ко мне спускается тревожный сон.
Страна любимая не улыбается,
Идет в Германию наш эшелон.*

*Нас в ряд построили
В Потсдаме- городе,
Помещик- бауэр с рядов хватал
Девчонок крепеньких
Да чуть здоровеньких
А нас, замученных, никто не брал.*

*И вот погнали нас, но не к помещику,
А в лагерь смертников , как дикарей,
Где слышен лай собак,
Кругом охранники,
Колюча проволока, и ток по ней.*

*...А холод адский там...
Морили голодом,
Баланду ели мы один раз в день,
И хлеб с опилками
Кусочек маленький,
Да кофе- суррогат пол литра в день.*

*На грудь повесили нам знак отличия,
В шеренгу строили и как солдат
Гоняли на завод, работать по двору
С утра и до ночи , и в дождь и в град.*

Эти строки отразили бесчеловечную сущность нацистского порядка, установленного для малолетних узников в концлагерях.

Так, в концлагере Заксенхаузен фашисты предполагали разместить 10 000 человек. Однако постоянно содержалось более 60 000. Это был особый лагерь. Узников заставляли передвигаться только бегом. На сон отводилось 4-5 часов.

В лагере Бабельсберг было много ребяташек. "Часто в отсутствие родителей детей собирали в общую колонну, строили по шеренгам, заставляли раздеваться и стоять перед трибуной, на

которой стояли члены медицинской администрации лагеря. Это был очередной осмотр и отбор наиболее крепких подростков для сбора крови. Брали у людей и спинномозговую жидкость. Из самых сильных чувств запомнился страх. Это был страх при виде больших собак. Меня и сегодня пробивает дрожь и я начинаю заикаться при виде бульдогообразных псин" (3; 418-419). Вспоминает об этом пскович Георгий Николаевич Кожевников, 1939 года рождения.

О тех же случаях использования фашистами детей в качестве доноров указано в 2-х анкетах (1933 и 1934 годов рождения). Бывшие малолетние узники вспоминают о том, что их "кормили хорошо", у них были свои номерки для забора крови.

В материалах анкеты Марии Петровны Алексеевой (1929 года рождения) приведен список из 5 концлагерей, через которые прошла эта девочка. Концлагерь под Магдебургом назван первым. На всю жизнь в ее памяти запечатлелся барак за колючей проволокой, нары в два этажа, 250 граммов хлеба и баланда (мутная вода). "Чувство голода было постоянным только об этом и говорили, другой главной темой был страх бомбежки".

В анкетах тех, кто 1931 года рождения и старше, основное место в воспоминаниях о фашистской неволе занимает тема работы. Дети вместе со взрослыми строили укрепления, разгружали вагоны, валили лес, работали на хозяина -немца..

Алексей Тимофеевич Филиппов (1931 года рождения): "С февраля 1943 по май 1945 года находился в Германии в Родэ-Харце: Нас, 12-ти летних мальчишек, заставляли работать в каменноугольной шахте, по 10 часов нарывали щебень в вагонетки. Кормили гнилой брюквой и давали 200 г хлеба. Мы были похожи на стариков".

Примерно в каждой десятой анкете содержатся краткие записи о фашистах (о тех, кто охранял, сопровождал). Для них, олицетворявших ужас, страдания, мучения, бывшие малолетние узники находят в большинстве своем однозначные слова - изверги, нелюди.

"Жизнь человеческая ничего не стояла. Все зависело от конвоира, от старосты, старшего в штабе, коменданта в лагере. Это были свирепые и жестокие люди, которые не имели жалости. Могли ради потехи избить любого. (3; 418)

Редкие исключения составляют иные воспоминания, в которых немцы проявляли человеческое участие к малолетним узникам.

Например, Евгений Михайлович, Яковлев (1932 года рождения), работавший на хуторе в Германии, записал следующее: "У хозяина

было два сына-офицера. Они служили в действующей армии. Звали их Альфред и Адольф. Сыновья приезжали в отпуск к отцу. Ко мне относились хорошо. В субботу и в воскресенье обязательно водили в церковь".

В ответах Александры Петровны Ширяевой (1936 года рождения) из 1,5 лет нахождения в немецких бараках в памяти сохранился лишь один эпизод о немце, не похожем на большинство фашистов: "Я никогда не любила лук, до сих пор есть его не могу. А немцы нас кормили луком-батумом. И меня просто тошнило от него. И вот однажды один из немцев поманил меня пальцем. Я подошла, он меня вывел из помещения. И дал бутерброд небольшой. Ему было жалко меня. Я ела бутерброды без лука, которые он приносил из своего дома на завтрак, обед и ужин. Но об этом никто не знал. Он попросил."

Освобождение из фашисткой неволи для большинства бывших малолетних узников фашистских концлагерей вспоминается как самый радостный и долгожданный праздник.

В материалах анкеты Ольги Екимовны Яковлевой (1933 года рождения) приводится рассказ об этом дне. В частности, она пишет о том, что им удалось в 12 часов ночи, когда недалеко от территории концлагеря стали слышны звуки стрельбы, броситься враспынную и укрыться в рядом расположенном селе. Вскоре пришли советские танки.

Решение ГКО по вопросу репатриации было принято в конце лета 1944 г. Окончательно вопросы о репатриации определили документы Соглашения, подписанные 10-11 февраля 1945 года в Ялте на конференции союзников. Было заявлено, что репатриации подлежат все советские граждане.

По общим подсчетам, в течении 1944 года, на родину возвратили 1.050.398 человек, в течении 1945 года.- 4.514.201 чел.

Массовая репатриация закончилась в сентябре-октябре 1945 года.

Бывшие малолетние узники добирались до родного Пскова разными путями.

Валентина Константиновна Мехеда (1938 года рождения) вспоминает товарные вагоны, куда их погрузили для отправки домой Мария Петровна. Алексеева (1929 года рождения) помнит, что отправка из Германии прошла организованно, "после медосмотра всех отправили к месту жительства".

По данным анкет бывших малолетних узников фашистских

концлагерей уже на своей Родине более трех четвертей из них столкнулись с непониманием, порою открытой неприязнью, укорами.

В нашей стране на правительственном уровне лишь с 1992 года категориям бывших несовершеннолетних узников концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания стали предоставляться льготы участников Великой Отечественной войны.

В начале 1990-х правительство Г. Коля выделило 400 миллионов марок, которые через фонд "Взаимопонимание и примирение" были распределены среди 300 000 тысяч жертв фашизма в России. Тогда же материальная компенсация была получена соответствующими фондами на Украине и в Белоруссии.

В конце 1997 года по инициативе американских граждан еврейской национальности были направлены иски немецким фирмам, на которых в годы войны эксплуатировался труд узников.

В начале 2000 года было достигнуто соглашение в присутствии Федерального канцлера Германии Г. Шредера, Государственного секретаря США М. Олбрайт и других официальных лиц об окончательной сумме возмещения жертвам рабского и принудительного труда в 10 миллиардов марок. Предполагалось, что половину указанной суммы внесет правительство ФРГ, половину - компенсационный фонд германских предприятий.

В своем Заявлении по поводу достигнутой договоренности Федеральный президент Й. Рау отметил, что "рабский труд и принудительные работы означали не только несправедливую оплату труда. Они означали принудительное перемещение, грубое поправление человеческого достоинства...Вспоминая сегодня о всех, кому пришлось выполнять рабский труд или принудительные работы под германским господством, я прошу прощения от имени немецкого народа". (2)

В мае – июне 2001 года бундестагом Германии принято решение о создании германского фонда "Память, ответственность и будущее". Совместно с фондом "Взаимопонимание и примирение" при правительстве РФ будет осуществляться выплата материальной помощи гражданам бывшего СССР, пострадавшим в годы Второй мировой войны от национал-социалистического режима Третьего Рейха.

Принятые решения по-разному оцениваются в прессе. Так,

Полян П. отмечает целый ряд принятых положений, которые, на его взгляд, уже сегодня требуют пересмотра. Он считает, что начавшийся процесс выплат, строго говоря, является не компенсацией, а своеобразной платой бывшим узникам за феноменальную живучесть. Компенсацию получают лишь те, кто дожил до сегодняшнего дня или до 16 февраля 1999 года- времени опубликования совместного заявления крупнейших немецких фирм и банков о своей принципиальной готовности выплатить компенсации бывшим принудительным рабочим. Не получают компенсацию те, кто работал в немецких семьях. Для России на компенсацию выделено 835 миллионов марок, что более чем вдвое меньше, чем выделено на Украину или на Польшу. (10; 15)

Например, из более чем 29 тысяч человек бывших малолетних узников фашизма по Псковской области компенсацию от немецкого фонда получают лишь 11113 претендентов (7 ;4)

С каждым днем все меньше становится людей, знающих истинное лицо нацизма. Украденное детство, подорванное здоровье, инвалидность, одиночество и бездетность, надломленная психика уносят ежедневно до 200 человек, бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

В настоящее время на территории Псковской области бывших узников фашистского концлагеря из Заксенхаузена проживает всего трое, из концлагеря Бабельсберг — 12 человек.(3)

С 1992 года Псковское областное движение бывших малолетних узников фашистских концлагерей возглавляет Георгий Николаевич. Кожевников. Это удивительной души человек, сил и энергии которого хватает на много важных и необходимых дел. Вместе со своей женой Нелли Александровной, также прошедшей ад фашистской неволи, он организовывает досуг, экскурсии, встречи для членов движения. Вся работа областного движения строится так, чтобы привлечь внимание общественности к положению бывших малолетних узников фашизма войны, тех, кто сумел несмотря на украденное детство сохранить в себе человечность, доброту, веру в людей.

*Войну, концлагерь мы познали,
Узнали голод и нужду...
Мы много в жизни потеряли
Но мы не прокляли судьбу
(1)*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н. М. Искалеченное мое детство // Судьба, 1996, №37, С.7
2. Заявление Федерального президента Й.Рау // Судьба, 2000, №1, С.1-3
3. Кожевников Г.Н. Через фашистские концлагеря // Книга памяти Псковской области Т.21 – Псков, 2001 - С.416- 422
4. Люди, победившие смерть.- Л.1968
5. Махутов Н.А. Дети оккупированных территорий // Судьба, 2001, №5 -С.1
6. Нас вновь обращают в жертвы // Судьба, 2001, № 3 - С.1
7. Никитенко Н.В. Сроки выплат зависят о немецкой стороны // Псковская правда, 2001, 11 апреля.- С. 4
8. Пахомов А. Рисунки кровью –М., 1966
9. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996
10. Полян П. Спасибо, что еще живы //Общая газета, 2001, № 36.-С. 15

Т.В. Королева

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Известно, что женское движение впервые зародилось во Франции во время революции. Однако, в связи с этим фактом возникает ряд вопросов, на которые мы и попытаемся ответить в нашем исследовании. Во-первых, что послужило причиной для начала этого движения, во-вторых, каковы были предпосылки этого явления, так как любое выступление против принятых в обществе норм поведения и морали не может начаться вдруг, только под влиянием революционных событий. Они могут выступать скорее катализатором к уже сложившимся предпосылкам. В-третьих, чем являлись выступления женщин времен Великой Французской революции — женским движением — то есть различными формами политической и общественной активности женщин или феминизмом — то есть движением женщин за равные с мужчинами политические, гражданские и другие права.

Причины, повлиявшие на зарождение женского движения можно разделить на две большие группы: экономические и идеологические; сложно сказать, влияние каких из них было больше, вероятнее всего, совокупность этих фактов и привела к открытому выражению неудовлетворенности женщин своим положением в обществе.

Старые формы производства с их несовершенной техникой приковывали женщину к семье, оставляя ей в удел домопроизводство. В недрах семьи женщин была довольно

продуктивной силой. В феодальной Европе девушек с детства учили прясть, ткать и вышивать. Знаменитые французские кружева делали исключительно женщины. Промышленный строй с широким применением машин нанес удар экономической деятельности женщины в семье. Фабрика и завод производили все продукты дешевле, скорее и в большем количестве. Лишив женщину прежней сферы приложения ее труда, крупная промышленность создала почву для широкой деятельности женщины в обществе¹. Главным образом указанный переворот коснулся женщин низших классов, поэтому они и составили готовый контингент для нарождающихся фабрик.

Однако тот же переворот со временем коснулся и женщин средних классов. Если в XVIII в. единственным путем к своего рода безопасности было замужество, то в начале XIX в. положение в корне меняется. Обеднение средних классов в результате революции и войн, увеличение числа одиноких женщин — все это заставляло женщин обратиться к труду. Это численное превосходство женского пола над мужским многие исследователи считают одной из основных причин выступления женщин средних классов. По статистическим данным, приведенным у Брокгауза и Ефрона, во Франции в конце XVIII века на 100 мужчин приходилось 107,5 женщин².

Кроме этого численного превосходства, наблюдалась тенденция к постоянному падению числа браков среди буржуазии и их рост в пролетарской среде. Пролетарий женился рано и легко, ибо женщина, выходя замуж, не становилась пассивным существом под полной опекой мужа, напротив, продолжала работать, в этом смысле они были полноправными компаньонами. Буржуа женился поздно — к 35-40 годам, сделав карьеру, скопив достаточно средств для содержания жены, причем женился он на 15-16-летних девушках. Женщины же его возраста оставались невостребованными. Экономическая нужда заставляла их искать работу, что приводило к росту женского труда, и к требованию доступа к более разностороннему образованию, что приводило к росту женского движения.

Женщины начинают стремиться к более широкому поприщу для развития своей личности. Это стремление соединилось с важнейшей идеей той эпохи: идеей социальной справедливости. Теория естественных прав, которая формулировалась как право на самоопределение, самосохранение и труд оказывала большое

влияние на женщин. Идеологической причиной женского движения явились идеи Просвещения, под влиянием которых в женщинах начинает пробуждаться чувство человеческой личности. Они начали тяготиться общественным устройством, предлагавшим всем женщинам без учета их личности одинаковую участь: существа полностью подчиненного мужчине. В женщине пробуждается стремление к свободе, и они начинают отстаивать свою самостоятельность³. Однако сами философы-просветители вовсе не желали роста женского самосознания. Хотя и Дидро, и Монтескье разоблачили миф о женщине как о существе второго сорта, однако они воздержались от признания ее гражданской состоятельности. Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) — философ, чьи взгляды имели наибольшее влияние на современников, считал, что женщина должна быть полностью подчинена мужу — своему хозяину и господину, а отношения полов он подводил под формулу: «Женщина создана специально, чтобы нравиться мужчине»⁴ и удовлетворять все его потребности.

Таким образом, с изменением роли семьи, влияние женщин ограничилось больше, чем этого требовало ее естество. Отсюда возникло требование свободы профессий для того, чтобы женщина могла, где возможно, вне семьи приложить свои, теперь не находящие применения, силы, и свободы образования — так как им не хватало самой элементарной образовательной подготовки для работы вне дома. Требования же гражданских и политических прав появились непосредственно под влиянием революции вследствие большой политизированности общества и на волне общих требований равенства всех людей перед законом без различия сословий.

Помимо причин идеологических и экономических существовал еще один фактор. Во Франции всегда наблюдалось определенное противоречие между гражданским и политическим бесправием женщин и тем влиянием и ролью, которую они играли в общественной жизни. «Женщины у нас во Франции совершенно не нуждаются в избирательном праве. Они и без того пользуются всеми правами. Мужчины всегда давали им возможность делать то, что они хотели»⁵ — писала одна из самых известных женщин Французской революции М. Ролан.

На самом деле, несмотря на непризнание их правоспособности, женщины привилегированных классов — аристократки — оказывали сильное влияние на культурную и политическую жизнь Франции. Уже в XVII в. светские женщины играли огромную роль

в салонах — центрах культурной жизни французского общества, они получали приличные знания, общались и переписывались с известными учеными и философами того времени, многие участвовали в политических интригах. В 1623 г. папский нунций писал: «Во Франции все великие события, все важные интриги, как правило, зависят от женщин»⁶. При Людовике XIV (1643-1715) их активность падает, но при Людовике XV (1715-1774) их влияние снова усиливается и остается неизменным вплоть до революции.

«Салонная жизнь переживает новый подъем: достаточно хорошо известно, какую роль сыграли г-жа Жоффрен, г-жа дю Деффан, м-ль де Лепинас, г-жа д'Эпине, г-жа Тансэн; женщины — покровительницы и вдохновительницы — это излюбленная аудитория писателя; и сами они занимаются литературой, философией, науками, у г-жи де Шатле есть свои физические кабинеты, свои химические лаборатории... они активнее, чем когда-либо, вмешиваются в политическую жизнь: г-жа де При, г-жа де Майи, г-жа де Шатонейф, г-жа де Помпадур, г-жа дю Бари по очереди управляют Людовиком XV; Монтескье даже считает, что во Франции всем управляют женщины; они составляют, говорит он, «новое государство в государстве»⁷.

Итак, женщины высшего общества разными обходными путями обеспечивали себе огромное влияние на общественную жизнь, однако все вышесказанное касается только наиболее умных и честолюбивых, остальные же ограничивались лишь поисками развлечений и удовольствий.

Огромное число женщин из трудящихся классов уже работали на себя на фабрике или дома и обладали материальной независимостью, поэтому, фактически наравне с мужчинами, они могли посещать общественные места и заведения. В то время как женщины средних классов только осознавали необходимость бороться за право на труд, для женщин-работниц он был реальностью, но в экономическом плане они были угнетены. Так, накануне революции женский труд, в частности в обрабатывающей промышленности, оплачивался вдвое ниже мужского — 15 су вместо 30 в день⁸. Поэтому повышение заработной платы, улучшение условий труда и гарантия работы были для них насущной необходимостью.

Женщины буржуазных классов, ограниченные строгими нравственными нормами, не могли предаваться удовольствиям и вести разгульную жизнь; не имея больших средств, не могли

получать знания и устраивать салоны, но, в то же время, не могли пойти работать на фабрики и заводы, так как это значило бы опуститься ниже того уровня, который они занимали.

Таким образом, накануне революции женщины высших и низших слоев достаточно активно участвовали в общественной жизни, но им требовалось законодательное закрепление их прав. Женщины же буржуазного сословия фактически не имели реальных возможностей вести активную жизнь, но, обладая огромным желанием изменить существующее положение вещей, стали основной силой женского движения в революционную эпоху.

Первым права женщин на образование и равные с мужчинами гражданские и политические права провозгласил Ж.-А. Кондорсе (1743-1794) – философ Просвещения, писатель и политический деятель. В 1786 г. в «Дискуссии о математических науках» он писал о необходимости дать женщинам равное с мужчинами образование. В 1787 г. в произведении «Письма одного буржуа одному гражданину Виржинии» он излагал свою точку зрения на естественные права, которые принадлежат обоим полам в силу законов и доказывал необходимость предоставления женщинам политических прав.

Наиболее полно идеи Кондорсе относительно женщин изложены в двух статьях. В 1789 г. в «*Journal de la Societe*» («Общественной газете») появилось его сочинение «О допущении женщин к избирательным правам», в которой автор требовал от Сената домашней и даже политической эмансипации женщин. По мнению Кондорсе, «выставленный революцией принцип равенства самым чувствительным образом оскорбляется, т.к. половина рода человеческого лишена права принимать участие в законодательстве. Если пожелают оправдать этот факт, то должны будут доказать, что не только права женщин иные, чем мужские, но что они и не способны пользоваться гражданскими правами. Так как женщина такой же человек, как и мужчина, то она имеет такие же, как и он, естественные права, потому, что одно из двух: или вообще нет никаких прирожденных человеческих прав, или всякий человек имеет одинаковые права без различий пола, вероисповедания и расы»⁹.

В 1789 г. он предоставил в Ассамблею проект «Декларации Прав», где, в числе прочих, предлагал дать женщинам равные с мужчинами избирательные права, но его инициатива была отвергнута. В 1790 г. в «Пятом мемуаре о публичном образовании»

Кондорсе предложил проект совместного обучения мальчиков и девочек. Его предложения о народном образовании были опубликованы в журнале «Bibliothèque de l'Homme public». Но Кондорсе в своем проекте оказался настолько далек от своего времени, требуя для женщин равного бесплатного и общего с мужчинами образования, что лишь деятели Третьей республики стали претворять его в жизнь¹⁰.

Первые более умеренные настроения женщин проявились еще в 1789 году, когда королю была представлена «Петиция женщин третьего сословия», в которой в весьма мрачных красках доказывалась необходимость сделать что-нибудь для улучшения их быта. «Ваше величество, мы просим Вас, чтобы мужчины ни под каким предлогом не могли отпирать ремесел, составляющих удел женщин. Пусть нам оставят, по крайней мере, иглу и веретено. Пусть нам отведут известное количество должностей, чтобы мы могли, по меньшей мере, добыть себе пропитание»¹¹.

В другой петиции было выражено неудовольствие женщин буржуазных классов, которые требовали рассмотрения своих гражданских и политических прав. В «Протесте французских женщин» против созыва Генеральных штатов без их участия и в «Увещании французских женщин» они писали о своем бесправии и требовали избирательных прав. Однако, в этих прошениях авторы не связывали свое бесправие с противоположным полом, в них отсутствовало понимание того, что мужчины не захотят так просто отдать женщинам права, исконно принадлежащие только сильному полу. Женщины лишь хотели, чтобы основной лозунг революции — «свобода, равенство и братство» вошел и в их жизнь, преобразив ее, сделав их полноправными гражданами.

Не случайно многие историки революции 1789 года с легкой руки Мишле пишут о коллективном участии женщин в ее битвах, иначе говоря, о стихийном стремлении женщин к гражданской активности¹². Однако, общество слишком мало было подготовлено, чтобы сколько-нибудь серьезно отнестись к вопросу о политических правах женщин.

Одновременно с требованием политических и гражданских прав, женщины буржуазных классов добивались права на образование. Как только было создано Национальное собрание, то женщины в петициях и летучих листках потребовали от государства признания права женщин получать образование, равное мужскому. Следствием этих выступлений стал доклад в

Национальном собрании, который сделал министр образования Тайлеран. «Воспитание мальчиков имеет целью подготовить граждан, способных стоять на высоте прав и обязанностей по отношению к государству. Тогда как природа женщины — для жизни в тихом домашнем кругу и посреди их детей. Нарушение этого порядка есть источник несчастья, следовательно, методы воспитания обоих полов должны быть различны»¹³. Национальное собрание постановило допустить девушек для посещения общественных школ только до восьмилетнего возраста, а дальше родители должны были заниматься их домашним воспитанием. Других сведений о какой-либо иной попытке поднять уровень воспитания женского пола в этот период не было, политические и экономические вопросы выдвинулись на первый план слишком сильно, чтобы другие требования женщин могли бы встретить с надлежащим вниманием.

В августе 1789 г. Учредительным собранием был принят главный документ этой революции — «Декларация прав человека и гражданина», который провозгласил равенство всех граждан перед законом. «Все люди рождены свободными и равными в правах», однако к женщинам это утверждение не относилось. Законодатели времен революции не желали признавать за женщиной права на «свободу и равенство», но, в то же время, под влиянием набирающего силу женского движения они боялись открыто заявлять о том, что женщина — человек второго сорта и потому должна быть исключена из общественной жизни. Поэтому они предпочитали вести политику умолчания, не объясняя, кто относится к категории «люди и граждане». Аналогичной двусмысленностью проникнута другая статья Декларации, в которой говорилось о том, что «должно быть организовано народное образование, общее для всех граждан и даровое по отношению к преподаванию тех знаний, которые необходимы для всех людей»¹⁴. И опять было непонятно, попадают ли женщины под действие этой статьи, относятся ли они к понятию «всех граждан» или нет.

Такая политика нерешительности и умалчивания способствовала активизации женского движения и привела к возникновению феминизма, первым организатором и идеологом которого стала Олимпия де Гуж (1748-1793) — организатор первых политических женских кружков, газеты «L'Observateur féminin» («Женское обозрение»). Она написала и опубликовала «Декларацию прав женщины» по аналогии с «Декларацией прав

человека и гражданина», в которой потребовала уничтожения всех мужских привилегий и установления равноправия полов. По сути дела, в этом документе содержалась программа феминистского движения времен революции. «Женщина рождена свободной и по праву равна мужчине. Цель каждого законодательного общественного органа — охрана прав обоих полов. Но пользование правами, которые по природе принадлежат женщинам, до сих пор стеснялись узкими рамками. Все женщины должны, как и все граждане, принимать участие в работе законодательства. Оно должно быть равным для всех. Поэтому все гражданки, как и все граждане, соответственно своим способностям должны быть допущены ко всем общественным местам, должностям и отличиям; только различие их добродетелей и талантов должно служить критерием при их выборе. Женщина имеет право взойти на эшафот, а взойти на трибуну — нет; ей следовало бы обладать обоими этими правами».¹⁵

Этот манифест не остался без внимания. Появилась масса брошюр за и против женского движения. Этот вопрос стал активно обсуждаться в прессе. Журналисты-мужчины, в основном, ограничились тем, что политические и социальные требования женщин противопоставили следующему изречению Сент-Эвриона. «В Париже есть женщины, составляющие книги, но наиболее разумные рожают детей».¹⁶ Газеты отражали в данном случае состояние усредненного общественного мнения. Хотя в «Набате», «Месячной хронике», «Народном ораторе» были напечатаны статьи, в которых с сочувствием обсуждалось положение женщин. Наиболее передовым оказался «Journal de la Societe» («Общественная газета»), где публиковались статьи Кондорсе с требованием гражданских и политических прав.

Помимо традиционных изданий в этот период стала выходить масса так называемых «женских газет». Французский историк Е. Сюллеро делит все эти издания на четыре категории в зависимости от направленности и степени участия в них женщин.

1. Газеты, издаваемые мужчинами, но адресованные женщинам: «La Gazzette des Dames de Halle» («Газета рыночных торговок»), «La Courier de l'hymen» («Брачный курьер») и другие.

2. Политические газеты, издаваемые мужчинами, где изображалось положение женщин: «Le Monitor» («Наставник»), «Le Journal des Droits de l'homme» («Газета о правах человека»), «La Bouche de Fer» («Железные уста»).

3. Газеты, организованные группами женщин, но анонимные: «La Feuille du Soir» («Вечерний листок»), «Les Etrennes Nationales des Dames» («Национальный почин женщин»), «Les Annales de l'education du Sexe» («Анализ положения полов»).

4. Политические газеты, организованные женщинами: «Le Journal de Madame de Beaumont» («Газета мадам Бомонт»), «Le Journal de l'etat et du Citoyen» («Газета государства и граждан»), «Le Journal de la Societes de Citoyennes» («Журнал общества гражданок»).¹⁷

Как видно из этого анализа, число чисто женских изданий, отстаивающих права женщин на равенство с мужчинами, было незначительным. Это закономерный процесс, так как революционная эпоха – это период наибольшей свободы печати и слова, и обычно в это время образуется много разного рода газет и журналов. К чему есть интерес у общества и о чем до сих пор молчали – все это трансформируется в отдельные издания. И то, что все-таки были женские газеты, специализирующиеся на проблемах равноправия полов – показатель того, что в обществе интерес к этой проблеме был огромен. Большое количество женских газет различной нефеминистской направленности свидетельствовало об активности женщин в этот период и их интересе ко всему происходящему в стране.

После выхода «Декларации» Олимпии де Гуж женская активность чрезвычайно возросла. Она проявлялась в нескольких направлениях:

I. Женщины стали вступать в политические клубы мужчин.

II. Образуются женские клубы, которые из-за сходства целей и задач сливаются с аналогичными мужскими. Это, прежде всего, братские общества обоих полов, идея создания которых принадлежит О. де Гуж. Наибольшее распространение они получили в Париже. Самыми многочисленными были следующие: «Братские общества секции единства» (за равное образование), «Братское общество друзей отечества», «Общество социальной гармонии санкюлотов обоего пола».

III. Женские общества и клубы, не имеющие политических установок, а желающие решить конкретные, узкоспециализированные задачи.

К ним относятся, прежде всего, разного рода благотворительные общества в Париже и провинции, хотя надо заметить, что число их в этот период незначительно. Это такие

общества, как «Федеративный клуб гражданок патриоток» в Париже, «Подруги человечества» в Бордо, и др.

Различные клубы, прежде всего в Париже, организующие художественные, литературные и научные курсы для женщин среднего класса.

В 1792 г. был законодательно утвержден развод, что вызвало появление большого количества разведенных женщин, которые испытывали потребность встречаться с себе подобными, так как кардинально изменили свою жизнь, и надо было учиться управлять хозяйством, имуществом и выполнять множество других функций, которые раньше исполняли их мужья. Из подобных обществ наиболее известен «Клуб убогих» в Париже.

IV. Во всех больших городах создается большое количество женских клубов и обществ, которые не выдвигали чисто женских целей и задач, но они возбуждали неудовольствие мужчин в силу своих внешних атрибутов и поведения. Подобные организации можно разделить на две большие группы:

1. Общества и клубы, выступающие в поддержку Конституции. В сентябре 1791 г. Учредительное собрание приняло Конституцию, и хотя права женщин в ней не закреплялись, однако лишь немногие стали добиваться ее пересмотра. Большинство же женщин восприняли ее «на ура» и создали объединения в ее поддержку. Эти общества имели довольно неопределенные требования и, по-видимому, организовывались из-за желания женщин объединяться и делать что-то вместе. Это: «Друзья Конституции в Париже», «Женское Конституционное Общество Города Лилля», «Сестры Конституции в Безансоне», «Общество Подруг Конституции в Монтебане; в Валансе», «Подруги Конституции и Равенства в Дижоне». Наиболее многочисленным было «Общество Подруг Конституции в Бордо». По одним данным — 2000 женщин (Л. Браун), по другим — 4000 (М. де Вилье)¹⁸.

Вот, например, присяга, которую давали «Подруги Конституции в По»: «Клянусь быть верной нации и распространять гражданские чувства к французской конституции с оркестром и военной музыкой к национальному обществу»¹⁹. Можно представить себе эту картину — отряд женщин, марширующих по улице под бой барабанов и труб, и как на это реагировали мужчины, привыкшие видеть в женщине существо тихое и пассивное, имеющее жизнь только по отношению к своему супругу и господину.

2. Народные общества вооруженных женщин или клубы

амазонок. Несмотря на название они не ставили своей целью вооруженного свержения мужской власти в обществе, а имели вполне патриотические цели защиты отечества и революции. Весной 1792 г. Франция вступила в войну с Австрией и присоединившейся к ней Пруссией и стала нести поражение. В июле того же года Законодательное собрание объявило: «Отечество в опасности». Женщины моментально отреагировали созданием специальных обществ, и тем самым, сделались влиятельным фактором внутренней и внешней политики. В Париже число батальонов амазонок было незначительно и, поэтому, не воспринималось серьезно, однако в провинции, особенно в Анжере, Нанте, Бресте и Бордо они представляли собой значительную силу. Так, отряд амазонок в Бордо насчитывал свыше 6.000 женщин. С июля 1792 г. из этих клубов образуется множество женских легионов, которые имели свою милицию, знамя, устав и принимали присягу. Они ставили перед собой цель: в случае необходимости послужить национальной гвардии вспомогательной силой, поэтому женщины стали вооружаться. Это уже вызвало не только недовольство, но и страх у мужской половины французского общества.

V. Женские политические общества, добивающиеся равных с мужчинами гражданских и политических прав, иначе говоря, собственно феминистские общества. Число их было незначительно, т.к. общество, да и основная масса женщин, еще мало были готовы к подобного рода теориям.

Прежде всего их выступления были направлены против Конституции 1791 г., которая разделила всех граждан на активных и пассивных и отнесла женщин ко второй категории, лишив их тем самым права избирать и быть избранными. Они требовали пересмотра статей Конституции и допуска женщин к избирательным правам наравне с мужчинами. Так, «Общество Подруг истины» в Париже 1 апреля 1792 г. провело демонстрацию членов общества и обратилось к Национальному собранию со следующими требованиями:

1. «Собрание должно дать девушкам моральное и национальное воспитание...
2. Должен быть установлен развод...
3. Женщины должны быть объявлены совершеннолетними по достижении 21 года...
4. Обоим полам должны быть предоставлены политические свободы и полное равенство прав»²⁰

С аналогичными требованиями в петициях и памфлетах к правительству обращались «Подруги Свободы» из Бордо, «Подруги Свободы и Равенства» из Сен-Жюньена.

Дальше всех на пути завоевания равных прав продвинулось «Общество Лионских гражданок, особенно преданных нации и закону». 15 сентября 1791 г. они овладели городом и трое суток удерживали его в своих руках, наблюдая за применением новых тарифов.²¹ В это время они выпустили свою «Декларацию Прав женщин» которая повторяла многие положения «Декларации» О. де Гуж.

Из всех женских феминистских обществ, возникших в эпоху революции, выделялся «Клуб революционных гражданок» или «Общество женщин революционных республиканок» во главе с бывшей актрисой Розой Лакомб. Это клуб придерживался крайне левых взглядов, примыкал к партии бешеных, поддерживал их борьбу против жирондистов. В состав общества входили 170 женщин. Под его нажимом 9 ноября 1793 г. впервые в истории орган официальной власти — Комитет общественного спасения — решал вопрос об участии женщин в революции, т.е. об участии женщин в общественно-политической деятельности. Революционные республиканки, известные своими боевыми заслугами перед революцией, были потрясены, услышав выступление делегата Амара, заявившего от лица Комитета следующее: «Политические права любого гражданина полагают, что он может участвовать в принятии решений, затрагивающих государственные интересы... Имеют ли женщины моральные и физические силы, необходимые для того, чтобы пользоваться такими правами? Всеобщее мнение признает, что нет... каждый пол призван заниматься тем, что назначено ему природой»²²

Однако все вышеуказанные клубы и общества объединяли, в основном, женщин высших и средних слоев французского общества, женщины-работницы в них не входили, у них были свои проблемы — прокормить себя и своих детей, поэтому женщины буржуазных классов оставались слепы ко всем требованиям женщин трудящихся классов, не обращали внимание на их нужды. Положение последних было особенно тяжелым, так как время с 1789 по 1799 гг. было губельным для французской индустрии не только потому, что ее подавляла конкуренция Англии, но (и это особенно ощущали работающие женщины) и потому, что вследствие эмиграции и прекращения светской жизни большого двора шелковая и

кружевная мануфактура отступили на задний план. При этом выросли цены на жизненные припасы, и ужасающим образом росла масса голодных пролетариев²³.

От безысходности женщины-пролетарки вынуждены были заниматься проституцией, которая приняла ужасающие размеры. В 1784 г. в одном только Париже было 70 тыс. проституток. После революции появились многочисленные брошюры, которые, как правило, носили анонимный характер. Они были посвящены анализу труда женщин-работниц и рассматривали возможность его регулирования. В «Motion de la pauvre Javotte» звучало горе бедной девушки, которая не может жить трудом рук своих и вынуждена идти на позор и бесчестие²⁴. В других работах делался вывод, что проституция является следствием существующих экономических условий и деморализации брачных союзов.

Движение женщин-работниц развернулось как реакция на ту ситуацию, которая сложилась в промышленном производстве. Женщины трудящихся классов, чтобы не умереть с голоду, были вынуждены искать себе заработок. С ростом фабричной промышленности возник спрос на неквалифицированный женский труд, не требующий ни продолжительного опыта, ни специальных навыков, ни даже значительной физической силы. Следствием этого было вовлечение в фабричное производство большого числа женщин, которые получали мизерную зарплату за свой тяжелый труд. Причем заработная плата в этот период имела тенденцию к постоянному снижению, а, следовательно, росту бедности, что сопровождалось новым притоком женского труда. Поэтому с самого начала движение работниц началось с требований допуска ко всем профессиям и улучшений условий труда.

Но, в то время как женщины-работницы, благодаря развитию техники и машинного производства, находили себе место, и на их низкооплачиваемый неквалифицированный труд имелся постоянный спрос, женщины средних классов были вынуждены бороться с непониманием и общественными предрассудками для того, чтобы завоевать себе право на труд. Вероятно, этим фактом можно объяснить полную несхожесть требований и методов борьбы за свои права женщин средних классов и женщин-работниц. Именно в этот период произошло разделение, которое в 1848 и 1871 гг. примет более определенную форму, и даст начало двум основным формам женского движения: буржуазному феминизму и социалистическому женскому движению.

Пока же это расхождение проявлялось в том, что женщины-работницы практически не входили в женские буржуазные организации и клубы, так как те не поддерживали их требований, своих же специальных обществ они не имели, так как в это время вообще степень организации рабочего класса находилась на очень низком уровне, точнее сказать, ее практически не было. Поэтому проявления и организация женского рабочего движения, по сравнению с буржуазным, в исследуемый период были незначительными.

В петициях в национальное собрание женщины-работницы требовали возможности добывать себе средства к жизни. «Мы хотим иметь работу не для того, чтобы узурпировать авторитет мужчин, а чтобы кое-как влачить собственную жизнь»²⁵.

Однако выступления женщин-работниц не ограничивались только петициями и памфлетами. Поход 6 октября 1789 г. голодных женщин в Версаль в количестве 8 тыс. человек — кульминация их выступлений во время революции. Не имея своих организаций, женщины-работницы участвовали вместе с их мужьями в демонстрациях и стачках. В связи с большими стачками рабочие начали объединяться в союзы по профессиям, куда вошли и женщины. Однако закон, изданный Учредительным собранием в 1791 г., запретил рабочие организации, а зачинщикам и активным участникам стачек грозил штрафом и тюремным заключением. Якобинцы, пришедшие к власти 2 июня 1793 г. оставили этот закон в силе, поэтому в период революции больше не было других выступлений женщин-работниц.

С 1793 г. и буржуазное женское движение пошло на убыль, так как своими активными действиями женщины возбуждали недовольство Конвента и Коммуны. Их упрекали в безнравственном образе жизни, во вмешательстве в политическую борьбу. Громадное число обвинений основывались на том, что женщины страдали осужденным и казненным, а во время якобинского террора их было огромное множество. Женщины постоянно обращались с прошениями о помиловании, доказывая невиновность осужденных, вследствие чего в глазах Конвента сами превращались в «подозрительных», которые, согласно сентябрьскому декрету 1793 г., подлежали немедленному аресту.

Комитетом общественного спасения (якобинское правительство) было предложено Конвенту, чтобы «все женские общества, как бы они не назывались, были бы распущены и раз и

навсегда воспрещены»²⁶. 30 октября 1793 г. вышло соответствующее постановление Конвента о роспуске всех женских организаций. Коммуна присоединилась к постановлению Конвента и, сверх того, объявила, что не станет принимать женских депутатий.

Первой жертвой реакции стала О. де Гуж. В ноябре 1793 г. ее обвинили в роялистском заговоре и отправили на гильотину. Почти тогда же была казнена другая участница революции Манон Ролан — жена министра внутренних дел двух правительственных кабинетов жирондистов, которая не просто направляла деятельность своего супруга, но стремилась управлять всеми государственными делами, правда оставаясь в тени мужа, но это ее не спасло, так как ее поведение опрокидывало патриархальные представления о роли женщины в общественной жизни. Эти казни положили конец женскому движению времен революции.

Весной 1795 года термидорианский Конвент издал еще более суровый декрет, запрещающий им участие в публичных собраниях. В своих репрессиях правительство дошло даже до того, что запретило женщинам собираться больше 5 человек, иначе им грозило тюремное заключение.

«Во все те периоды истории, когда в силу тех или иных обстоятельств происходил рост общественного духа, и когда общество увлекалось какими-либо социальными идеалами, положение женщин менялось к лучшему, однако с наступлением реакции они теряли все свои завоевания»²⁷ — это высказывание Джона Стюарта Милля, на наш взгляд, наиболее точно объясняет выход этого закона и репрессий в отношении женского движения, так как закон был принят во время термидорианского террора и явился одним из выражений реакции; с другой стороны само общество стремилось к стабилизации, где было место лишь добропорядочной жене буржуа, но не объединенным и вооруженным женщинам, от которых неизвестно чего ждать. Общество не было еще готово к решению женского вопроса, и женские общества того времени осуждали не только мужчины, но и большая часть женщин.

Подводя итоги, можно отметить, что причины начала женского движения следует искать в изменении социального статуса женщины, которое произошло в результате развития новых производственных отношений. Промышленный переворот, увеличение числа одиноких женщин, обеднение средних классов, неспособность мужского населения содержать семью вследствие

падения занятости — все это заставило женщин обратиться к труду. Но оказалось, что им не хватает элементарной образовательной подготовки, поэтому они не могут составить достойную конкуренцию мужскому полу. Первые проявления женского движения — это притязания на чисто мужское образование. Идеологически женское движение подготовила философия Просвещения, опираясь на идеи которой женщины выдвинули требования гражданских и политических прав.

Надо отметить, что женщины высших и низших слоев уже играли значительную роль в общественной жизни и желали закрепить свой положение с помощью закона. Женщины же средних слоев, ведя пассивную жизнь, ограниченную рамками семьи, хотели изменить существующее положение вещей.

Женское движение периода революции отличалось большой неоднородностью. Явное различие закладывается между буржуазным женским движением и движением работниц, из-за нежелания женщин буржуазных слоев опуститься ниже интересов своего класса и понять нужды пролетарок.

Среди буржуазного женского движения определенностью требований выделялась лишь его феминистское крыло, которое впервые поставило на повестку дня вопрос о праве женщин участвовать в политической жизни страны. Однако количество организаций, требующих для женщин равных гражданских и политических прав, было незначительно. Требования же других представительниц женского движения отличались неопределенностью и сводились к общему желанию женщин участвовать в общественной жизни страны.

Фактически, во время революции женщины пользовались анархической свободой, что и способствовало появлению множества женских обществ и клубов, но когда общество снова вернулось к своему стабильному состоянию, женщины вновь оказались в кабале.

Таким образом, ни одно из направлений женского движения в период революции не смогло ничего добиться для улучшения своего положения по целому ряду причин: мужчины-революционеры отказались признавать какие-либо права женщин и придерживались политики умолчания, само общество оказалось неподготовленным к решению женского вопроса, а женские организации, созданные в это время, были очень слабы, движение не носило систематического характера и пользовалось поддержкой лишь у незначительной части населения страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кечерджи-Шаповалов М.В. Женское движение в России и за границей. СПб. 1902. С. 85.
 2. Население// Брокгауз и Ефрон. 1897. Т. 40. С. 618.
 3. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство, исторические судьбы женщин, природа женщин, женский вопрос. М., 1914. С. 165.
 4. Руссо Ж.-Ж. Эмиль. Избранные сочинения. М., 1961. Т. 1. С. 558.
 5. Александер Г. Историческое развитие женского буржуазного движения. М., 1930. С. 38.
 6. Бовуар С. де. Второй пол. Пер. с франц. М. — СПб., 1997. С. 142.
 7. Там же. С. 142-143.
 8. Симон Ж. Работница в Европе. Пер. с франц. СПб., 1874. С. 10.
 9. Кондорсе Ж. А. О допущении женщин к избирательному праву// Женский вестник 1911. № 12. С. 256.
 10. Albistur M. Armogathe D. Histoire du feminisme francais du moyen age a nos jours. Paris. 1978. Vol. 1. P. 317-318.
 11. Виллье М. Женские клубы и легионы амазонок. М., 1912. С. 7.
 12. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 18-19.
 13. Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение. СПб., 1903. С. 71.
 14. Кечерджи-Шаповалов М.В. Указ. соч. С. 88.
 15. Duhet P.M. Les femmes et la revolution. P., 1971. P. 71.
 16. Legouve E. Histoire morale des femmes. Paris, 1850. P. 354.
 17. Sullerot E. Histoire de la presse feminine en France. Colin, 1960. P. 66-67.
 18. Браун Л. Указ соч. С. 73.; Виллье М. Указ соч. С. 49.
 19. Виллье М. Указ. соч. С. 170.
 20. Там же. С. 43.
 21. Albistur M. Armogathe D. Op. cit. Vol. 2. P. 25-26.
 22. Цит. по: Айвазова С.Г. Указ соч. С. 21.
 23. Браун Л. Указ. соч. С. 61.
 24. Chassin Ch. La genie de la revolution. Paris, 1863. P. 297.
 25. Pascoud M. Le droit de la femmes mariee aux Produits de son travail// Revue politique et parlamentaire. Paris, 1896. Vol. 9, № 26. P. 158.
 26. Abensour L. Histoire generale du feminisme. Paris, 1974. P. 96.
- Цит по: Мижуев П.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906. С. 5.

ЖЕНЩИНЫ США НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В начале 90-х годов XX в. положение женщин в американском обществе существенно изменилось во всех областях жизни - политической, экономической, социальной, психологической и культурной. В государстве, являющем собой пример одного из наиболее жизнеспособных центров мирового сообщества, основополагающее содержательное требование женского движения - о признании в женщине полноценного человека, личности - получило широкое распространение в общественном сознании.

Поэтому в период бурных перестроенных процессов, происходящих в России, США не могут не привлекать заинтересованного внимания широких кругов российской общественности. Представляется целесообразным осмыслить американский опыт созидания демократического общества, которое не ограничивается провозглашением равенства прав обоих полов, а создает равенство возможностей в осуществлении этих прав и для женщин, и для мужчин.

При всех несомненно впечатляющих позитивных сдвигах в положении американской женщины в обществе преждевременно утверждать, что в США полностью и окончательно снята острота "женского вопроса".

Для достижения дальнейшего прогресса и разрешения конфликта между женской личностью и диктатом общества необходимы концентрация усилий, энергии и целенаправленная деятельность не только самого женского движения, но и государства, политических элит и общественных сил.

Насколько далеко продвинулись женщины США в практическом освобождении от диктата, навязываемого им обществом на протяжении многих десятилетий? Каковы их реальные возможности в обществе как его равноправных членов? Осознает ли демократическое государство, что демократия - это равные возможности выбора для граждан обоего пола? Если да, то какова политика такого государства в отношении женщин? Каков механизм, обеспечивающий равенство возможностей полов в обществе?

Ответы на ключевые вопросы помогут понять природу функционирования американской модели общества, степень ее гендерной чувствительности, прояснить реальное отношение государства к женщинам и положение женщин в нем, а значит, расширить границы собственных представлений об этих важнейших социальных явлениях, обогатив отечественный опыт знанием позитивных и негативных сторон практики другого государства.

Американки и экономика

На Западе освобождение женщин в сфере экономики началось именно в Соединенных Штатах Америки, хотя Северная Европа идет следом с небольшим разрывом. В период с 1960 по 1995 гг. доля работающих женщин выросла с 35% до более 55%. В период 70- — 90-х годов американские женщины занимали 2/3 из миллионов новых рабочих мест, созданных в сфере информатики, и, по прогнозам специалистов, этот процесс будет продолжаться и на рубеже третьего тысячелетия.

По некоторым оценкам, типичный доход мужчины упал на 7% в период с 1973 по 1993, в то время, как женщины вырос - на 11%. В 80-е годы зарплата женщин стала значительно расти, догоняя мужскую, однако этот процесс замедлился в период 1994-1996 гг. Почасовая оплата труда женщины составляла 2/3 от уровня оплаты мужчин в 1973 г., а в 1997 — 77%. Сегодня женщины составляют 46% рабочей силы, а на рубеже 21 века их будет большинство.

В 90-е годы женщины в США перестали быть меньшинством в рядах трудящихся: 2/3 или 74% женщин США работали. На работе занято 67% женщин с детьми. Этот показатель занятости столь же высок, как и показатель занятости среди мужчин.

Характерно, что каждая вторая женщина, имеющая малолетнего ребенка, трудится. При этом 33% работающих матерей являются главными кормильцами семьи; 50% семей с детьми нуждаются в доходе обоих родителей (в 1976 г. - всего 36%). Семьи с детьми, в которых отец - единственный кормилец, а жена ведет домашнее хозяйство, составляли 25%. Очевидно, что женщины кормят в стране почти столько же семей, сколько и мужчины.

С конца 80 — начала 90-х годов наблюдался резкий рост

числа компаний, организовавших детские учреждения (до 3500 единиц - на 40% больше, чем в 1984 г.). Многие компании не имели детских садов и яслей на своей территории, но они вводили специальные пособия-льготы (доплаты) на детские учреждения для своих наемных работников и помогали с устройством детей в эти учреждения. В 90-е годы детские учреждения появились почти на всех крупных предприятиях. В этот момент в США насчитывалось 750 детских центров, расположенных на территории компаний. Однако 90% компаний, на которых работают 10 человек и более, не предоставляли своим работающим женщинам таких возможностей.

Согласно исследованию, проведенному в этот период, потери рабочего времени у работающих родителей, дети которых пользуются детскими учреждениями, были сокращены на 31%, а на 10% сократилась текучесть кадров.

Картина была бы неполной без упоминания роли и значения деятельности специального исполнительного органа, созданного еще в 1920 г. Речь идет о Бюро по женскому найму Министерства труда США, которому вменялось в обязанность «определение стандартов и политики, которая способствовала бы благосостоянию работающих женщин, улучшала бы условия их работы, увеличивала бы эффективность их труда и развивала бы их возможности в благоприятном найме на работу». Бюро по женскому найму является единственным подразделением в рамках исполнительной власти на федеральном уровне, обладающим исключительным мандатом в сфере улучшения положения работающей женщины, функционируя как защитник, советник, стимулятор, контролер и информационный центр. Бюро поддерживает все, что связано с улучшением положения женщин в общественном производстве.

Многие исследователи, особенно из рядов женского движения, придерживаются скептического взгляда на способность и эффективность государственных ведомств и агентств добиваться изменений в тех структурах власти, где явно господство мужчин. Они уверены, что реальные изменения могут произойти лишь в результате давления извне.

Другие аналитики, напротив, утверждают, что государство, даже в условиях либеральной рыночной экономики, характерной для США, не является пассивным орудием внешних сил или правящих классов. Органы управления не только могут

способствовать переменам, но и брать на себя роль инициатора социальных движений. Именно такую роль играет Бюро по женскому найму в течение всего времени своего существования. Это подразделение бюрократической федеральной машины оказало заметное влияние на развитие женских интересов в трех направлениях: в создании идеологии о месте женщин в рабочей силе; в установлении более тесных связей среди трудящихся-женщин; в выработке государственного курса решения женского вопроса.

Так, именно Бюро убедило президента Кеннеди создать первую в истории США консультационную Комиссию по статусу женщин на уровне федерального правительства, в результате рекомендаций которой под эгидой Бюро была создана сеть комиссий по женским вопросам, ежегодные собрания которых способствовали выработке правительственного курса, учитывающего реальные интересы женщин.

Деятельность по созданию комиссий на местах стимулировала организацию общественных объединений женщин, прямым итогом которой стало рождение одной из влиятельнейших общественных организаций - Национальной женской организации (НЖО). И хотя комиссии постепенно обрели самостоятельность и перестали зависеть от Бюро, оно продолжает следить за их деятельностью. Комиссии и НЖО защищают интересы всех женщин, сосредоточиваясь то на борьбе за принятие Поправки о равных правах, то на решении проблем аборт. Бюро, используя свои ресурсы, поддерживает создание новых организаций, посвящающих свою основную деятельность защите интересов трудящихся женщин, например женщин-членов профсоюзов¹.

Кроме того, Бюро всегда было и остается важнейшим источником статистических данных о положении женщины и ее месте в сфере трудовых ресурсов. Подразделение работает в тесном контакте с различными организациями по программам, представляющим взаимный интерес (проведение в жизнь законодательства о равных возможностях, организация учреждений дошкольного воспитания, переподготовка кадров и борьба за отпуск по уходу за детьми). Особая заслуга принадлежит Бюро по женскому найму в лоббировании принятия Закона о равной оплате труда 1963 г., который стал в США первым законом, запрещающим дискриминацию по принципу пола при найме и оплате труда.

Бюро работает в контакте с другими правительственными органами, оказывая свое влияние на разработку и принятие административных инструкций, обеспечивая статистическими данными о реальном положении женщин в связи с проведением в жизнь антидискриминационных законов. Бюро вместе с неправительственными группами, особенно на региональном и местном уровне, помогает работающим женщинам наиболее эффективно пользоваться своими правами.

Таким образом, Бюро по женскому найму Министерства труда США, успешно сотрудничая с женскими, профсоюзными и другими государственными организациями, добивается определенных успехов в отстаивании интересов женщин. (Интересно, что Бюро было взято в качестве модели для аналогичного подразделения, созданного правительством Франции.)

Вместе с тем, работающая американка продолжает сталкиваться с такими проблемами в отношении работы как дискриминация в области заработной платы, льгот и профессионального признания, а также с - двойной нагрузкой - дом и работа, и, как результат - стрессом.

Согласно исследованию Министерства труда (1998 г.) 14% белых и 26% цветных женщин утверждают, что потеряли работу или не смогли получить повышения из-за расовой или половой принадлежности, а 75% работающих женщин считают, что и впредь не смогут добиться продвижения по службе.

В период администрации Клинтона (1994-2000) произошли заметные позитивные изменения в статусе американских женщин. Так, финансирование бюджета Комиссии по равным возможностям при найме (the Equal Employment Opportunity Commission (EEOC)) составил в 1999 фин. г. 279 млн. долл., что означало рост на 37 млн. долл. по сравнению с предыдущим годом. Увеличение бюджета комиссии означает наличие объективных предпосылок для развития деятельности по соблюдению интересов женского населения при найме на работу. (Комиссия значительно расширила программу альтернативных спорных резолюций и сократила объем жалоб на дискриминацию в частном секторе. По утверждениям американских специалистов, это было реальное увеличение финансирования работы комиссии за последних несколько лет).

Процессы, происходящие в американской экономике, имеют противоречивое воздействие на американских женщин. С одной стороны, развитие новейшей технологии в самых крупных отраслях

экономики (в средствах массовой информации, компьютерном обеспечении, медицине, здравоохранении и т.д.) и развитие сферы обслуживания приводят к созданию новых мест. (Правда, оплата в сфере обслуживания, по американским меркам, низкая). А с другой, - перемещение производства из больших городов США в Мексику, Китай, Сингапур и другие страны с быстроразвивающейся экономикой и с дешевой рабочей силой, глобальная экономическая конкуренция, диктующая проведение структурной перестройки, сокращение ради повышения эффективности производства. (небольшие фирмы легче адаптируются к ситуации) - все это приводит к потере рабочих мест, нарастанию кризиса в системе социального обеспечения. При этом широкое применение контрактной системы, которая зачастую чревата сокращением рабочего времени, хотя и сулит высокую почасовую оплату, лишает женщин социальных пособий и льгот (речь идет о пособиях работодателя на медицинское обслуживание, на частные пенсионные сбережения, на отпуска и т.д.). Все это усложняет положение женщин на рынке труда, поскольку приводит к потере стабильности (без социальных льгот), распадом профессиональных общин (контрактники отвечают сами за себя, дух коллективизма пропадает, т.к. чувство коллективизма возникает среди работающих долгое время, объединенных общностью интересов, дружескими отношениями и т.д.). Правда, существуют и положительные стороны в новых экономических условиях для женщин: не надо постоянно бороться за прибавку к зарплате, гибкий график и т. д.

11 мая 2000 г. был провозглашен в США как День равной оплаты. Эта дата не случайна — она отмечает дополнительной срок следующего после предыдущего года, который женщина вынуждена проработать для выравнивания оплаты труда с мужчиной. Иными словами, разница среднегодовой оплаты женщин и мужчин равна 37% или почти 9,5 тыс. долл.

Среднегодовая зарплата американки (основана на данных 1998 г.) составляла 25 862 долл, в то время как мужчины — 35 345 долл. Чтобы женщине получить оплату в размере среднегодовой мужской, ей надо проработать не год, а год, четыре месяца и одиннадцать дней, т.е. до 11 мая следующего года. Таким образом, срок четырех с половиной дополнительных месяца или 135 дней, по иронии судьбы, истекал в воскресенье - 14 мая, когда в США отмечают День Матери.

Совпадение дат символизировало совпадение функций

женщин, и демонстрировало истинное отношение общества к двойной нагрузке, лежащей на плечах женщин, показывало также гендерное распределение объема работы и ее оценки в обществе, выявляя тем самым степень социальной несправедливости.

Пресс-конференции и другие различные публичные мероприятия были организованы для привлечения внимания общественности к важности проблемы равной оплаты труда. На самом деле (как показывают опросы общественного мнения) американки выражают глубокую озабоченность проблемами равной оплаты труда женщин и мужчин, дискриминацией на рабочем месте, отводя им приоритетное место в шкале первоочередных своих интересов. Согласно результатам опроса, проведенного в январе 2000 г., 67% опрошенных женщин чувствуют, что дискриминация на рабочем месте в отношении женщин все еще остается "проблемой".

Многие женщины считают, что кандидаты на пост президента страны в 2000 г. не уделяют существенного внимания вышеуказанной проблеме.

В Конгрессе США демократы, в отличие от республиканцев, придают приоритетное значение вопросу о равной оплате труда женщин и мужчин. В 1999 году республиканцы атаковали сторонников равной оплаты труда, утверждая, что разрыв в оплате труда составляет лишь 2%, если при рассмотрении разницы учитывать срок образования, занимаемую должность, опыт и рабочий стаж. Республиканцы утверждали, что справедливая оплата или сравнимая ценность труда может привести к более высокой безработице среди женщин и "опасным" экономическим последствиям. Они настаивали на том, что федеральные требования об оплате сравнимой ценности приведет к "эрозии государственных служб" и другим широко распространенным экономическим проблемам.

На самом деле все еще существует явное и очевидное неравенство. Разрыв в оплате труда — важнейший фактор, обуславливающий бедность среди женщин старшего поколения. Так, разница в среднегодовом доходе женщины и мужчины, имеющих 35-летний стаж, получивших одинаковое образование, занимавших приблизительно одинаковые должности, обладавшими схожим опытом и равным стажем, может колебаться от 9483 долл. до 0,5 млн. долл.. Различие в оплате труда, как отмечают американские исследователи, это - результат дискриминации, что

обусловлено прежде всего профессиональной и отраслевой сегрегацией женских трудовых ресурсов. Иными словами сферы деятельности и уровни рабочих вакансий, должностей, которые занимают женщины – низкооплачиваемы (свыше 50% всех работающих женщин заняты в торговле, на секретарских должностях и в сфере услуг.). Исследования показывают, что в отраслях с преимущественной женской занятостью (или национальных меньшинств) существует низкая оплата труда.

Активистки женского движения критикуют демократическую партию за недостаток политической воли в решении задач по выравниванию оплаты женского и мужского труда. С их точки зрения, был сделан “незначительный прогресс” в деле гендерного выравнивания оплаты труда, хотя демократы могли бы успешно использовать большинство своей партии в Конгрессе США. Они всегда были готовы много говорить о концепции справедливой оплаты, однако не продемонстрировали реального лидерства в принятии соответствующего законодательства, которое изменило бы ситуацию”², заявила одна из лидеров женской НПО

В Конгрессе 106 созыва (1998-2000) велись дебаты по двум основным законодательным инициативам, посвященным проблеме гендерного равенства и справедливости оплаты труда. Это: законопроект (“Закон о справедливой оплате”), авторы которого сенатор Том Харкин (демократ от штата Айова), в Палате представителей - Элеонор Холмз (демократ от Округа Колумбия); и законопроект (“Закон о справедливом платежном чеке”), инициаторы которого в Сенате Том Дашл (демократ от штата Южная Дакота) и депутат Палаты представителей Роза ДеЛауро (демократ от штата Коннектикут).

Представительницы женского движения призывают женщин Америки требовать принятия законопроекта о равной оплате труда, считая, что настало время для такого законодательства. При этом они весьма скептически оценивают его будущую судьбу в высшем законодательном органе страны. Национальная Женская Организация, влиятельная НПО в США, в частности, призывает поддерживать “законопроект Дашла – ДеЛауро”, считая его более приемлемым с точки зрения защиты интересов женского населения США. Данный законопроект предусматривает соблюдение гендерного равенства и принципа справедливости при оплате труда женщин и мужчин. Он создает правовую базу для защиты равных прав и возможностей для женщин на рынке труда.

Дискриминация по признаку пола в оплате труда чревата негативными последствиями для женщин и для их семей, поскольку приводит к ограничению их возможностей в приобретении образования и профессиональной подготовки, и, в результате, не способствует достижению ими материальной и финансовой обеспеченности и стабильности. Это сказывается и при выходе женщин на пенсию, поскольку заработки и пенсионные и другие выплаты по социальному страхованию связаны между собою. (Американки составляют почти 60% от всех получателей пособий по системе социального обеспечения в США. Социальное обеспечение — основной источник пенсионного дохода большинства этих женщин).

Президент и вице-президент выступили за выделение в федеральном бюджете 14 млн. долл. на цели выравнивания оплаты труда мужчин и женщин на 2000 фин. г. Следует подчеркнуть, что демократическая администрация Клинтон, и сам вице-президент Альберт Гор, претендент от демократической партии на пост президента в 2000 г., снискали признание за свои усилия в деле достижения цели справедливости в оплате женского и мужского труда со стороны Сюзан Бианки-Сэнд — главы Национального Комитета Равенства Оплаты Труда. Она заявила по этому поводу, что, если бы не усилия Альберта Гора, благодаря которым проблема равной оплаты труда "получила широкое общественное звучание" и заняла "приоритетное место в политической повестке дня", то эта проблема "наверняка все еще оставалась в тени". Избирательная кампания диктует свои правила — кандидатам, завоевывая голоса, приходится улавливать те из них, от которых зависит судьба итогов выборов, а американки составляют большинство избирателей в США.

Американские женщины потратили не одно десятилетие, добиваясь улучшения своих возможностей в сфере получения образования, что влечет повышение шансов на рынке труда, где в современном мире платят за знания.

Кроме того, путь к руководству начинается с образования в информационной экономике - это аксиома, не требующая доказательств. В 1975 г. женщины получили 11,7% дипломов магистра в сфере управления и бизнеса, а в начале 90-х годов - 33% таких дипломов и в 13 раз больше инженерных дипломов. Доля женщин, получивших степень доктора медицины, составила к 90-м годам почти 1/3 (в 1966 г. было лишь 7% женщин среди тех, кто удостоен такого диплома). В 1966 г. лишь 3,5% женщин

получили дипломы в области юриспруденции, а в 1987 г. им было присвоено 40% всех степеней юристов.

Таким образом, уже в начале 90-х годов по сравнению с 1972 г. удвоилось число женщин-врачей, а доля женщин юристов и архитекторов увеличилась в 5 раз (следует подчеркнуть, что именно эти профессии относятся к числу самых престижных и высокооплачиваемых в США).

Женщины добились ощутимых результатов, завоевывая традиционно "мужские" сферы деятельности: они составляют существенную долю в таких профессиях, как информатика и услуги, то есть в сфере, поставляющей работников в области бизнеса и претендентов на социальное лидерство. Согласно данным Бюро трудовой статистики США, в начале 90-х годов среди 14,2 млн. исполнительных административных работников и управляющих женщины составляют почти 40%, что почти в 2 раза больше показателей начала 70-х годов; около 1/3 ученых-компьютерщиков составляли женщины. Более половины служащих, менеджеров и профессионалов в 50 крупнейших банках США - женщины. В первой половине 90-х г.г. почти 50% бухгалтеров по сравнению с 21,7% в 1972 г. были женщины. На Уолл-стрите около 25% всех профессионалов - женщины.

В банковском деле, делопроизводстве и компьютерных науках и среди «белых воротничков» доля женщин увеличилась с 10% в 1970 г. до 30-50% в 90 — е годы, т.е. до «критической массы»

Наблюдался рост числа женщин-руководителей и в промышленности, где традиционно доминировала мужская рабочая сила. С 1983 по 1988 г. число женщин - исполнительных работников, администраторов и управляющих возросло с 403 тыс. до 647 тыс., т.е. доля женщин на постах в индустрии возросла с 20 до 26,3%.

Таким образом, в США ряды женщин-профессионалов на высокооплачиваемых престижных должностях значительно пополнились, и эта тенденция, судя по всему, будет сохраняться и в будущем. Усилилось и будет усиливаться их влияние в обществе. Тем более, что они действуют слажено в рамках женского движения, понимая необходимость совместных действий.

Женщинам Америки удалось добиться многого, и, в частности, принятия федеральных образовательных программ, основанных на принципах гендерного равенства. Многие тысячи девочек и молодых женщин воспользовались ими, следовательно, программы

продемонстрировали свою социальную необходимость и эффективность.

Вот почему, сегодня, на пороге третьего тысячелетия, звучат настойчивые требования сохранить принципы гендерного равенства в образовательных федеральных программах: необходима федеральная поддержка штатам и школьным округам для применения комплексного подхода к проблеме равенства полов в сфере образования.

В информационном обществе женщины начинают доминировать как служащие, профессионалы и организаторы. Корпорации создавались мужчинами и для мужчин. Бюрократическая, авторитарная, военизированная модель, сложившаяся в XIX в., сохранилась в качестве организационной основы, с помощью которой и управляется такая корпорация. Сегодня этот стиль руководства устарел. Для повышения конкурентоспособности на мировом рынке необходим поиск новых возможностей, которые и усматриваются в новых стилях лидерства, руководства.

Все чаще появляются публикации и научные исследования западных ученых, которые утверждают, что американские женщины стоят на «пороге революционных изменений», что они готовы «пробить стеклянный потолок», взять невидимый барьер, закрывший им путь наверх, и занять те руководящие посты, в которых им до сих пор отказывали.

Сегодня существует иное требование к тем, кто занят в бизнесе. «Доминирующий принцип организации переместился с управления, которое было необходимо для контроля над предприятием, к лидеру, который нужен в нынешних условиях для выявления в людях всего лучшего, а также быстрого реагирования на изменения», - подчеркивается в книге Дж. Несбитта и П. Абурдена «Мега-тенденции-2000».

Управление, или менеджмент, сыграло свою положительную роль после второй мировой войны, когда мужская рабочая сила производила товары, превратившие США в ведущую мировую державу с мощной экономикой. Рабочий выполнял работу - задание, спущенное сверху, как правило, механически, работу, исполнение которой можно было легко проверить. Объективно творчество не было необходимо на таком рабочем месте, поэтому была целесообразна разумная централизация информации и власти в руках управленцев и исполнительных работников.

Сейчас, полстолетия спустя, в развитом цивилизованном мире господствует информационная экономика. Изменились и требования к работникам, и само рабочее место. Интеллектуальные задания заменили механический труд. Теперь невозможно управлять так, как управляли работой на сборочной линии. Это прежде всего относится к работникам, занятым в информационном секторе, сфере услуг, финансов, компьютерной техники, биотехнологии, здравоохранении.

Женщины численно доминируют в информационном обществе: 84% работающих женщин в начале 90-х гг. были заняты в информационном секторе и сфере услуг. Женщины составляют большинство среди тех, чья квалификация позволяет называть их «профессионалами» в противоположность младшим конторским служащим, техническим работникам и рабочим. 44% работающих американок в возрасте от 25 до 64 лет окончили колледжи (в 1965 г. их было всего 20%),

Таким образом, в эру информатики существует высокообразованная рабочая сила, над которой деловой лидер, по сути, не имеет приказной власти. Поскольку есть рынок труда, работник может поменять работу на ту, которая сулит ему больше выгоды. Однако такой работник ценит демократический стиль руководства, финансовые льготы, отвечает взаимностью тем компаниям, которые учитывают, что люди принадлежат и еще одному институту семье.

Женщины добиваются наибольшего успеха в самых современных областях, где не успели утвердиться «старые правила игры» или они там просто неприемлемы. (Например, в компании «Эппл компьютерс» 30% управляющих (менеджеров) - женщины; здесь женщины составляют 40% всех профессиональных работников.) «Когда компания делает, как мы, прорыв в будущее, руководство с большим желанием использует талантливую личность, любую талантливую личность», - заявила Мэрилин Лаури, вице-президент компании «Эй-Ти-энд-Ти» в Нью-Йорке.

Женщина и бизнес

На рубеже третьего тысячелетия в США почти 8 млн. женщин-собственниц, среди которых 13% - женщины представительницы национальных меньшинств (по последним официальным данным³). В целом американки владеют 40% всех

фирм в США, где занят каждый пятый работающий в стране. Это означает, что женский бизнес создал 18,5 млн. рабочих мест, где трудится 20% всей рабочей силы, и что он вносит 2,3 трл. долларов в экономику США.

Правда, большинство из них принадлежит к малому бизнесу, обычно в сфере услуг или розничной торговле. По данным Бюро Переписи более четверти фирм, которые имеют тенденцию к развитию и будут нанимать больше работников, принадлежат женщинам. В сферах производства и строительства женский бизнес растет опережающими темпами по сравнению с мужским.

В мае 1996 г. в США состоялась первая Национальная Женская Экономическая Встреча на высшем уровне. Женщины добивались предоставления им равных прав с мужчинами при найме на работу, при получении образования, кредитов, в жилищном строительстве и других сферах.

Двадцать пять лет тому назад американцы отвечали на стандартный вопрос, почему ни одна женщина не возглавляет крупную корпорацию, имели свой стандартный ответ: слишком мало было женщин, обладающих соответствующей комбинацией подготовки, образования и приправы. Ожидалось, что это должно было измениться, когда женщины поступят в ведущие бизнес-школы, организовавшиеся в 70-е годы.

Но сегодня, после того как тысячи женщин прошли через бизнес-школы в средний менеджмент, женщины составляют лишь 3% среди высших шести исполнительных позиций в крупнейших 500 компаниях по «Форчуну». Или это 90 постов из общего числа 3 тысячи. Лишь горстка названа главными исполнительными служащими.

Медленный прорыв женщин на высшие посты в бизнесе объясняются многими факторами: но немногие в Америке верят в то, что женщины сами не хотят занимать высокие посты в бизнесе, как это свидетельствует один из недавних опросов, проведенных в США на общенациональном уровне «Вашингтон Постом», Фондом Семьи Генри Кайзера и Гарвардского Университета.

1. Около 65% Американцев думает, что женщины дискриминированы при занятии высших постов в бизнесе, причем, среди женщин этот процент выше - 71%, а мужчин - 59%.

Более половины мужчин сегодня заявляют, что главной причиной того, что женщины не пробиваются на высшие посты, заключается в том, что «двери не были открыты долгое время».

57% женщин разделяют эту точку зрения. 60% женщин считают, что женщины не пробиваются туда, потому что «мужчины не хотят их туда пропустить». Среди мужчин такую точку зрения поддерживают лишь 43%. В результате, партнерами-владельцами в юридических компаниях является менее 6% женщин, менее 0,5% стоит во главе корпораций (среди 4 тыс. руководителей крупных компаний всего 19 женщин);

2. Семейные обязанности - один из факторов того, что женщины не пробиваются на высокие посты в бизнесе - 57% американцев заявляют, что из-за семьи женщины не могут работать столько же часов, сколько и мужчины.

Было проведено интервью 20 выпускниц, которые получили MBA (степень магистра по управлению бизнесом, в трех элитных бизнес-школах (Стенфорд, Гарвард и Уортон) с 1969 по 1979 г. В результате выяснилось, что эти женщины отличались необычной приверженностью к карьере, тратили десятки тысяч долларов и посвящали многие годы на получение образования и приобретение профессиональной подготовки, которую постоянно развивали и совершенствовали. Они проявляли высокую степень мобильности в поисках хорошей работы, которую разыскивали по всей стране. Большинство из этих женщин начинали свою карьеру в крупной фирме или в консультативных фирмах по международному менеджменту.

Характерно, что те женщины, которые пробивались на верх, отмечают свое одиночество, поскольку высший эшелон "капитанов делового мира" представляет собой «мужской клуб», что создает дополнительное психологическое напряжение для женщин. Женщины деловых кругов стремятся справиться с этим, создавая свои сообщества и организации взаимной поддержки. Почти типичным примером может служить история создания фонда одной из женщин, имя которой Катрин Мазер (K. Muther). В 1993 г. ей исполнилось 46 лет, когда она решила круто изменить свою жизнь. Она оставила свой пост - вице-президента по маркетингу в компьютерной сети компаний СИСКО (Cisco System), приносивший ей в зарплате ежегодно 460 тыс. дол., не считая акций и других финансовых поощрений и привилегий. Она, вложив свои накопления - 3 млн. дол., учредила собственный фонд для создания карьерных возможностей для женщин и для помощи в начинании бизнес в сфере высоких технологий.

Что сделано для расширения экономических возможностей

при администрации Клинтона с 1993 по 1999 гг. ?

Бюро по делам собственности женского предпринимательства Управления по малому бизнесу работает на ускорение роста женского предпринимательства: в бюджете на 1999 фин. г. было предусмотрено увеличение в два раза средств на развитие программ по расширению возможностей женщин в бизнесе, в частности для развития Женских бизнес-центров, которые обеспечивают ресурсы для развития предпринимательства среди женского населения США.

С 1993 по 1997 гг. было предоставлено почти 50 тыс. займов женщинам-предпринимателям. Только за один 1997 г. было выделено свыше 10 тыс. займов, стоимостью в 1,67 млрд. долл., что означало трехкратное увеличение по сравнению с 1992 г.

По официальным данным, только за 1996 фин. г. 6 тыс. фирм заключили с федеральным правительством контракты (федеральных контрактов) на общую сумму в 6,4 млрд. долл.. В целом, в 1996 г. американское федеральное правительство закупило у фирм различных товаров и услуг на сумму 197,5 млрд. долл., из которых 5,5% или 11 млрд. досталось мелкому бизнесу.

В 1996 г. в США состоялась первая "Национальная Женская Экономическая Встреча на высшем уровне", которая в какой то степени подвила итоги положения женщин в стране. Отмечая успехи и достижения пройденного пути, на ней подчеркивалось, что женщины все еще должны добиваться предоставления им равных прав с мужчинами при найме на работу, при получении образования, кредитов, в жилищном строительстве и других сферах.

Таким образом, объективные изменения, происходящие как в экономике, так и на рынке труда в США, обуславливают изменения в экономическом статусе американской женщины. Однако без активного женского движения, нацеленного на изменение государственной политики в отношении женщин, происшедшие перемены вряд ли были бы возможны во всех сферах жизни американского общества.

Законодательство об абортах

Вопрос об абортах в США давно приобрел политический и религиозный оттенок. Суть проблемы состоит в следующем: теоретически американки более четверти века тому назад получили право на аборт в первые месяцы беременности. В 1973 г. решение Верховного Суда (дело "Роу против Уайд") гласило, что "право на

частную жизнь" ("прайвеси") распространяется на право женщины делать свой выбор в отношении "сохранения или прерывания беременности". Верховный Суд в деле "Роу против Уайд" своим решением легализовал аборт.

Но для многих малообеспеченных женщин это право трудно осуществимо: нет средств для легального аборта, и они либо прибегают к менее безопасному нелегальному аборту, либо решают оставить внепланового ребенка, что лишь увеличивает их бедность.

В 80-е годы проблема абортов стала ведущей в программе консерваторов. Первоначально и президент Рейган, и президент Буш поддерживали право женщин выбирать, но, чтобы привлечь голоса религиозных консерваторов, они изменили свою позицию. Получили их поддержку отдельные федеральные законы о том, что медицинские услуги по прерыванию беременности должны производиться в больницах (что гораздо дороже); о том, что эти услуги не могут финансироваться из государственных фондов (малоимущей женщине предоставляется помощь в связи с рождением ребенка: на прерывание беременности средства из государственных фондов не выделяются); о том, что женщины, желающие сделать аборт, обязаны прослушать лекцию о вреде прерывания беременности и др.

Организации, выступающие за запрещение абортов, консервативны по многим вопросам. Под лозунгом «Право на жизнь» ("pro life") они проповедуют защиту жизни еще не родившегося ребенка, хотя ранее они же призывали «поставить женщину на место».

Члены конгресса, поддерживающие свободу выбора ("pro choice"), выдвинули законопроект ("Закон о свободе выбора), который, по замыслу, должен иметь федеральную силу, и действие его не ограничивалось бы на уровне штатов, которые оговорками лимитируют право выбора.

На пороге третьего тысячелетия репродуктивное право женщины в США, как отмечают многие американские исследователи, не говоря уже об активистках женского движения — сторонницах права "на выбор", столкнулось с исторической "неопределенностью". Женщины, добивающиеся аборта сегодня, вынуждены преодолевать больше трудностей, чем приходилось это делать поколению их матерей в 1973 г.

В течении последнего столетия значительный прогресс был осуществлен в США как в сфере защиты репродуктивных прав

женщин, так и женского репродуктивного здоровья. В начале XX в. аборт был нелегальным во всех штатах, и не было, к тому же, у женщин надежных средств контроля за рождаемостью.

Картина меняется к середине столетия: в 1960 г. Управление по продовольствию и медикаментам одобрило первые противозачаточные таблетки в США, предоставив женщинам эффективные средства контроля за рождаемостью. В 1973 г., как отмечалось выше, решением Верховного Суда признается право женщин на выбор. В результате в период с 1973 по 1990 гг. смертность от аборт сократилась более чем в десять раз.

Однако в течении двадцати семилетнего периода легального аборта, решение Верховного Суда было ослаблено: в 1992 г. Верховный Суд по делу "Запланированное родительство против Кейси" определил, что штаты могут вводить больше ограничений, но не запрет, на аборт. С 1992 года противники права на аборт или на выбор воспользовались этим решением для укрепления своих позиций, отвоёвывая шаг за шагом новые запретительные положения на прерывание беременности.

Такая стратегия набирает обороты за последние пять лет, и легальный аборт оказался под угрозой: в период с 1995 по 2000 гг. число мер, введенных в штатах, подрывающих право на аборт, увеличилось почти в три раза. Число производителей медицинских услуг по прерыванию беременности постоянно сокращается. (на 30% по сравнению с 1982 г.). Сегодня 86% от общего числа каунтов (районов) в США не имеют "определенного" производителя медицинских услуг по прерыванию беременности, и почти 1/3 женщин репродуктивного возраста живет в районах, где нет медицинского учреждения по прерыванию беременности.

В период с 1994 по 2000 гг. в Конгрессе США состоялось 120 голосований по проблемам репродуктивного здоровья. Сторонники "права выбора" лишь 22 раза выиграли. В 1999 г. 139 законодательных мер, направленных против свободы выбора репродуктивного права женщин, серьезно рассматривались в Конгрессе. Это означает, что они дошли до стадии рассмотрения на пленарном заседании палаты. Из числа серьезно рассматриваемых мер 50% были введены.

"Опасными зонами" называют три штата - Техас, Мичиган, Луизиана, где в 1999 г. наблюдались жестокие законодательные нападки на свободу репродуктивного выбора женщин. Техас и Мичиган ввели самое большое число мер такого характера — по 7

в каждом, а в Луизиане было введено 4 меры. В 1999 г. 31 законодательная инициатива, ограничивающая право репродуктивного выбора женщины, или по сути осложняющая аборт, была представлена в законодательном органе штата Техас. Это самое большое число среди всех штатов (кроме Мичигана). Характерно, что лишь 7 из них стали законами на уровне штатов. Подписал их губернатор Дж. Буш, нынешний кандидат на высший пост в стране.

Ясно, что остро негативную реакцию со стороны женских НПО вызывает законодательная инициатива Тома Коуберна, республиканца от штата Оклахома, касающаяся репродуктивных прав. Весной 2000 г. он представил резолюцию, в которой определяется, что на 24 день в зародыше отмечается сердечная деятельность, а на 41 день — заметны “колебания мозга”. На этом основании делается вывод, что зародыш может рассматриваться как человеческое существо.

Хотя этот документ не изменяет существующих законов, однако он вызывает яростное (и справедливое, по мнению автора) сопротивление со стороны не только женской, но и той части американской общественности, которая поддерживает “священный” принцип американской демократии — право на выбор. И эта часть американского общества, по оптимистическим оценкам, — преобладающая в современных США.

Однако, это не означает, что можно отказаться от целенаправленной работы по разъяснению опасности подобного документа, что можно пустить на самотек, надеясь на объективный характер тенденции, которая сама неизбежно проложит себе путь, и станет безусловной реальностью.

На самом деле, опасения американских феминисток и феминистов, прогрессивных слоев общества не беспочвенные. Резолюция Коуберна может стать “опасным прецедентом” в подходе к “неосуществленному” зародышу как к человеческому существу, наделенному превосходящими или равными с женщинами правами. Конгрессмен Коуберн настаивает на том, что зародыш на 41 дне существования обладает конституционными правами. Эта опасная законодательная инициатива — первый шаг на пути объявления аборта “убийством” с юридической точки зрения.

Противники резолюции Коуберна утверждают, что она подрывает принцип разнообразия, уважения прав личности на разные точки зрения, плюрализма мнений, благодаря которым

выжила американская демократия. Женщины заслуживают право на репродуктивную свободу, а Конституция США им его гарантировала. Это право не должно быть вторичным или подмененным правом зародыша. Никто не имеет права заставить женщину приносить себя, свою жизнь, здоровье или благополучие в жертву. Однако, этот результат будет неизбежным в случае признания прав зародыша как приоритетных по отношению к правам женщины. "Данная резолюция, как справедливо подчеркивает одна из активисток женского движения, — еще один пример бесконечного преследования женщин, которое мужчины позволяют себе во имя двухпартийной политики"⁴.

Существует решение Верховного Суда о том, что не рожденный зародыш не обладает "конституционными правами", и что беременные женщины действительно обладают правами относительно своего собственного выбора — продолжения или прерывания беременности. Решение Верховного Суда 1973 г. несомненно помогает прогрессивной женской общественности и действиям женских НПО по защите своих прав.

Сторонники права на аборт серьезно встревожены судьбой решения Верховного Суда 1973 г., поскольку вновь избранный президент должен будет назначить три новых судьи. Если ими окажутся консерваторы — сторонники "права на жизнь", то при наличии уже в составе Верховного Суда трех членов, ярых противников абортов, судьба решения, легализовавшего аборты, действительно представляется не безоблачной.

В то же время, сторонники "права выбора" добились значительных успехов в 1999 г. в деле репродуктивного здоровья и права: число мер, поддерживающих "право выбора" и введенных в жизнь, увеличилось на 150%. Одним из серьезных успехов стало требование штатов к медицинским страхователям включать в медицинские полисы покрытие противозачаточных средств. Уже десять штатов ввели такие законы в период с 1998-1999 гг.

Бюджет администрации Клинтона на 2000 фин. г. предусматривает 240 млн. долл. для программ планирования семьи - на 25 млн. долл. больше, чем в предыдущем году, что означает самое большое увеличение средств на эти цели за последние 15 лет. Эти средства будут использованы для предотвращения более 1 млн. непреднамеренных беременностей в год путем улучшения сети комплексных медицинских услуг по репродуктивному здравоохранению, а также через расширение доступа к

консультациям и услугам по проблемам предохранения и контрацепции.

Вице-президент Альберт Гор выступил с инициативой о выделении дополнительных средств из федерального бюджета для обеспечения и усиления мер безопасности женских клиник, которые находятся в кризисном состоянии из-за угроз актов насилия в отношении этих лечебных заведений.

Проблему аборт можно решить, лишь решив вопрос о равенстве женщин, которые настаивают на уважительном отношении к себе как дома, так и в общественных структурах. Пока не сложится новый тип общества, в котором женщины и мужчины будут равны, сохраняя, естественно, свои различия, вопрос об абортах будет оставаться спорным.

Женщины и избирательная кампания 2000 г.

В избирательной кампании 2000 г. гендерные проблемы занимают важное место. Не мыслима платформа ни одного кандидата без объяснения позиции по тем вопросам, которые особо касаются интересов американок. Общеизвестно, что, несмотря на все впечатляющие достижения американских женщин за последние десятилетия, полноценный гендерный паритет во всех областях жизни все еще остается желаемой целью для американской демократии, для достижения которой необходимо выравнивание статуса женщин во многих областях жизнедеятельности общества.

Интерес к этим проблемам со стороны кандидатов на пост президента страны столь очевиден, как и понятен: в широком плане его истоки в результатах достаточно развитой на протяжении не одного столетия американской цивилизации, сделавшей ставку на демократическую систему жизнедеятельности общества и управления государством, которая по природе своей предполагает гендерную чувствительность, а в узком — естественные задачи текущей президентской избирательной кампании по привлечению на свою сторону голосов избирателей, среди которых значительно больше женщин со своими критериями выбора⁵.

Шесть приоритетных направлений, с точки зрения интересов женского населения страны, наиболее интенсивно обсуждаются в обществе и в средствах массовой информации: равная оплата за равный труд, здравоохранение женщин; борьба с правонарушением (насилием) в отношении женщин; защита права женщин на аборт; равные возможности в образовании, забота и уход за детьми.

Таким образом, в своих предвыборных платформах основные претенденты от обеих правящих партий — демократической и республиканской — объясняют свою позицию по этому кругу вопросов.

Если учесть опросы женского общественного мнения о них, то совсем не удивительно то, что кандидаты от обеих партий на пост президента уже, начиная с первичных выборов (праймериз), так много говорят о них. Многие американки обеспокоены серьезными проблемами: (как показывают опросы общественного мнения) несправедливостью в оплате труда женщин и мужчин, дискриминацией на рабочем месте, сопротивлением выделению ресурсов на борьбу с раком груди, доступностью к надежным детским учреждениям, насилием в отношении женщин, оплаченным медицинским отпуском для молодых родителей, усилиями по сохранению системы социального обеспечения и стоимостью и доступностью медицинской страховки.

Согласно результатам опроса, проведенного в январе 2000 г. "Лайфтайм Телевижн" - кабельной телесетью "Телевидение для женщин", ставящей своей целью донести до общественного мнения и до "слуха" кандидатов в президенты "голос женщин" в период избирательной кампании, 43% женщин доверяют демократам, а 28% - республиканцам в решении главных проблем страны. При этом 25% женщин выбрали бы Буша, 24% - Гора, 8% поддержали бы МакКейна (республиканец), 8% - Брэдли (демократ).⁶ Треть опрошенных заявляла, что не сделала выбор.

Другой опрос, проведенный EDK Associates, исследовательской фирмой общественного мнения в Нью-Йорк Сити, показал, что 72% опрошенных женщин обеспокоены проблемами гарантий социального обеспечения для будущих поколений более, чем проблемой сокращения налогов; 69% - опасаются за сокращение семейных медицинских пособий; 67% - чувствуют, что дискриминация на рабочем месте в отношении женщин остается проблемой; 63% очень обеспокоены потенциальными рисками для здоровья из-за загрязнения окружающей среды.

Многие женщины считают, что кандидаты не уделяют существенного внимания вышеуказанным проблемам. Так, Билл Брэдли — главный соперник А. Гора от демократической партии в период кампании первичных выборов (праймериз) представлял вопрос об универсальном здравоохранении как основной своей избирательной платформы, делая упор на проблемах детей.

Вице-президент Альберт Гор, нынешний претендент от демократической партии на пост президента страны в 2000 г., еще в бытность свою сенатором от штата Теннесси был известен как сторонник расширения возможностей для женщин⁷. Он работал над проблемой сокращения разрыва в оплате труда женщин и мужчин, выступал за качественные услуги по уходу за детьми, поддерживал программы здравоохранения для женщин и отстаивал права женщин на выбор, т.е. право на аборт. Сегодня его позиция в прошлом стала несомненно частью его политического капитала, привлекательной для женского электората.

Хотя Гор неоднократно подчеркивал существование пяти приоритетных направлений для интересов женского населения страны (равная оплата за равный труд; женское здравоохранение; насилие в отношении женщин, защита права женщин на выбор (на аборт), забота и уход за детьми, однако в своей предвыборной риторике он отводит главное место теме прав женщин, рассматривая ее в контексте тем "женщин на рынке труда", "репродуктивных прав" и "качественного медицинского обслуживания". В частности, Альберт Гор вслед за президентом Клинтонем, заявил: "Я буду привержен целям универсальных прав для тех, кто имеет медицинское страхование; универсальному доступу для всех американских детей; реальному прогрессу в деле доступности качественного здравоохранения для каждой американской семьи".

В активе кандидата-демократа поддержка ассигнований на цели выравнивания оплаты труда мужчин и женщин на 2000 фин. г. Кроме того, вице-президент призывал Конгресс одобрить Закон о справедливости оплаты (the Paycheck Fairness Act⁸), который позволит женщинам привлекать к ответственности работодателей за дискриминацию по признаку пола при оплате труда. Сюзан Бианки-Сэнд, глава Национального Комитета Равенства Оплаты Труда, отметила позитивный вклад А. Гора в дело достижения цели равенства и справедливости в оплате женского и мужского труда. Она, в частности, заявила, что именно благодаря его усилиям проблема равенства оплаты труда получила широкое общественное звучание, и заняла приоритетное место в ряду вопросов политической повестки дня.

Гор поддержал и предложения по расширению границ закона об отпуске (Имеется в виду предоставление работающим больше свободы и вариантов выбора в ситуации конфликта производственных и родительских интересов). Многие из таких предложений были озвучены на Конференции о восстановлении

семьи, которая состоялась в 1996 году, вскоре после Пекинской Женской Конференции.

В мае 2000 г. в Сенате США развернулись острые дебаты по вопросам ассигнований на программы, санкционированные Законом о начальном и среднем образовании (the Elementary and Secondary Education Act (ESEA)). Этот закон — основополагающий документ о федеральной помощи штатным и местным образовательным программам. Напряженность дискуссий объясняется тем, что две правящие партии — демократическая и республиканская — по разному смотрят на роль федерального правительства в данной сфере, во-первых, а во-вторых, избирательная кампания неизбежно подогревает политические баталии.

Если республиканцы давно лелеют мечту ликвидировать Министерство образования, что они доказали неоднократно на протяжении Конгрессов многих созывов, выдвигая соответствующие законодательные предложения, то демократы, напротив, всячески препятствуют этому.

В год президентской избирательной кампании кандидаты проявляют особенную чувствительность к настроениям общества по поводу того или иного вопроса, позиция претендентов по которому непременно скажется на распределении голосов, отданных в поддержку или, напротив, для отрицания. Так случилось с кандидатом от республиканской партии Дж. Бушем, который вынужден был скорректировать свою позицию вопреки идеологическим соображениям своей партии. Он отказался от идеи ликвидации Министерства образования, однако заявил о необходимости других “фундаментальных реформ”. Дело в том, что результаты опросов общественного мнения фиксировали постоянную тенденцию к поддержке федеральной финансовой помощи образованию большинством американского населения.

Демократы, как правило, выступают против радикальных перемен в рамках образовательных программ, поскольку опасаются, что целевые программы помощи бедным и малоимущим студентам окажутся в невыгодном положении. Защитники образовательных программ для девочек и женщин также выражают тревогу за судьбу программ, способствующих гендерному равенству. Они, не без оснований, встревожены попытками их ликвидировать. В обеих палатах — в сенате и в палате представителей — уже выдвигались инициативы по выводу вывода из-под юрисдикции федеральных

законов о гражданских правах школ и классов, состоящих из учеников одного пола. Поскольку подобные инициативы поступают со стороны представителей республиканской партии, это дает основание для многих женских НПО обвинять их в стремлении "искоренить" завоевания сторонников равных прав и равных возможностей в образовании, в частности для девочек и молодых женщин. Основные дебаты в высшем законодательном органе страны, выплескиваемые в СМИ, сосредоточены на вопросах о будущем федеральной помощи образованию на принципах поддержки равных возможностей для женщин и представителей национальных меньшинств.

Сенатор Э. Кеннеди, демократ от штата Массачусетс, — инициатор законопроекта (Закон о возможностях в образовании - S2), который по сути дополняет Закон о начальном и среднем образовании. В целом в законодательной инициативе Кеннеди предусмотрена поддержка многих из основных программ, осуществляемых Министерством образования. Демократы явно готовятся к длительной борьбе.

Сенатор Олимпия Сноу, республиканка от штата Мериленд, инициирует принятие Поправки о гендерном равенстве в образовании, которая позволит школам принимать во внимание гендерный фактор в сферах образовательной технологии, школьной безопасности, подготовки учителей и предотвращении ухода из школы. Очевидно, что предусматривается на самом деле обновление программ равенства, которые были приняты в 1994 г. Явно также, что водораздел не проходит жестко по партийной линии. Факт выдвижения республиканкой вышеуказанной поправки яркое тому свидетельство.

На самом деле, и в нынешней избирательной президентской кампании 2000 года проблема абортотв занимает приоритетное место. Без преувеличения можно сказать, что позиция кандидатов по этой проблеме — лакмусовая бумажка будущей победы. Следует подчеркнуть, что оба кандидата — и Альберт Гор, демократ, и Дж. Буш-младший, республиканец, активно обсуждают проблему абортотв.

Позиция Дж. Буш, кандидата от республиканской партии, сводится к поддержке лозунга «Право на жизнь», допуская абортотв в исключительных случаях — беременность в результате изнасилования, инцеста, или, если есть угроза жизни матери, поддерживает родительское уведомление, запрещение

использования денег налогоплательщиков на медицинские услуги по прерыванию беременности. Он выступает за меры, которые способствовали бы росту желаний иметь приемных детей, предлагая налоговый кредит в размере 5 тыс. долл.. Естественно, он отрицает право на брак между однополыми лицами.

Что касается позиции А. Гор, претендента на президентское кресло от демократической партии, то она недвусмысленна и сводится к последовательной поддержке "права на выбор". Следует подчеркнуть, что позиция А. Гора по этому вопросу воспринимается, что несомненно логично, сквозь призму деяний демократической администрации Клинтона, в которой Гору принадлежит пост вице-президента.

Между тем, администрация Клинтона уделяла заметное внимание, если не сказать приоритетное, данной проблеме. Не случайно Кейт Мишельман, президент Национальной Лиги действий за репродуктивные права и за право на аборт (the National Abortion and Reproductive Rights League), выразила признательность администрации Клинтона в целом, а Альберту Гору, вице-президенту и кандидату от демократической партии на пост президента страны, в частности, за их работу по охране права женщин на выбор. Она сказала: "Вице-президент Гор и Администрация Клинтона всегда выражали приверженность принципам, содержащимся в деле "Роу против Уайд"⁹. Еще будучи сенатором А. Гор выдвинул законопроект ("Закон о свободе выбора"), который стремился превратить в федеральный закон решение суда по делу "Роу против Уайд".

Таким образом, проблемы равной оплаты труда, здравоохранения, абортов, образования в условиях экономически процветающей страны стали остро политическими для всех кандидатов на пост президента страны в избирательном марафоне 2000 г., поскольку задевают интересы среднего класса — активной и самой многочисленной части электората, а американские женщины, как уже отмечалось, большая и наиболее деятельная часть его. Кроме того, американское женское движение, ставшее фактором политической жизни страны, способствует тому, что гендерный компонент стал естественной интегральной частью избирательного процесса в США.

* * *

Предпринятый анализ интеграции женщин в социально-политическую жизнь американского общества позволяет сделать следующие основные выводы.

Интеграция женщин, или естественное вхождение женского населения в сферу активного участия в общественно-государственной деятельности общества, обуславливается не только положением женщины в семье, но прежде всего экономическим развитием страны. Женская активная деятельность за рамками семьи - не прихоть личности, а объективная необходимость эволюционного развития цивилизации. Именно объективные изменения, происходящие как в экономике, так и на рынке труда в США, лежат в основе изменившегося экономического статуса американских женщин. Сегодня экономика американского государства, как и других стран мира, не может существовать без масштабного участия женского населения а общественном производстве. В цивилизованном развитом мире господствует информационная экономика, которая нуждается в высокообразованной рабочей силе и в руководстве, отличным от руководства иерархического типа. Она требует лидерства, способного поддержать жизнеспособность экономики, ее процветание. С одной стороны, повышение эффективности американской экономики - объективный фактор, способствующий учету интересов работников обоего пола, занятых в производстве. С другой стороны, успешное развитие американской экономики предполагает использование интеллектуального и творческого потенциала не только мужского населения, но и женского.

В США государство активно способствовало развитию социальной сферы вообще и в отношении женщин как отдельной группы в частности. Можно утверждать, что деятельность государства в социальной сфере выросла до масштаба социальной функции и стала одной из главных внутренних функций американского государства. Современная государственная политика в отношении женщин как социальной группы отражает не столько линию того или иного правительства, сколько долгосрочный курс всей государственной надстройки, для которого характерны преемственность и последовательность. Этот курс отражает в целом осознание правящими структурами равенства субъектности женского населения, без сознательного участия которого в жизни государства немислимо демократическое

устройство и функционирование ни одной общественной системы, признание объективного вклада и необходимости участия половины сообщества в развитии экономики страны.

Деятельность государства в социальной сфере, и особенно в отношении женщин, складывается в условиях острой политической борьбы, динамического женского политического и социального движения. В ходе этой борьбы ярко проявляются противоречивые интересы различных кругов. В результате как в законодательстве, направленном на ликвидацию дискриминации женщин и создание равных возможностей для обоих полов в государстве, так и в деятельности государства нашли отражение две параллельно существующие тенденции: с одной стороны, стремление создать социальную комфортность и равенство возможностей для женщин, которое будет подкреплено широким женским движением в стране, а с другой - стремление сохранить исторически отжившее положение женщин, которое делает их субъектами истории, «второсортными» гражданами отечества. Поэтому, несмотря на известные и значительные успехи в деле достижения равенства полов в американском обществе, радикально проблема неравенства женщин и мужчин еще не решена. Однако вмешательство государства (федеральные программы, ассигнования, фонды, законодательство) в гендерные конфликты и взаимоотношения женщин и общества создало постоянно действующий механизм регулирования проблем, который закреплен в законодательном порядке. Такая политика имеет важное значение с точки зрения обеспечения социальной и политической стабильности американского общества.

Все изменения в статусе американских женщин, несмотря на их объективную неизбежность, произошли и продолжают реализовываться в результате конкретной длительной и упорной работы женского движения, ставшего фактом и влиятельной силой в политической жизни США. Современное женское движение положило начало широкому открытому обсуждению в стране проблем дискриминации по признаку пола на рабочих местах и разделения их на «мужские» и «женские» сферы общественной и частной жизни.

Женское движение способствовало законодательному запрещению дискриминации по признаку пола. Сегодня федеральное и штатное законодательство гарантирует женщинам равное право на работу, образование, получение кредитов,

строительство жилья. Именно женское движение настаивало на утверждении права на труд как высшего приоритета для женщин. Принятые законодательные акты о равной оплате труда и ст. VII Закона о гражданских правах - действенный инструмент в механизме применения права на равный труд для женщин.

Решения суда, законодательство на уровне штатов, переговоры профсоюзных объединений с работодателями - все это помогало в борьбе за улучшение экономического статуса женщин. Экономически независимая женщина меняет семейные отношения в сторону улучшения своего положения и равенства с супругом.

Однако женщина продолжает нести двойную нагрузку - на работе и дома. Развитие сети дошкольных детских учреждений представляет огромный интерес не только для матерей, но и для обоих работающих родителей. Хотя уже многие работодатели предлагают в качестве пособий детские дошкольные учреждения для детей своих сотрудников и очевидна тенденция роста таких предложений, поскольку наниматель стремится изыскать возможности для привлечения и закрепления на своих рабочих местах работников, однако проблема устройства детей в дошкольные учреждения продолжает быть насущной и ждет своего решения. С учетом требований на рынке труда эта тенденция будет нарастать.

Женское движение в США отрицает предоставление родительских специальных льгот только матери, считая, что такая постановка вопроса поставит женщину в невыгодное положение на рынке труда, приведет к неравенству на рабочем месте, направленному против женщин. Поэтому оно настаивало на предоставлении обоим родителям льгот, необходимых для выполнения их семейных и родительских обязанностей. В женском движении давно произошло осознание того, что только право равного доступа женщины к найму на работу не решит проблем, с которыми сталкивается работающая женщина - мать и жена. Необходимо создать в обществе равные возможности для мужчин и женщин с учетом реалий жизни.

До 60-х годов женское движение боролось за равный доступ для женщин к работе, и не подвергались сомнению нравственные нормы, господствующие в обществе и возлагавшие на них одних ответственность за уход и воспитание детей. Убеждение феминисток 60-х гг. в том, что оба родителя, мужчина и женщина, должны делить ответственность за детей и бюджет

семьи, означало необходимость пересмотра приоритетов и реорганизацию производства с учетом необходимости выполнения семейных обязанностей работников независимо от пола.

Американское общество значительно продвинулось по пути признания приоритетности семейных обязанностей обоих родителей и супругов наряду с общественным производством. Указ N 12606 от 2 сентября 1987 г. «Семья», изданный президентом с целью пересмотра всех регулирующих инструкций федерального правительства в духе уважения к семейным обязанностям во имя стабильности семьи, - одно из ярких доказательств таких перемен в обществе.

Сегодня в США женщины и мужчины имеют больше возможностей для выбора своего пути в жизни по сравнению с тем, что они имели раньше. Хотя соотношение числа женщин и мужчин в высших эшелонах власти остается пока не в пользу женщин, однако возможности женщин в принятии решений возросли. В стране появился новый тип избирателей-женщин, поддерживающих женщин-кандидатов. Так, Национальная женская организация, объединяющая десятки тысяч американок, как правило, воздерживающаяся на выборах президента от поддержки кандидатов, заявила, что она официально выступит в поддержку Клинтона, если он сделает кандидатом в вице-президенты женщину.

Продвижение женщин на политическом поприще свидетельствует об изменениях в обществе взгляда на социальные роли мужчин и женщин и демонстрирует тот факт, что рассматриваемый столетиями как естественный порядок вещей может фундаментально меняться. Однако изменение невозможно само по себе. Необходима большая работа по социальному реформаторству во имя созидания истинно демократического общественного устройства. Женское движение - составляющая часть активно созидающей социальной силы в обществе, которая вплетает в ткань общественно-политической и экономической жизни новые приоритеты, отвергая старые установки: безопасный мир вместо гонки вооружений, социальные расходы вместо миллиардного военного бюджета, чистая окружающая среда вместо эгоистической эксплуатации природы и загрязнения во имя сверхприбылей производителей, свобода выбора личности в условиях реальных и равных возможностей для такого выбора

вместо ущемления и дискриминации.

Нельзя говорить о гендерном паритете в политике и во власти в США: демократия все еще в процессе становления. Однако, в целом наблюдается долгосрочная и стабильная тенденция к росту числа женщин на выборных постах высшего эшелона исполнительной и законодательной ветвей власти как на уровне федерального, так и штатного правительств. Ей сопутствует и другая - тенденция к росту числа политических назначенцев на высокие посты в руководстве государством. Обе правящие партии проводят осознанную политику в этом направлении, хотя исторически демократическая партия преуспела больше в привлечении женщин в активную политическую деятельность. Это позволяет сделать вывод о том, что американской правящей элите не чуждо понимание модели партнерства как исторической неизбежности в условиях современного уровня технологического развития. А это дает основания для реалистического оптимизма в отношении партнерства между мужчинами и женщинами во всех областях жизни, включая и политическую сферу.

Таким образом, политика в отношении женского населения США в канун 21-го века - это закономерный результат развития социально-политических процессов в американском обществе по совершенствованию его демократического устройства. Этот процесс длится уже не первое десятилетие, и, вряд ли, прекратится завтра. В современном своем звучании процесс демократизации общественных отношений приобретает конкретную форму оптимизации гендерных отношений в социуме. Поскольку любая политика имеет корни в обществе и отражает доминирующие ценности, то политика в отношении женщин в США становится не чем иным, как новой попыткой социального контракта, в котором мужчины и женщины работают в равенстве и дополняют друг друга, взаимно обогащаясь благодаря своим различиям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. CAWP, Fact Sheet. Women's PACs and Donor Networks: A Contact List, 2/12/22.
2. CAWP. Women in State Legislatures: Modest Gains Set New Record in 1998 Election, Exciting Opportunities Lie Ahead. November, 24, 1998.
3. CRS Issue Brief. Women's Issues in the 102d Congress: National NOW Times, summer 1998, p.12, col.1.

4. PRESIDENT CLINTON AND VICE PRESIDENT GORE <TITLE> Supporting Women and Families «/WH/html/helpdsk.html»>01.19.1999.
5. Response. To the Victimizatlon of Women and Children. Vol.12, Number 1, 1989.
6. The American Women 1988-1989 A Status Report. W.W. Norton & Company. New York; London, 1989.
7. The American Women 1994-1995. Where We Stand. Women and Health. W.W. Norton & Company. New York; London, 1989
8. The Gender Gap". CAWP Fact Sheet (Center for The American Women and Politics/ Eaglton Institute of Politics – Rutgers University). 2/12/99.
9. The Time. 1992-1993.
10. The Women's Dialogue USA/USSR. 1990-1992.
11. Congress. Senate. Committee on Labor and Human Resources. Act of Better Child Care Services of 1989. Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1989. Report N 101-17.
12. Congress. House. Hearing on H.R.2. the Family and Medical Leave Act of 1991. 102d Congress, 1st Session. Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1991.
13. United Nations. The World's Women 1970-1990. UN Publications, 1991.
14. US Congress. House. Committee on Education and Labor. Family and Medical Leave Ast of 1989. Hearing, 101st Congress, 1st Session. Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1989. Serial N 101-2.
15. Women Hold Up Half The Sky: Vision and Voices for the 1990s. An Iowa Division, United Nations Association. USA. 1990.
16. Айвазова С.Г. "Русские женщины в лабиринте равноправия". Москва: РИК Русанова, 1998.
17. Доклад о развитии человека за 1995 год. Подгтовлен по заказу Программы развития Организации Объединенных Наций. (ПРОООН), 1995 г.
18. Феминизм: проза, мемуары, письма. М.,1992.
19. NCJW Center for The Child Report. August 1988.
20. Selected Legislation. Updated October 1, 1992. Congressional Research Service. The Library of Congress. 1992.
21. USA Today. Febr. 12. 1993.
22. The New York Times, December 14, 1997.
23. CAWP. Facts Sheets. February 12, 1999.
24. The New York Times, January 27, 2000.
25. NOW Legislative Update May 10, 2000
26. NOW Legislative Update May 10, 2000.
27. The Washington Post. 1995-2000.
28. CRS Issue Brief. Parental Leave Legislation. Updated October 1, 1992. Congressional Research Service. The Library of Congress. 1992.
29. CRS Issue Brief. Abortion: Judicial Control. Updated October 27,

1992. Congressional Research Service. The Library of Congress. 1992.

30. CAWP. Women's Electoral Success: A Familiar Formula. November 25, 1998.

1 Так, благодаря поддержке Бюро был создан **Вашингтонский союз женщин - альянс лидеров женских союзов** для обмена информацией и организации подготовки женщин к работе на руководящих постах. Представители Вашингтонского союза женщин в течение 70-х гг. неоднократно встречались с членами Бюро по женскому найму Министерства труда США для координации своих усилий и выработки совместной тактики.

В создании Коалиции женщин - членов профсоюзов, которая стала не только связующим звеном между женщинами - членами многочисленных профсоюзов страны, но и рупором интересов женщин-тружениц, Бюро принимало самое непосредственное и масштабное участие, оказывая финансовую поддержку на начальной стадии движения.

2 NOW Lagislative Update May 10, 2000.

3 PRESIDENT CLINTON AND VICE PRESIDENT GORE </TITLE> Supporting Women and Families «/WH/html/helpdsk.html»>01.19.1999.

4 NOW Legislative Update May 10, 2000, p.20.

5 Подробнее см. параграф "Женский электорат".


6 The New York Times, January 27, 2000.

7 Так, Альберт Гор был инициатором Закона о гражданских правах 1990 года (The Civil Rights Act of 1990), который предусматривал целый ряд мер, облегчающих борьбу женщин за свои права в судебном порядке. В то время президент Буш наложил вето на этот законопроект, а попытка сената преодолеть вето президента не увенчалась успехом.

8 Законопроект (the Paycheck Fairness Act - S.74/H.R.41), представленный в Конгрессе сенатором Томом Дашлом (демократ от штата Южная Дакота) и депутаткой палаты представителей Розой ДеЛауро (демократкой от штата Коннектикут), отражает позицию администрации и рассматривается некоторыми женскими организациями как менее благоприятный с точки зрения интересов малоимущих женщин по сравнению с другим биллем на эту же тему с близким названием "Закон о справедливой оплате" (the Fair Pay Act (S702/H.R.1271), инициатором которого стали сенатор Том Харкин (демократ от штата Айова) и депутатка Элеонор Холмс (демократка от Округа Колумбия).

9 Решение Верховного Суда по этому делу от 1972 г. легализовало право женщины на аборт.

О. В. Попова
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И
ГОСУДАРСТВА
В СССР: ТРАДИЦИИ И ОПЫТ

 Современная российская историческая наука переживает нелегкие времена, разнообразие концептуальных и методологических подходов в оценке как всего мирового развития, так и конкретных исторических событий осложняет задачи научного анализа. Вместе с тем этот плюрализм позволяет шире взглянуть на исторический процесс в целом, глубже понять общие закономерности и национальные особенности исторического развития стран и народов, определить место нашего государства в общем потоке истории. Известно, что своеобразие России заключено в том, что она всегда была носителем духовного начала, колыбелью культуры. На протяжении многих столетий основой русской духовной жизни являлось православие. Оно рассматривается многими исследователями не только как церковная традиция, но и как цивилизационная доминанта, предопределившая весь путь развития России. Именно православие с его системой нравственных ценностей стало тем социальным механизмом, который сохранял и воспроизводил ментальное и социальное единство российского общества на крутых поворотах истории, не давал ему расчлениться и разрушиться. Сегодня, переосмысливая отечественную историю, мучительно отыскивая новые нравственные ориентиры, мы вновь и вновь возвращаемся к проблемам русской духовности, к истокам православия, к истории Русской православной церкви.

Данная статья - попытка рассмотреть некоторые вопросы этой богатейшей истории, показать, как в первые десятилетия Советской власти, накануне и в годы Великой Отечественной войны, несмотря на жесточайший политический пресс и ограничения, Русская православная церковь, следуя духовному долгу, вместе со всем народом верующим и неверующим поднялась на защиту самого святого - Земли русской. Как церковь исполнила этот долг, как складывались ее отношения с властью, какие факторы оказывали влияние на этот процесс, какова роль церкви в жизни людей оказавшихся на временно оккупированной территории - все эти вопросы в той или иной степени отражены в данной статье. Основными источниками исследования явились документы по истории Православной церкви, хранящиеся в разных архивах, собранные и опубликованные в 1995 году [1], а также материалы Государственного архива Псковской области (ГАПО), древлехранилища Псковского государственного музея-заповедника и архива УФСБ по Псковской области.

Историография проблемы

Историография данной проблемы не очень обширна, но довольно сложна, в ней отчетливо обозначаются два периода. Первый - советский период; второй - постсоветский (с начала 90-х годов). В советский период опубликованных работ очень мало, они посвящены вопросам общей истории церкви [2]. Сведения о деятельности церкви на временно оккупированной территории нашей страны в годы войны содержались в работах, освещающих борьбу советского народа против фашистского режима. В нашей краеведческой литературе этому вопросу посвящались несколько строк с традиционно негативной оценкой деятельности церкви в период оккупации [3]. Правда, в этот же период на Западе выходят серьезные работы по истории Русской православной церкви в советский период. Над этой темой работали Никита Струве, Джон Кертис, Метью, Спинки и др. [4], но, к сожалению, советским историкам их работы были недоступны. Положение существенно изменилось в 90-ые годы. Духовное возрождение нашей страны неразрывно связано с возрождением церкви, с изменением ее роли в обществе, поэтому не случайно возникла потребность обратиться к истории Русской православной церкви. Прежде всего, были переизданы уже имеющиеся труды, в том числе и переводные, а также опубликованы новые исследования общего характера,

отражающие всю историю церкви [5]. Различные аспекты ее деятельности нашли отражение в публикациях научной периодической печати [6].

Но, несмотря на значительное количество уже опубликованных материалов, тема эта далеко не исчерпана, так как широкий круг вопросов все еще остается вне поля зрения историков. Краткий историографический анализ показывает, что история Русской православной церкви становится одной из актуальнейших научных проблем, ее разработка имеет уже определенные научные результаты: достаточно изучены и освещены в печати вопросы о синодальном периоде Русской православной церкви, о положении церкви в первые годы Советской власти, о церковных расколах в 20-30 годы двадцатого века и др. Вместе с тем по-прежнему много «белых пятен» в вопросе о взаимоотношениях церкви и власти в разные периоды советской истории, мало исследованы факторы, которые влияли на эти взаимоотношения, слабо обозначены истоки и исторические традиции конформизма церкви в советский период и т. д. Дополнительных разработок требует вопрос о деятельности церкви в период Великой Отечественной войны и совсем нет специальных работ, посвященных жизни и деятельности церкви на временно оккупированной территории. Данный материал и является попыткой восполнить некоторые пробелы в разработке темы.

Исторические истоки конформизма русской православной церкви

Чтобы понять объективные причины и побудительные мотивы поведения церкви в годы Великой Отечественной войны, необходим небольшой экскурс в историю Православной церкви и ее отношений с властью. Строительство отношений между церковью и властью всегда было серьезным вопросом истории любой страны. Католический Запад, решая эту проблему, выдвинул принцип теократии- божественности власти-, православная Русь переняла Византийский опыт и идеалы «симфонии», которые предусматривали единство целей, но разграничивали сферы влияния светской и духовной власти. После падения Константинополя, Русь стала центром православия, создав свою идеологию - «русское православие есть большее и высшее, чем греческое, русский народ призван занять первенствующее положение в православном мире вместо греков, русский государь должен заступить в православной церкви место византийского императора.» [7].

Реформы Петра I, направленные на преодоление замкнутости России, затронули и церковь. Создавая Синод Петр отверг старую идеологию «Москва - третий Рим» и попытался заставить церковь служить задачам государственного строительства. Все исследователи отмечают, что синодальный период истории церкви, длившийся со времен Петра I до 1917 г., означал диктатуру гражданской чиновничьей власти над церковью. Подобную систему ряд исследователей истории церкви называют «полицейской». «Полицейзм», - пишет протоиерей Флоровский, - есть замысел построить и «регулярно сочинить» всю жизнь страны и народа, жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной или общей пользы. И учредить предполагается не меньшее, чем всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту - «блаженство» ... В своем попечительском вдохновении полицейское государство неизменно оборачивается против церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от церкви, отбирает на себя, берет на себя ее собственные задачи. Берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа.» [8]. Подобное положение приводило к тому, что церковь становилась государственным ведомством наряду с другими ведомствами, в народном сознании ее служители сливались с представителями власти, были ответственными за действия и политику этой власти. Социальный протест неминуемо вел к размыванию веры и ослаблению церкви. В течение десятилетий Синод возглавляли люди ограниченные, зачастую мало интересовавшиеся жизнью церкви и ее проблемами, требовавшие беспрекословного подчинения интересов церкви интересам государства, воле самодержца. Именно в этом нужно искать истоки конформизма церкви, поскольку в течение столетий складывались традиции лояльности власти, полной подчиненности ей в любых условиях. Более того, в самом православии господствовала идея божественности власти, что полностью исключало попытки борьбы с ней. (В данном случае речь идет не о различных еретических и сектантских течениях, вставших на путь этой борьбы, а о позиции официальной церкви). Даже когда во второй половине XIX в. началось оживление всей общественной жизни страны, церковь осталась в стороне. Великие реформы не затронули ее, более того, Земское положение от 1890 г. и Городское положение от 1692 г. запрещали православному духовенству избираться в Земские губернские и уездные учреждения и Городские думы, и даже

принимать участие в выборах. Тем самым церковь изолировалась от общественных движений.

Однако, церковь сама стала предпринимать попытки диалога с различными движениями и социальными группами. В начале XX в. в Петербурге открываются религиозно-философские собрания, встречи духовенства с представителями прогрессивной интеллигенции, на которых обсуждались вопросы дальнейшего развития страны и церкви. (Протоколы этих собраний публиковались в журнале «Новый путь»). Именно тогда возникла идея созыва Поместного Собора и восстановления патриаршества. Активнейшим участником этих встреч был ректор Петербургской духовной академии, блестяще образованный и либерально настроенный Сергей [Страгородский], будущий патриарх. После опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. в стране была провозглашена свобода совести, а в 1906 г. было принято сначала Временное постановление, а затем Указ о веротерпимости. В том же году было создано Предсоборное присутствие с участием епископов, духовных лиц, ученых и общественных деятелей, подготовившее необходимые документы для созыва Собора, но осуществить проекты не удалось.

К 1914 г. по официальной статистике в России было 117 миллионов православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, на территории России находилось 48 тысяч приходских храмов, в которых служили 50 тысяч священников, а кроме того, в ведении церкви были 35 тысяч начальных школ и 58 семинарий [9]. В России также существовали 953 монастыря с общим числом монахов, монахинь и послушников около 100 тысяч человек [10]. Первая мировая война серьезно повлияла на положение церкви и еще дальше отложила вопрос о созыве Собора, но революционные события 1917 г. разрешили этот вопрос неожиданно быстро.

Временное правительство во главе с кн. Львовым распустило старый Синод и разрешило созыв Всероссийского Поместного церковного собора. Работа по подготовке была возложена на Предсоборный совет духовенства и мирян, который начал свою работу в июне 1917 г. Результаты подготовительной работы сказались очень быстро, 15 (28) августа 1917 г. в Москве открылся Поместный собор, который не созывался свыше 200 лет. Для участия в нем были избраны 564 депутата, около половины были миряне [11]. (Кстати, одним из участников Поместного собора

был К. Зайц, впоследствии возглавивший Управление Псковской православной миссии, возникшее в годы Великой Отечественной войны). Идею о необходимости выбора патриарха разделяли не все участники Собора, обсуждение было очень острым, часть депутатов даже покинула заседание. В конце - концов Патриарх был избран - им стал митрополит Московский Тихон [Белавин]. 18 декабря 1917 г. новый Патриарх обратился с посланием к своей пастве, возвещая о своем вступлении на патриарший престол [12].

Взаимоотношения Советской власти и церкви в 1917-1940 гг.

Но Октябрьские события и установление Советской власти осложнили положение церкви. С самых первых шагов отношения с новой властью складывались трагически. Декрет о земле (8 ноября 1917 г.) лишил церковь собственности на землю, а в декабре все церковные школы были переданы в Комиссариат просвещения. Лишилась церковь всех своих семинарий, духовных училищ и академий. В том же месяце был аннулирован церковный брак и введен гражданский, а 20 января (2 февраля) 1918 г. был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви [13]. В ответ на этот Декрет Священный Собор обратился с «Воззванием» к православному народу, в котором содержались такие слова: «... От века неслыханное творится у нас на Руси святой... Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами ...устанавливают полное насилие над совестью верующих... Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [14]. По сути это означало войну между церковью и новой властью. Но ни традиций такой войны, ни средств для ее ведения у церкви не было. Власть же не скупилась на репрессии, непримиримая позиция новоиспеченного патриарха ее раздражала.

В начале 20-х годов отношения еще больше обострились, в стране разразился голод и Советское правительство в целях сбора средств, в помощь голодающим, приняло решение об изъятии церковных ценностей. Цель была благородная, христианская, но методы, которыми проводились изъятия, привели к стоическому сопротивлению церкви, в результате которого погибли многие иерархи, священники и даже миряне, сопротивлявшиеся конфискации. Сопротивление еще больше ожесточало власть. В

секретном письме от 19 марта 1922 г. Ленин писал Молотову: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать.» [15].

Положение церкви осложнялось внутренним расколом и появлением «обновленцев», которые требовали модернизации церковных обрядов и некоторых норм церковной жизни. В борьбе против патриарха «обновленцы» прибегали к поддержке новой власти, тем самым создавая прецедент использования церкви в политических целях и традиции сотрудничества с особыми органами власти. Эти традиции развивались и укреплялись на протяжении всего советского периода. Жесткие меры, предпринятые властью, привели к аресту в мае 1922 г. патриарха Тихона. Несмотря на протесты верующих и всей прогрессивной мировой общественности патриарх находился под арестом больше года. Условием освобождения было его публичное заявление о лояльности к Советской власти, которое он и подписал в июне 1923 г. Таким образом, битву с властью церковь проиграла. Несмотря на освобождение Тихона, советская печать продолжала называть его «бывшим патриархом», назначенные им на местах епископы высылались, а епархиальные управления закрывались.

В течение 20-х годов были приняты ряд антицерковных постановлений. В 1925 г. были запрещены всякие церковные процессии или службы вне церковных стен, в том же году был создан Союз воинствующих безбожников, насчитывающий к началу 30-х годов свыше 5 млн. членов. В апреле 1925 г. патриарх Тихон умер, Советское правительство не разрешило выборов нового. В завещании Тихона были названы три архиерея, которые могли бы возглавить церковь, но все они один за другим были арестованы. Последний из них митрополит Петр [Полянский] успел назначить на случай своего ареста местоблюстителем патриаршего престола митрополита Сергия [Страгородского], который фактически и возглавил Русскую православную церковь. В июле 1927 г. Сергий выступил с Декларацией, в которой определял отношение церкви к государству: «Мы хотим быть православными и в тоже время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой - наши радости и успехи, а неудачи - наши неудачи» [16]. Декларация Сергия

вызвала неоднозначную реакцию как среди духовенства, так и среди мирян. Сегодня она по-прежнему вызывает разные оценки в исторической литературе. С одной стороны, лояльность Сергия позволила Русской православной церкви выжить, с другой - вся структура церкви, все ее институты были полностью подчинены власти. Чем больше церковь шла на компромиссы с властью, тем больше теряла свою самостоятельность, свое лицо и свою паству.

Репрессии 1936-37 гг. ударили и по православному духовенству из 163 епископов, служивших церкви в 1914 г., к концу 30-х осталось лишь 4, сотни священников были арестованы и находились в лагерях и тюрьма. По иронии судьбы местом заключения для многих из них был Соловецкий монастырь. Точное число жертв репрессий не установлено, но расчеты некоторых исследователей дают основание полагать, что в 30-40-е годы были арестованы или ликвидированы более 45 тысяч священнослужителей [17].

Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны

Таким образом, несмотря на конформизм Сергия к началу Великой Отечественной войны церковная жизнь в стране была почти полностью разрушена. Если в 1917 г. в России действовали 57 тысяч храмов, то в 1941 г. их осталось около трех тысяч, причем, 90 процентов их находилось на территории, вошедшей в состав СССР в 1939-1940 гг. Церкви эти продолжали работать. С целью налаживания отношений с новым населением правительство их не закрыло, более того, гонения на церковь были приостановлены по всей стране, создавая видимость религиозной терпимости. Внезапное нападение Гитлера на СССР в июне 1941 г. ошеломило Сталина, ему не хватило мужества самому объявить об этом стране. Первым с Посланием к народу в день начала войны обратился митрополит Сергей. Символично, что день начала войны совпал с днем Всех святых земли Русской, именем этих святых и клялся Сергей обращаясь к своей пастве: «...Фашиствующие разбойники напали на нашу родину..... повторяются времена Батюга, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Но не первый раз приходится русскому народу выдержать тяжкие испытания. С Божией помощью он развеет в прах фашистскую вражескую силу. ... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных земель нашей родины»[18]. Это обращение было началом активного участия Сергия в

патриотической борьбе. В октябре 1941 г. митрополит Сергей был эвакуирован в Ульяновск. Сталин ему не очень доверял, и, по-видимому, опасался, что Сергей может последовать примеру Прибалтийского экзарха, вступившего на путь сотрудничества с немецкими оккупационными войсками. Учитывая настороженность власти, Сергей предпринял ряд шагов, второе его послание осуждало священнослужителей, вступивших на путь сотрудничества с немцами. В июне 1942 г. он выступил со специальным посланием в поддержку партизанской войны: «Может быть не всякому можно вступить в партизанские отряды и разделить их горе, опасности и подвиги, но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески» - говорилось в нем [19]. Хотя Сталин и осторожничал, но отношение власти к церкви стало заметно меняться. Есть свидетельства, правда не подтвержденные документами, что первая краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием состоялась еще в июле 1941 года. Сам факт, что власти не препятствовали распространению посланий Сергия свидетельствовал о «потеплении» отношений, за весь период войны Сергей обращался к своей пастве и ко всему русскому народу свыше 20 раз, откликаясь на все важнейшие события войны. Митрополит Московский Николай был включен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, совершенных фашистами на оккупированных территориях; этот факт свидетельствовало о признании церкви. Кроме того, в 1942 г. была выпущена книга «Правда о религии в России» [20], предисловие было написано митрополитом Сергием, в котором содержались заверения о полной свободе религии в России, звучали они не очень убедительно, но таковы были правила игры, навязанные властями. Правда, и власть шла на серьезные уступки.

В 1942 г. в Москве и других городах было разрешено совершить пасхальный крестный ход вокруг церкви (впервые после запрета 1925 г.). Церкви была передана типография Союза воинствующих безбожников, практически переставшего существовать. Митрополиту Алексию было разрешено остаться в осажденном Ленинграде, чтобы своими проповедями поднимать дух ленинградцев. Именно Алексей был инициатором сбора средств в фонд обороны страны, специальный банковский счет был

открыт в январе 1943 г. по личному разрешению Сталина, этот факт знаменателен тем, что церковь становилась юридическим лицом. [21] Только в Ленинграде пожертвования в церковный фонд к 1944 г. составили 3 182 143 рубля, а по всей стране было собрано 150 млн. рублей [22], к концу войны эта сумма достигла 300 миллионов рублей [23].

Главные перемены в жизни церкви произошли после встречи Сталина с тремя митрополитами в сентябре 1943 г.: местоблюстителем патриаршего престола Сергием, митрополитом Ленинградским Алексием и Киевским - Николаем. На этой встрече обсуждались важнейшие вопросы жизни церкви - об открытии новых приходов, о восстановлении церковных учебных заведений, об издании печатного органа и др. Результатом этой встречи была спешная подготовка и созыв 8 сентября 1943 г. Собора епископов в Москве. На нем с докладами о патриотической работе церкви в течение двух военных лет выступали патриарший местоблюститель Сергей и митрополит Ленинградский Алексий. Но главным итогом Собора было избрание Сергея Патриархом Всея Руси. Тогда же был создан Священный Синод, состоящий из трех постоянных и трех временных членов. На Соборе были осуждены священнослужители сотрудничающие с фашистскими оккупационными властями, они объявлялись отлученными от церкви и лишенными сана. После избрания Сергей прожил всего несколько месяцев и скончался в мае 1944 г., не дожив ни до Великой Победы, ни до осуществления всех своих главных целей.

Первый настоящий Поместный Собор проходил с 31 января по 4 февраля 1945 г., на нем был избран новый патриарх Алексий [Симанский], бывший митрополит Ленинградский, а также утверждено новое Положение об управлении Русской Православной церковью. Авторитет и влияние церкви выросли настолько, что Сталин вынужден был согласиться на проведение Собора и избрание патриарха, платой за это было почти полное подчинение церкви светской власти, полный контроль за ее деятельностью. В 1943 г. был создан Совет по делам русской православной церкви. Это был своеобразный компромисс между церковью и властью, церковь расширяла границы своей деятельности, а власть получала ее полную поддержку. Тщательный контроль за деятельностью церкви осуществляли органы госбезопасности, не случайно первым председателем Совета был тогда еще полковник госбезопасности Г. Карпов [24]. Именно тогда волею судьбы некоторые

священнослужители были «мобилизованы» органами безопасности в качестве секретных сотрудников, о чем в последние годы неоднократно говорил в своих публичных выступлениях Глеб Якунин. Конечно, традиции такого сотрудничества зародились не в советский период, а гораздо раньше. Чтобы понять, как тесно порой переплетались судьбы церкви и власти достаточно вспомнить трагическую судьбу о. Гапона, поплатившегося своей жизнью за связь с царской охранкой.

Псковская православная миссия: отношения с немецкими оккупационными властями

Если отношения церкви с властью на советской территории постепенно налаживались, церковная жизнь оживлялась с санкции советских властей и под покровительством самого Сталина, то на оккупированной немцами территории церковь оказалась в сложном положении. К началу нападения на Советский Союз у Гитлера уже был печальный опыт общения с церковью в самой Германии. Христианская церковь в Германии была представлена двумя основными конфессиями католической и протестантской. Вопрос о взаимоотношении их с властью в нашей исторической литературе уже поднимался [25]. Церковная автономия в Германии была закреплена конституционно, в период становления фашистской диктатуры внутри церкви шла борьба между антинацистскими силами и конформистами, готовыми идти на уступки фашистскому режиму ради сохранения церкви. В результате 20 июля 1933 г. между Святым престолом и нацистской Германией был заключен так называемый конкордат. Церковь брала на себя обязательство уважать конституционно образованное правительство и не заниматься политической деятельностью, а власть - соблюдать конституционный статус церкви, который уже сложился, свободу вероисповедания, свободу деятельности церковных институтов, собственные школы и т.д. [26]. Но церковь категорически отказывалась проповедовать чужеземнонацистские идеи фашизма. Конфронтация достигла предела в 1937 г., когда НСДАП объявила о массовом выходе своих членов из христианской церкви. Начались гонения на священнослужителей, значительная часть их была мобилизована в армию, церковная пресса полностью запрещена.

Стойкость церкви показала, что власть проиграла битву с ней, но этот неудачный опыт позволил режиму извлечь кое-какие

уроки и использовать их в период войны с Советским Союзом. Гитлер еще до нападения на Советский Союз предпринимал попытки установить контакты с православными эмигрантскими организациями, но эти попытки не были особенно настойчивыми и не привели ни к каким результатам. Более того, с самых первых месяцев оккупации части территории СССР, иллюзии бывших российских эмигрантов о возможности с помощью Гитлера свергнуть Советскую власть и создать новое национальное правительство быстро рассеялись. Во-первых, учрежденное Гитлером Министерство занятых восточных областей возглавил отъявленный расист и ненавистник всего русского А. Розенберг; во-вторых, быстро распространились многочисленные свидетельства о зверствах немецких оккупантов по отношению к военнопленным и мирным жителям, что наглядно раскрывало цели германского нашествия; в-третьих, немецкие власти по сути закрыли путь русским эмигрантам на родину, лишь особо приближенные к властям получили право вернуться. Часть эмигрантских организаций - в частности НТС- предприняли попытку направить своих членов в оккупированные районы с целью нелегального проникновения их в местные органы гражданского управления, чтобы «извлекать их из-под немецкого влияния, придавать им черты будущей русской, а не немецкой власти» [27]. Но эти попытки серьезных результатов не имели.

В первые месяцы войны значительная часть территории нашей страны была оккупирована немецкими войсками, в условиях оккупации осталось около 2 миллионов человек. Для административно-хозяйственного управления была выделена территория, получившая название Северная Россия, граница ее проходила по нашему краю, по линии Псков - Дно - Старая Русса. Оккупационная власть осуществлялась окружной военно-полевой комендатурой во главе с генералом Гофманом и военной комендатурой Пскова во главе с майором Миллером. Наряду с военной властью был сформирован аппарат гражданской администрации - городские и районные управления. Псковское городское управление было самым крупным, в нем были созданы финансовый, торговый, жилищно-строительный, сельскохозяйственный, юридический, топливный отделы, а также отделы народного образования и здравоохранения. Управлению подчинялись городская полиция, пожарная команда, санитарная инспекция, городская амбулатория, ветлечебница, детский приют и т.д. Всего в

городском управлении работало 1200 служащих [28]. Если отбросить этическую сторону вопроса, пособничество немецким оккупационным властям, то надо признать, что Городское управление проделало большую работу по обустройству жизни разрушенного города. Обеспечение жильем, топливом, продовольствием, работой население 30-ти тысячного города, открытие школ, медицинских пунктов, приютов для сирот - все это взяла на себя гражданская администрация. Финансовые же возможности Управления были очень ограничены, военная власть мало интересовалась проблемами городского населения, все доходы поступали в кассу немецкой комендатуры, а для нужд города финотделу отпускалось всего 3000 рублей или 300 немецких марок [29], конечно такая ничтожная сумма покрыть потребности города не могла. Самым страшным было то, что фашисты вознамерились установить свой «новый порядок», который якобы нес избавление от «тирании большевиков». Устанавливался этот порядок с помощью жестких, репрессивных, карательных мер. Сущность оккупационного режима и его трагические последствия достаточно подробно описаны в нашей исторической литературе.

Но наряду с карательными мерами оккупационные власти предприняли попытку привлечь на свою сторону часть населения, использовать так называемый «русский шанс». С этой целью была развернута широчайшая пропаганда нацистских идей, преимуществ «нового порядка», райской жизни в «освобожденной Европе» и т. д. Был создан разветвленный пропагандистский аппарат, на вершине которого - Министерство пропаганды, руководимое И. Геббельсом. В каждой армии были роты и взводы пропаганды, при городских управах - отделы пропаганды, на местах создавались специальные просветительские дома. На службу пропаганды была поставлена периодическая печать. На территории нашего края выходили десятки газет, первая газета оккупационных властей «Псковский вестник» вышла уже в августе 1941 г., а с осени 1942 г. стала выходить ежедневная газета «За Родину». В том же году систематически заработало псковское радио. Идеологическая работа широко велась в школах. Целям пропаганды были подчинены все массовые мероприятия - День жатвы, Праздник урожая, православные праздники. Тотальная идеологическая обработка и репрессии, успехи немецкой армии в первые месяцы войны и отсутствие объективной информации - все это вызывало растерянность у населения, подрывало моральные силы и стойкость.

В эти тяжкие дни православная церковь взяла на себя заботу о тех простых людях, которые не были ни героями, ни борцами, а были просто растеряны и напуганы. Конечно, на оккупированной территории сразу же развернулось антифашистское сопротивление, были созданы нелегальные партийные органы, подпольные организации, партизанские отряды - эта героическая борьба изучается историками уже многие десятилетия и еще будет изучаться, память о ней вечна. Деятельность же православной церкви в период оккупации изучена слабо, а между тем, церковь была единственным институтом, который действовал абсолютно легально и открыто, что позволяло устанавливать контакты практически со всем населением.

С самых первых дней оккупации стала действовать «Православная миссия в освобожденных районах России», известная в истории как Псковская православная миссия. Предыстория ее создания такова: после присоединения Прибалтики, в феврале 1941 г. Московская патриархия учредила Прибалтийский экзархат, в состав которого вошли епархии Прибалтийских республик. Это была особая митрополичья область, возглавил которую митрополит Литовский и Виленский Сергей [Воскресенский]. С началом войны, в ходе наступления германских войск Сергею было предписано эвакуироваться вместе с отступающими нашими частями, но он этого предписания не выполнил. Мотивы этого его поступка не известны, так как он погиб весной 1944 г. при невыясненных обстоятельствах. Фашистская оккупация поставила экзархат в сложное положение, но оккупационные власти с санкции Берлина решили сохранить и экзархат, и даже его каноническую принадлежность к Московской патриархии, но потребовали создать новое церковное Управление под эгидой немецких властей. В первых числах июля 1941 г. Сергей начал интенсивные переговоры с властями об организации Православной миссии, центром которой стал Псков. Тогда же было создано и Управление в составе начальника, его помощника и заместителя-ревизора, а также благочинных для сношения с центром и подведомственными районами. Начальником нового управления Псковской миссии был назначен Кирилл Зайц. Человек непростой судьбы, он родился в 1869 г. в д. Лунашяя в латышской крестьянской семье, но получил блестящее образование, закончив Рижскую духовную семинарию, в 1917 г. был участником Всероссийского Поместного собора, на котором избирали нового Патриарха, а в 1918 г. эмигрировал

сначала в Польшу, а затем в Латвию. До войны жил в Риге и был редактором религиозных журналов «Вера» и «Правда». В 1935 г. у него произошел конфликт с главой Латвийской церкви Августином, который порвал с Московской патриархией и перешел в подчинение к Константинопольскому патриарху. К. Зайц остался верен Москве, за что был лишен возможности совершать богослужения и до 1940 г. церковной деятельностью не занимался. После присоединения Латвии к СССР в 1940 году Латвийскую церковь возглавил Сергей [Воскресенский]. Он то и вернул К. Зайца в лоно церкви. Зайц стал настоятелем Рижского кафедрального Собора и членом Латвийского Синода. В ноябре 1941 г. по рекомендации Сергея он и возглавил Псковскую Православную миссию [30]. У него было три помощника: Легкий И.С., Михайлов Ф.И. и Шенрок Н.С. В составе управления были сформированы три отдела : канцелярия, во главе с начальником миссии, отдел или стол по развитию христианской культуры, во главе со священником о. Г. Бенигсоном, и хозяйственный отдел, во главе с И. Ободневым. Всего в Управлении работало 18 человек [31].

Самой первой задачей миссии стало восстановление церковной жизни. Задача эта была не из легких, так как церковная жизнь в нашем крае накануне войны почти угасла. В 1917 г. в Пскове было 32 церкви и 40 священнослужителей, к 1941 г. не осталось ни одной действующей церкви, последняя была закрыта в 1939 г. По всему Псковскому краю в 1917 г. действовала 431 церковь, а к 1941 г. осталось только 5. Благодаря усилиям миссии к 1942 г. в городе Пскове было открыто 5 церквей, а по всему краю - 221 [32]. За весь период оккупации в самом Пскове работало 10 церквей: Троицкий собор, Казанская церковь, Дмитриевская, Варлаамовская, церковь Михаила Архангела, Алексеевская, Успенская, Бутырская, Мироносицкая, Мирожская [33]. Положение осложнялось тем, что в распоряжении миссии было всего 84 священнослужителя, поэтому каждому из них приходилось обслуживать по 2 или 3 прихода, расположенных далеко друг от друга. Местная газета «За Родину» регулярно печатала объявления приглашающие на работу священников. Первые миссионеры - 14 священников среди которых были выпускники Православного Богословского института в Париже, прибыли в Псков еще в августе 1941 года [34], но спасти положение они не могли необходимо было начать подготовку кадров.

Эту задачу взяла на себя сама миссия. Осенью 1942 г. в

городе Вильно [Литва] были открыты Богословские курсы. Слушатели, достигшие 17-ти лет и имеющие среднее образование принимались без экзаменов. На весь срок обучения, а он был рассчитан на два года, учащиеся обеспечивались жильем и хлебными карточками [35]. Ректором Богословских курсов был профессор-протопресвитер Василий Виноградов, начинавший свою преподавательскую деятельность еще в Московской Духовной Академии. В штате работало 12 человек [36]. К августу 1943 г. на курсах обучалось 38 человек [37]. Финансовое положение курсов было тяжелым, материальную поддержку им оказывали Литовская и Латвийская епархии, а также Псковские приходы, где проводились кружечные сборы на содержание курсов. Вообще оккупационные власти мало заботились о нуждах церкви. Нужно подчеркнуть, что Псковская православная миссия находилась на полном самообеспечении: во-первых, все приходы отчисляли в счет миссии 10 процентов своей прибыли, во-вторых, главной статьей дохода была деятельность хозяйственного отдела. Отдел ведал иконописной мастерской, которая располагалась на территории Кремля. Мастерская была освящена 12 декабря 1941 г. самим начальником Управления протоиереем Кириллом Зайцем, первоначально в ней работали 2 иконописца и один столяр, но к ноябрю 1942 г. в ней работало уже 14 человек [38]. Самыми опытными мастерами, делающими работу высокого качества, были иконописцы А. Терентьев и Н. Мерзляков. Позднее штат мастерской еще больше расширился, в него входили не только мастера живописцы, но и реставраторы, резчики по дереву, золотошвейки. В ведении хозяйственного отдела был и свечной завод, располагавшийся в колокольне Троицкого собора. Отдел имел свой магазин церковных принадлежностей, находившийся на улице Главной (ныне ул. Гоголя) в доме 18, в котором продавались иконы, написанные в мастерской, открытки, молитвенники, нагрудные крестики, обручальные кольца, разная церковная утварь [39]. Ежемесячный доход хозяйственного отдела составлял от 3000 до 5000 немецких марок чистой прибыли, что покрывало все расходы и позволяло отчислять деньги на Богословские курсы. Активное участие принимала Псковская православная миссия в подготовке материалов журнала «Православный христианин», который начал издаваться в 1942 г., редакция его находилась в Риге, где он и печатался. В условиях информационного голода спрос на печатную продукцию был очень большой, в 1942 г. было издано

30 тысяч экземпляров «Православного христианина» (№ 1) и 30 тысяч экземпляров этого же журнала (№ 2, 3), а в 1943 г. тираж этого издания достиг 90 тысяч [40]. Большую просветительную работу вела Православная миссия на Псковском радио. Был организован цикл религиозных передач прославляющих нравственные подвиги православных святых. Цикл этот вел о. Бенигсон, он был самым молодым священником миссии - 1915 г. рождения, он же заведовал отделом детских передач [41].

Восстановление церковной жизни было не единственной заботой церкви. Главная задача - поддержать свою паству в тяжкие дни войны, не дать сломиться духу, помочь выстоять и выжить. Конечно, согласно христианской традиции, церковь звала не к борьбе, а к смирению и терпению, но вместе, всем миром было легче переносить все тяготы войны и оккупации. В этот период церковь старалась проводить больше массовых мероприятий - молебнов на открытом воздухе, крестных ходов. Первое массовое богослужение прошло в Троицком соборе 17 августа 1941 г., в этой главной святыне города до войны располагался атеистический музей, с неизменным маятником Фуко в центре. С осени 1941 г. богослужения стали регулярными. В 1942 г. впервые после долгого перерыва в Троицком соборе праздновали Рождество по православному обычаю по старому стилю. Церковные торжества начались заранее, уже 1 января, в тот день в город привезли одну из старейших православных святынь чудотворную икону Тихвинской Божией Матери. По преданию эта икона была написана евангелистом Лукой и появилась на Руси в княжение Дмитрия Донского. Торжественное ее перенесение в Троицкий собор сопровождали более десяти тысяч псковичей [42].

Популярными среди населения были ежегодные крестные ходы к Крыпецкому монастырю, основанному в XV в. преподобным Саввою. В августе 1942 г. монастырь сгорел, но торжественные богослужения совершались на открытом воздухе. Вопросы о формах и методах работы церкви в специфических условиях оккупации волновали сотрудников миссии, к этим вопросам миссия неоднократно обращалась. В сентябре 1942 г. в Управлении миссии было созвано совещание священнослужителей нашего края, на котором присутствовало 30 человек, главный вопрос, который обсуждался - усиление пропагандистской деятельности церкви среди населения. Осложняло обсуждение присутствие на совещании представителей СД Виноградова и Шюррера, которые по-своему

понимали задачи церковной пропаганды [43]. В ноябре 1942 г. в г. Дно был созван Православной миссией Благочинный съезд, делегатами которого были 50 священнослужителей, на нем также обсуждались вопросы работы с населением.[44] Большими событиями для церковной жизни нашего города были приезды экзарха Сергия, он посещал Псков в декабре 1942 и в апреле 1943 гг. [45].

Главной болью церкви были дети, волею судьбы втянутые в страшный водоворот войны и оказавшиеся на оккупированной территории, особенно те, кто остался без родителей. Псковская православная миссия взяла на себя заботу создания детских приютов. Первым был создан приют при церкви Дмитрия Солунского, в нем находилось 12 воспитанников - 3 мальчика и 9 девочек в возрасте от 6 до 15 лет [46]. Такой же приют был создан при Управлении Псковской миссии. Дети находились на полном обеспечении, оборудованы приюты были с помощью прихожан, которые несли осиротевшим детям мебель, постельное белье, одежду, столовую и кухонную посуду, продукты. Все церкви организовали «тарелочные» сборы в помощь детям сиротам. При Дмитровском приюте была художественная мастерская, в которой дети делали нехитрые поделки, расписывали их, а потом продавали, что было небольшим подспорьем. Такие же приюты и сиротские дома были открыты и в других городах. В Порховском детском доме, которым заведовала Клавдия Тимофеева осенью 1943 г. проживало 73 ребенка [47], а по всему Порховскому району в сиротских домах жили 245 детишек [48]. Как могли взрослые помогали своим маленьким согражданам: только в одном из сел района - Бельском Устье в течение короткого времени на детские приюты было собрано 1000 рублей [49], а ведь такие сборы шли по всему Псковскому краю.

Православная миссия патронировала и школы. Первая школа на оккупированной территории была открыта осенью 1941 г. при Дмитриевской церкви. В 1942 г. немецкие оккупационные власти объявили о введении всеобщего обязательного начального образования. С сентября 1942 г. в Пскове заработали 5 начальных школ на 2000 детей, а в трех районах - Псковском, Середкинском и Карамышевском - 150, в которых работало 450 учителей и должны были учиться 13 тысяч детей в возрасте от 8 до 12 лет [50]. Накануне открытия учебного года были проведены 4 учительские конференции, с обязательными выступлениями представителей полевой комендатуры. Зимой 1943 г. делегация учителей во главе

с попечителем Псковского учебного округа Заблоцким посетила Германию, с целью ознакомления с немецкой системой образования [51]. Конечно, главная задача, которую ставило немецкое командование перед учителями - пропаганда «нового порядка», успехов Германии, преимуществ жизни там. Ослушаться было нельзя, учителям давались особые наставления: разъяснять детям все распоряжения властей, «всемерно подчеркивать, что Германия не ведет борьбы против русского народа, а уничтожает большевизм и освобождает народ от его гнета и колхозного рабства» [52]. В условиях тотального идеологического давления немецких властей учителям требовалось немало сил и мужества, чтобы давать детям знания по русской истории и литературе. Значительную помощь учителям оказала Псковская публичная библиотека, которая была вновь открыта в 1942 г. [53].

Усиленная пропаганда фашистского «нового порядка» имела обратный результат, населению города хотелось больше знать не о германских победах и успехах, а о своей истории, культуре, традициях. Об этом неоднократно писали жители в письмах в газету и на радио. Откликаясь на эти просьбы, Православная миссия стала проводить еженедельные радиопередачи на религиозные темы, рассказывая о русских святых и мучениках, об их нравственных подвигах во имя веры и святости [54]. В этих условиях введение в школах Закона Божьего имело определенную пользу, оно возвращало детей к русским истокам, к русской истории, к русским святым. При Православной миссии был создан особый воспитательный стол (отдел), которым заведовал о. Бенигсон. В мае 1943 г. указом митрополита Сергия при Псковской миссии был создан специальный «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи», летом того же года в распоряжение нового отдела был передан второй этаж колокольни для проведения молодежных собраний [55]. Детишки и старики, немощные и больные, все, кто нуждался в помощи получал ее от церкви, под патронажем церкви находились больницы, Дома инвалидов, богадельни. Немецкие власти не были заинтересованы в этой опеке, нацистская идеология призывала к уничтожению слабых, убогих и больных. Церкви требовалось немалое упорство и стойкость, чтобы защитить право на жизнь сирых и убогих. Был создан Дом инвалидов в Острове, богадельня в Порхове и др. Священники навещали эти богоугодные заведения, проводили обследования, выясняя нужды, собирали добровольные пожертвования среди верующих и т.д.

Помощь получали даже те, кто казалось не мог на нее рассчитывать. Речь идет о военнопленных, которые также оказались на оккупированной территории. В первые трагические месяцы войны в плен попали сотни тысяч красноармейцев. На занятой территории немцы создавали концентрационные лагеря. Голодные, изможденные военнопленные использовались на самых тяжелых работах и гибли десятками и сотнями. Жесткая позиция Сталина по отношению к пленным не позволила международному Красному Кресту оказать помощь пленным красноармейцам, они были брошены на произвол судьбы. На территории нашего края немцы организовали несколько концлагерей, в которых содержались в жутких условиях десятки тысяч человек, на Завеличье «Шталаг-372» - 100 тысяч, в Песках - 60 тысяч, в Крестах - 20 тысяч, были лагеря и в других местах. Православная миссия протянула руку помощи тем, от кого отвернулось наше командование. Было опубликовано обращение к «Православному русскому народу», в котором говорилось «Проникнутые любовью к нашим, в плену находящимся братьям мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... православная миссия устраивает сбор добровольно пожертвованной одежды. Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь своему ближнему. Мы уверены, что население охотно отзовется на наше предложение, чтобы снабдить одеждой тех военнопленных солдат, которые летом попали в плен и поэтому не имеют зимней одежды. Дайте то, что можете - одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным. «Рука дающего да не оскудеет» [56]. Сбор пожертвований развернулся по всем приходам, были созданы подписные листы, куда заносились фамилии жертвователей, название и описание вещей. Сколько человеческих жизней спасло христианское милосердие псковичей! По настоянию миссии в лагерях для военнопленных стали проводиться богослужения, самыми массовыми были пасхальные.

Под прикрытием сбора средств для военнопленных многие приходы организовали сбор в поддержку Красной Армии, откликаясь на обращение местоблюстителя митрополита Сергия, который в декабре 1942 г. призвал свою паству собрать средства на строительство танковой колонны. Даже на оккупированной территории Псковщины было собрано золота, серебра, церковной утвари на сумму 500 тысяч рублей, эти деньги были переправлены на Большую землю с помощью партизан. Колонна из 40 танков

Т-34, созданная на средства, собранные церковью, была передана Красной Армии 7 марта 1944 г. [57]. Традиция сбора пожертвований была, кстати, продолжена и после войны. Церковь активно включилась в восстановление народного хозяйства, не только в проповедях призывая верующих к участию в деле возрождения, но и жертвуя в фонд восстановления денежные средства. Только за первую половину 1945 г. в нашем крае было собрано верующими 224 366 рублей [58].

Конечно, в жизни церкви на временно оккупированной фашистами территории были не только благостные дела, в ней немало горького, страшного, тяжкого. Церковь находилась под жесточайшим идеологическим прессингом немецких оккупационных властей. В состав Православной миссии входил специальный сотрудник СД, от священнослужителей требовалось прославлять с церковных амвонов фашистский «новый порядок», военные победы Германии, оказывать всестороннюю помощь немецким властям, собирать сведения о «неблагонадежных лицах», партизанах и подпольщиках. В особенно сложное положение попала церковь в связи с созданием Русской освободительной армии (РОА) генерала А. А. Власова. Этот генерал имел блестящий послужной список. С 1919 г. был в рядах Красной Армии, награжден орденами Ленина, Красного Знамени, медалями, к началу Великой Отечественной войны он входил в военную элиту страны, возглавлял 37 армию при обороне Киева, участвовал в обороне Москвы, командуя 20 армией, затем был заместителем командующего Волховским фронтом. Попав в плен к немцам и перейдя на сторону Германии Власов стал козырной картой в розыгрыше «русского шанса». 14 марта 1943 г. в газете «За Родину» было опубликовано открытое письмо Власова с призывом к жителям Псковщины вступать в ряды РОА: «Дело русских, их долг - борьба против Сталина, за мир, за новую Россию» [59]. Слова о долге в устах изменника-генерала звучали как надругательство над самым святым. Вслед за этим обращением в газете был опубликован цикл статей под рубрикой « Фронт борьбы за новую Россию», эта «борьба» называлась «третьей революцией». Немецкие власти издали специальный циркуляр, в котором церкви предписывалось проводить агитацию среди молодежи, призывая ее вступать в РОА. В Пскове был создан Русский комитет с целью сбора средств для власовской армии и вербовки. В мае 1943 г. Власов посетил Псков и ряд районов нашего края, проводя встречи с населением,

встречался он и с К.Зайцем; результатом этой встречи явилась договоренность о включении в состав Русского комитета трех сотрудников Православной миссии [60]. К счастью, большой эффективности работа Русского комитета не имела. Перелом в ходе войны и решительное наступление нашей армии окончательно сорвали все планы работы комитета.

Псковская Православная миссия прекратила свое существование весной 1944 г. в связи с наступлением наших войск и постепенным освобождением ранее оккупированных территорий. Тогда же весной погиб Прибалтийский экзарх Сергей. Конечно, церкви продолжали работать, выполнять свою христианскую миссию, тем более, что восстановление патриаршества и избрание патриарха укрепили дух церкви и вселили новые надежды. День Победы 9 мая был общим праздником, церковь внесла свою лепту в общее дело-разгром немецких захватчиков. Авторитет Православной церкви за годы войны значительно вырос, отношения с Советской властью поднялись на новую ступень. Власть предприняла попытку юридически оформить новые отношения с церковью. Наряду с созданным в 1943 г. Советом по делам Русской православной церкви, в 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов [61], позднее оба эти Совета были преобразованы в единый орган - Совет по делам религии при Совмине СССР [62]. Таким образом, власть установила окончательный контроль за деятельностью церкви. Но изменения в жизни церкви после войны были существенными, она получила возможность включиться в общественную жизнь в стране и за ее пределами. Полученное еще во время войны право на издательскую деятельность было расширено. В 1945 г. при Патриархии был создан издательский отдел, стали регулярно выходить «Журнал Московской патриархии», «Московский церковный вестник», «Богословские труды» и др. Была проведена большая работа по восстановлению Московской патриархии, в течение 1945-1950 годов с ней воссоединились приходы Эстонии, Украины, Закарпатья и даже часть заграничных приходов. Патриарх Алексей, возглавивший Патриархию после смерти Сергея, получил возможность выехать за пределы страны, и впервые в истории русской церкви посетил Александрийский и Иерусалимский патриархаты. В июле 1948 года торжественно праздновалось 500-летие автокефалии Русской православной церкви, с праздничными богослужениями, массовыми крестными ходами. Вышла наша церковь и на международную арену, активно

включилась в движение сторонников мира, наладила контакты с зарубежными церквями. Одним из президентов, созданной в 1959 году Конференции европейских церквей был тогда еще митрополит, а ныне патриарх Алексий [Ридигер]. Но понадобились еще многие годы, чтобы началось истинное возрождение церкви.

Подводя итоги деятельности церкви в годы войны, можно сделать следующие выводы:

1. Позиция и политика Православной церкви в годы войны была обусловлена теми традициями, которые сложились в процессе становления церкви как института. Русская церковь всегда была подчинена светской власти, контролировалась этой властью, опекалась особыми административными органами, существенно ограничивающими свободу деятельности церкви. Попытки борьбы против власти не приносили успеха, эту битву церковь всегда проигрывала. Веками складывающийся конформизм привел в конце- концов к тому, что церковь принимала как должное свою подчиненность власти, будь то власть самодержца российского, Советская власть или немецкие оккупационные власти. Способствовали этому и идеи божественности власти, заложенные в православии. Согласно христианской традиции церковь никогда не звала к борьбе, а всегда призывала к покорности и смирению. Этим, в какой-то мере, объясняется профашистская позиция православной церкви на временно оккупированной территории. Эта позиция церкви подвергалась серьезной критике в советской историографии. Доктринальные истоки и исторические традиции, оказавшие влияние на эту позицию почти не исследовались. И сейчас еще этот вопрос открыт, требует более глубокого изучения и серьезного осмысления.

2. Православная церковь, действующая на советской территории, с первых же дней войны заняла патриотическую позицию, призывая свою паству подняться на борьбу с внешним врагом, на защиту Родины. Сумев выбрать правильный тон во взаимоотношениях властью, церковь смогла принять активное участие в жизни страны, существенно повысить свой авторитет и коренным образом изменить свое общественное положение. В общее дело Победы был внесен существенный и моральный, и материальный вклад. После войны авторитет православной церкви возрос не только в стране, но и на международной арене.

Годы гонений лишь закалили церковь, научили ее верно определять, что Богу, а «что кесарю». Отказавшись от борьбы с Советской властью, церковь включилась во все послевоенные мероприятия правительства по восстановлению разрушенной войной страны, опять же следуя библейской истине, что есть «время разбрасывать камни, есть время - собирать их». Конечно, в послевоенный период церкви также пришлось пережить нелегкие времена, в так называемый «период строительства коммунизма» атеистическая пропаганда развернулась с новой силой, начались новые гонения на церковь, но это уже предмет другого исследования.

3. Несмотря на конформизм, церковь никогда не забывала своего главного назначения - заботы о душах людей, поддержки в трудную минуту всех страждущих, обездоленных, больных и сирых. Особенно отчетливо проявилась эта сторона церковной деятельности на временно оккупированной территории. Благодаря усилиям церкви и поддержки этих усилий паствой сотни и тысячи человеческих жизней были спасены. Ведь церковь не только и не столько прославляла фашистский «новый порядок» (хотя и эту тяжкую страницу из ее истории не вычеркнешь), сколько помогала жителям, оказавшимся в условиях фашистского режима преодолеть растерянность, обрести духовную силу и стойкость. Осуждая церковь за поддержку оккупационного режима, мы должны быть благодарны ей за спасенные человеческие жизни и судьбы.

4. Разработка проблем истории русской православной церкви только началась, но уже достигнуты определенные научные результаты. Возрос интерес историков к деятельности церкви в период Великой Отечественной войны, разные аспекты этой деятельности нашли отражение на страницах печати. Исследованы вопросы о взаимоотношениях Московской патриархии и Советской власти в годы войны, оценена значимость активной деятельности местоблюстителя, а затем и патриарха Сергия, прослежен процесс восстановления церковной жизни в годы войны и т. д. Началась разработка вопросов о деятельности церкви на временно оккупированной территории. Вместе с тем можно обозначить целый ряд вопросов, которые не освещались еще в научной печати или требуют переосмысления и дополнительного изучения, к ним относятся: вопрос о связях и контактах Прибалтийского экзархата и Псковской православной миссии с Московской

патриархией; вопрос о жизни и деятельности монастырей в годы войны, как на советской, так и на оккупированной территории; вопрос о нелегальной антифашистской деятельности православных священников на временно оккупированной территории, несомненно такие факты были; вопрос о практической деятельности церкви в школах, созданных в условиях оккупации; вопрос о работе православной церкви среди сотен тысяч эвакуированных жителей нашей страны; вопрос о том, как сложились судьбы православных священников, работавших в условиях оккупации. Эти и многие другие вопросы еще ждут своих исследователей, их разработка поможет создать полную картину жизни и борьбы Православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская православная церковь в советское время. (1917-1991). Документы. Кн. 1-2. - М., 1995.
2. Патриарх Сергей и его духовное наследие. - Сергиев Посад, 1947, Карташев А. Воссоздание Святой Руси. - Париж, 1956. Аверинцев С. Византия и Русь: два типа духовности. // Новый мир, 1988, № 7 и др.
3. См. Псков. Очерки истории. - Л., 1971.
4. См. Поспеловский Д.М. Русская православная церковь в XX веке. - М., 1995.
5. Никольский Н.М. История русской церкви. - Минск, 1990; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1 -2 . - М., Наука, 1991; Макарий [Булгаков] История Русской церкви. - М., 1994; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. - М., 1995; Полонский А. Православная церковь в истории России. - М., 1995.
6. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в 1927 - 1943 гг. // Вопросы истории, 1994, № 4; Королев С. Православие и Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. // Молодая гвардия, 1990, № 5; Овчинников З.Г. Русская православная церковь в XX веке. // Преподавание истории в школе, 1992, № 1-2; Яковенко И.Г. Православие и исторические судьбы России. // Общественные науки и современность, 1994, № 2 и др.
7. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. - М., 1992, т.1, с.367.
8. Флоровский , протоирей .Пути русского богословия. - Вильнюс.,1991,с.83.
9. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.,1995, с. 35.
10. Русская православная церковь в советское время. Кн. 1, - М., 1995, с. 65.

11. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М, 1995, с.38.
12. Русская православная церковь в советское время. Кн. 1 - М., 1995, с. 109.
13. Там же, с. 113.
14. Там же, с. 116.
15. Там же, с. 156.
16. Там же, с. 270.
17. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995, с. 176.
18. Русская православная церковь в советское время. Кн. 1, М.,1995, с. 329.
19. Там же, с.334.
20. Правда о религии в России. - М., 1942.
21. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.,1995, с. 187.
22. Журнал Московской патриархии, 1944, № 10, с.3.
23. Васильева О. Русская православная церковь в 1927- 1943 гг.//Вопросы истории, 1994, № 4, с.42.
24. ГАПО, Ф. 1776, оп. 1, л.2.
25. Ходоровский Л.Д. Католицизм и рабочий класс Германии. - М.,1976; Ерин М.Е. Католическая церковь Германии и фашизм. Ярославль, 1990 ; Бровко Л.Н. Церковь и «третий рейх» // Новая и новейшая история , 1991, № 4 и др.
26. См. Бровко Л.Н. Церковь и «третий рейх» //Новая и новейшая история, 1991, № 4.
27. Жадан П.В. Русская судьба - Посев - США, Нью-Йорк, 1989. с.147.
28. Там же, с.154.
29. Там же.
30. Архив УФСБ по Псковской обл. ф. р-200, оп.4, д. 5739,л.1614.
31. ГАПО, ф. р-1633, оп. 1, д.7, л. 16.
32. Там же, д.10, л.3.
33. ГАПО, ф.1776, оп.1,д,2,л.8.
34. Там же, д. 4, л. 1.
35. ГАПО, Православный христианин, 1942, № 2-3, л.12.
36. Арх. УФСБ по Псковской обл., ф.р-200, оп.4,д,5739,л.1597.
37. ГАПО, ф. 1633, оп.1, д.17, л. 14.
38. ГАПО, За Родину, 1942, 10 ноября.
39. ГАПО, ф. 1633, оп 1, д.3, л.20.
40. Там же, д.1, л.11.
41. Там же, д.3, л.14.
42. См. Февр Н. Солнце восходит на Западе. Изд-во газ. «Новое слово». - Буэнос-Айрес, 1950.
43. Арх.УФСБ, ф.р-200, оп.4, д,5739,л.1509.

44. Там же, л.1407.
45. Там же, л.1644 [об].
46. ГАПО, ф. р-1633, оп. 1, д.1, л.12.
47. ГАПО, ф. 905, оп. 1, д.42, л.1.
48. Там же, л.85.
49. ГАПО. ф. р-1633, оп. 1, д. 7, л.13.
50. ГАПО, За Родину, 1942, 3 ноября.
51. ГАПО, За Родину, 1943, 17 февраля.
52. ГАПО, За Родину, 1942, 1 октября.
53. ГАПО, За Родину, 1942, 9 октября.
54. ГАПО, ф-1633, оп.1, д.3,л. 14[об].
55. Полчанинов Р. Псковская миссия.-Новое русское слово, 1975,27 июля.
56. ГАПО, ф. р-1633, оп. 1, д. 3, л. 1.
57. См. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в 1927-1943 гг. / Вопросы истории, 1994, № 4.
58. ГАПО, ф. р-1633, оп. 1, д.2, л.6.
59. ГАПО, За Родину, 1943,14 марта.
60. Арх. УФСБ, ф.-200, оп.4, д.5739,л.1639[об].
61. ГАПО, ф. 1776, оп.2, д.1, л.1.
62. Законодательство о религиозных культах. - М.,1971, с. 78.

В. А. Дмитриев

ЮЛИАН ОТСТУПНИК: ЧЕЛОВЕК И ИМПЕРАТОР

Исторические деятели, подобные Юлиану Отступнику, не могут не вызывать по меньшей мере интереса у любого, кто хотя бы немного соприкасался с историей поздней Римской империи. Не каждому историческому деятелю оказывалось под силу преодолеть инерцию происходящих вокруг событий и попытаться изменить казалось бы неумолимый ход истории. Именно таким человеком и был император Юлиан Отступник. Как отмечал Дж. Негри — автор одной из наиболее глубоких работ, посвященных биографии Юлиана, — “в период упадка империи не было фигуры более оригинальной, более интересной и привлекательной, чем император Юлиан” [1].

Подобно многим выдающимся историческим деятелям, Юлиан неоднозначно оценивался современниками и авторами последующих эпох. Приверженцы старо-римских традиций и ценностей превозносили Юлиана, сравнивая его с героями древности. Христианские же историки ярко выразили свое отношение к Юлиану тем, что дали ему прозвище “Отступник” (лат. *Apostata*). По причине подобной полярности суждений о личности Юлиана в письменных источниках [2] довольно затруднительно воссоздать его более или менее целостный образ. И тем не менее попытаемся это сделать.

Нашим главным источником при рассмотрении биографии Юлиана является сочинение Аммиана Марцеллина “Деяния” (“*Res gestae*”) [3], состоящее из тридцати одной книги, из которых до нашего времени дошло лишь восемнадцать последних — с XIV по XXXI, описывающие события с 353 по 378 гг. Аммиан сам был участником описываемых событий, и поэтому его сведения имеют для исследователей неоценимое значение.

Ряд сведений о жизни и деятельности Юлиана можно найти в речах и письмах его друга и единомышленника — антиохийского ритора Либания [4]. Кроме того, сам Юлиан оставил достаточно обширное литературное наследие; особенно ценны письма Юлиана, отражающие основные события в его жизни и отношение к ним автора [5]. Более сжатые и отрывочные сведения о жизни Юлиана содержатся в сочинении целого ряда других позднеантичных и раннесредневековых греческих и латинских авторов (Секста

Аврелия Виктора, Евтропия, Руфа Феста, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита, Филосторгия, Григория Богослова), а также в "Истории Армении" Моисея Хоренского [6].

Детство и юность

Итак, император Цезарь Флавий Клавдий Юлиан Август — таково его полное имя — родился в Константинополе в 331 г. [7]. Его отцом был сводный брат императора Константина Великого, младший сын Констанция Хлора от второй жены, Феодоры, Юлий Констанций, погибший через несколько месяцев после смерти Константина Великого (видимо, в конце 337 г.), когда Юлиану едва исполнилось шесть лет. Его мать Базилина происходила, как пишет Аммиан Марцеллин, "из старинного знатного рода" (a maiorigibus nobili) [8] и умерла еще раньше отца, в 332 г. Таким образом, уже в раннем детстве будущий император, как и его брат, Галл, остался круглым сиротой. Оба ребенка чудом избежали смерти в период кровавой борьбы за власть между наследниками Константина Великого, последовавшей после его смерти в 337 г. Вероятно, Юлиан остался в живых благодаря своему юному возрасту, а Галла пощадили из-за того, что в тот момент он был серьезно болен [9].

Поскольку Юлиан был потомком Констанция Хлора и, соответственно, родственником императора Константина Великого, ему была предоставлена возможность получить достойное образование, которой он и воспользовался: сначала в Никомедии, обучаясь у епископа Евсевия, а затем — в Константинополе [10]. В возрасте семи лет Юлиан был передан на воспитание придворному евнуху Мардонию (судя по имени — персу), некогда занимавшемуся и воспитанием матери Юлиана, Базилины [11]. Считается, что именно Мардоний привил Юлиану любовь к греческой языческой культуре и, в особенности, — к творческому наследию Гомера и Платона. Здесь же, в Константинополе, Юлиан познакомился и с Либанием — крупнейшим позднеантичным языческим ритором и общественным деятелем, дружбу с которым он поддерживал всю свою жизнь. Юлиану было запрещено посещать занятия Либания, но он тайком читал его сочинения и таким образом заочно обучался греческому ораторскому искусству и приобщался к языческой культуре. Влияние греческих учителей и воспитателей на Юлиана было столь велико, что в последствии практически все свои сочинения император писал на греческом языке. Не менее сильным было воздействие, оказанное Либанием

на религиозно-философские взгляды Юлиана. Именно это дало основание А.Н. Чанышеву утверждать, что "Либаний был вдохновителем Юлиана в его "отступничестве" [12].

Видимо, в тот же период времени Юлиан посещал и занятия грамматика Никокла из Спарты, а также христианского философа Гекебола [13].

Все было спокойно до тех пор, пока в 345 г. неожиданным распоряжением Констанция II Юлиан вместе с братом Галлом не был перевезен из столицы в загородную резиденцию императоров Мацелл близ Кесарии на территории Каппадокии [14]. Здесь оба брата были почти полностью изолированы от окружающего мира, в том числе — и от близких друзей. В таком положении Юлиан и Галл находились около шести лет, однако в 350 г. их судьбы вновь круто изменились: старший из братьев, Галл, был вызван императором в Сирмий (один из четырех столичных городов поздней Римской империи), возведен в ранг цезаря (наследника императорского престола) и назначен соправителем Констанция на востоке империи. Этот шаг императора был продиктован необходимостью одновременной борьбы с персами на восточных границах империи (в Верхней Месопотамии и Армении) и с узурпатором Магненцием, поднявшим в 350 г. мятеж и казнившим брата Констанция — Константа — в западной части империи.

Таким образом, в 350 г. Юлиан вновь обрел долгожданную свободу и получил возможность продолжить свое образование. С этой целью он направился в восточные провинции империи, где находились крупнейшие научные центры того времени. В Малой Азии Юлиан посетил Пергам и Эфес, славившиеся во всем античном мире своими культурными и научными достижениями. Здесь будущий император посещал занятия философов-неоплатоников, в частности — Максима Эфесского, благодаря которому Юлиан, к тому времени уже являвшийся страстным поклонником объективно-идеалистической системы Платона, стал приверженцем мистического направления в неоплатонизме.

Пребывание Юлиана в Малой Азии было вновь внезапно прервано в 354 г., когда по личному указанию императора Констанция был казнен его брат — цезарь Галл. Как считали современники, Галл тем самым поплатился за свой жестокий и заносчивый характер; однако, скорее всего, это был результат очередной дворцовой интриги, а также боязни Констанция II приобрести в лице Галла нового претендента на императорский

трон. Под угрозой оказалась и жизнь самого Юлиана. Клеветники при дворе императора обвиняли его в преступных связях с казненным Галлом и самовольном оставлении отведенного ему для проживания поместья Мацелл. Несмотря на явную вздорность этих обвинений, Юлиану грозила гибель, и лишь заступничество жены Констанция Евсевии спасло его от смерти. По ее просьбе Юлиана помиловали и отправили в северо-итальянский город Комум (ныне — г. Комо) близ Медиолана (нынешнего Милана) [15]. После недолгого пребывания в Комуме Юлиану было дозволено выехать в Грецию для продолжения обучения различным наукам, к чему он всегда страстно стремился. Но спокойная жизнь Юлиана в Греции длилась лишь около четырех месяцев, и уже в октябре 355 г. он был вновь вызван Констанцием ко двору, в Медиолан.

Путь к трону

На этот раз причина, по которой император желал видеть своего двоюродного брата, была действительно значимой: в виду непрерывных вторжений варваров в галльские провинции империи Констанций остро нуждался в помощнике, способном обезопасить границу империи по Рейну. После недолгих размышлений Констанций в присутствии легионов объявил Юлиана своим соправителем, предоставив ему военное командование над гарнизонами, расквартированными в Галлии. Сам Юлиан воспринял это неожиданное повышение как первый шаг на пути к неминуемой гибели, ибо в его памяти еще были живы воспоминания о судьбе старшего брата, так же внезапно вознесенного на вершину власти, а затем павшего жертвой болезненной подозрительности Констанция и зависти придворных интриганов. Войско же встретило эту новость с ликованием, рассчитывая на активизацию военных действий против грабивших и разорявших Галлию алеманнов и франков. Произошло это судьбоносное для Юлиана событие 6 ноября 355 г. Еще через несколько дней состоялось бракосочетание Юлиана с сестрой Констанция Еленой, а 1 декабря он уже отправился в Виену (ныне — г. Вьен во Франции) — центр Виенской провинции на территории Южной Галлии. Летом 356 г. Юлиан открыл боевые действия против варваров, освободив захваченные ими приграничные территории и ряд важных городов, в том числе — Колонию Агришину (нынешний Кёльн). Кроме того, цезарь попытался навести порядок и в управлении самой

Галлией. Известно, что он существенно снизил налоги, взимавшиеся с населения галльских провинций, отменил налоговые льготы для местной знати, а также отказался от практики введения экстренных сборов на военные нужды [16].

Зиму 356/357 г. Юлиан провел в городе Сеноны (современный г. Санс во Франции). Здесь ему стало известно о новом вторжении германцев, и весна — лето 357 г. прошли в непрерывных столкновениях римлян с варварами. Однако окончательный исход кампании 357 г. в Галлии решился в конце лета. Под Аргенторатом (ныне — г. Страсбург) сошлись римская армия под руководством Юлиана и армия алеманнов во главе с царем Ходомарием. С обеих сторон в битве участвовало до 48 тысяч человек: 13 тысяч воинов сражалось в рядах римлян и около 35 тысяч насчитывало войско германцев. Несмотря на почти трехкратное превосходство варваров, римская армия под командованием Юлиана нанесла противнику сокрушительное поражение: только на поле битвы было найдено 6 тысяч тел алеманнов, и еще большее их количество унесли воды Рейна. Сам Ходомарий сдался в плен, и Юлиан великодушно пощадил своего неудачливого противника. У римлян же потери составили 247 человек [17]. В этом сражении наиболее ярко проявился полководческий талант Юлиана. Неслучайно битва при Аргенторате вошла практически во все труды по истории военного искусства периода поздней античности как яркий пример сражения между войском германцев и римской армией [18].

После этого Юлиан совершил два рейда за Рейн, вглубь вражеской территории, уничтожая на своем пути поселения франков и алеманнов вместе с их жителями. Это был один из тех редких случаев в истории поздней империи, когда римляне от пассивной обороны переходили к активным, упреждающим действиям [19]. В итоге племена франков, хамавов и алеманнов были вынуждены пойти на заключение с римлянами мирного договора. На границах Галлии временно воцарились мир и покой. Но это было лишь затишье перед бурей...

Все началось с того, что через два с небольшим года, в 360 г., Юлиану пришлось подавлять вооруженное антиримское восстание в Британии, поднятое пиктами и скоттами. Серьезной опасности для Рима сами по себе эти события не представляли, но они стали прологом к разыгравшейся вскоре драме. Дело в том, что с конца 350-х гг. император Констанций непрерывно воевал на востоке

с персами, и боевые действия развивались далеко не в пользу римлян: сасанидский шаханшах Шапур II Великий (309 – 379 гг.) захватил ряд важных римских опорных пунктов, в том числе – крепости Амиду (ныне – г. Диярбакыр в Турции) и Сингару (ныне – г. Синдjar в Ираке) в Верхней Месопотамии. Для усиления своей армии Констанций II решил отозвать из Галлии те самые вспомогательные части, набранные из германцев, которые были направлены Юлианом в Британию. Это являлось нарушением договора, согласно которому варвары соглашались служить в римской армии при условии, что их “никогда не поведут за Альпы” [20]. Кроме того, посланец императора – нотариий Деценций – вел себя крайне самоуверенно и вызывающе: не вникнув в ситуацию и не дожидаясь завершения похода в Британию, он попытался силой заставить часть наиболее боеспособных отрядов Юлиана отбыть на восток, в Месопотамию. Подобные действия Деценция вызвали в галльских легионах открытый бунт, и помимо своей воли Юлиан был провозглашен армией Августом, т.е. императором [21]. Таким образом, в империи вновь, впервые после 350 г., появилось два Августа – Юлиан и Констанций II. Столкновение Юлиана с Констанцием стало неизбежным. Тем не менее Юлиан попытался решить дело миром и послал Констанцию письмо, в котором предлагал ряд компромиссных мер для сохранения мира и порядка в империи, обещая повиноваться так же, как это было ранее [22]. Констанций II с негодованием воспринял предложение новоявленного соперника; вооруженную борьбу с Юлианом тогда же, летом 360 г., ему помешала начать лишь все еще продолжавшаяся война с персами.

Для упрочения своего положения Юлиану крайне важно было сохранить свой авторитет среди жителей Галлии, в большинстве своем – христиан. Поэтому он, будучи по своим убеждениям язычником и противником христианства, первое время был вынужден продолжать скрывать свои истинные взгляды и участвовать в христианских религиозных мероприятиях, в тайне совершая языческие обряды [23].

Все это время Юлиан обдумывал план своих действий в отношении Констанция. В конце концов, летом 361 г. он принимает решение не ждать нападения со стороны соперника, а самому нанести первый удар. Войско получило приказ ускоренным маршем двинуться из Галлии на восток, в направлении Паннонии. Своей стремительностью Юлиан обезоруживал противника, а население

городов, лежавших на пути его армии, встречало молодого императора факельными шествиями и гирляндами из цветов [24]. Достигнув города Нэсс (ныне — г. Ниш в Сербии), Юлиан получил неожиданное известие о скоропостижной смерти Констанция II, уже возвращавшегося из Месопотамии, где боевые действия были временно прекращены. Так в тридцать лет Юлиан стал единовластным правителем империи. Впереди его ждал Константинополь. Быстро пройдя Фракию, 11 декабря 361 г. Юлиан вступил в восточную столицу империи, где был встречен при всеобщем ликовании [25].

На вершине власти

Именно в годы единоличного правления наиболее полно проявились качества Юлиана как человека, полководца и государственного деятеля.

Прежде всего был сокращен аппарат придворных брадобреев, поваров и другой прислуги, получавшей из казны крупные суммы в виде жалованья [26]. Затем было объявлено об открытии языческих храмов и разрешении открыто приносить жертвы римским богам [27]. В целом религиозная политика Юлиана не была столь радикальной в отношении христиан, как это принято считать, начиная с раннехристианской историографии. Юлиан не проводил кровавых гонений, как это было, например, при Валериане и Диоклетиане. Кроме того, антихристианские мероприятия нового императора касались лишь официальной, католической, церкви; еретики же, напротив, получили равные с ортодоксами права, возможность вернуться из ссылки и восстановить свои храмы и богослужение [28]. В числе антихристианских мер Юлиана следует отметить и эдикты о запрете христианам служить в войске, а также занимать должности руководителей провинций [29]. В результате этих указов пострадали даже представители высшей аристократии — например, будущие императоры Иовиан, Валентиниан I и Валент [30]. С христиан взимались и особые денежные сборы в случае их отказа приносить жертвы римским богам [31]. Здесь же следует отметить и написание самим Юлианом антихристианских сочинений. В одном из них, известном под названием "Цезари" [32], император жестко критикует своих предшественников на троне, являвшихся христианами.

Не только религиозной политикой, но и всем своим поведением Юлиан демонстрировал стремление к возрождению

старинных римских добродетелей, склонность к простоте в быту и общении. Так, во время одной из торжественных церемоний он шел пешком вместе с другими высокопоставленными лицами [33]; к прибывшему к нему из Азии другу и философу Максиму, одному из видных представителей неоплатонизма, император у всех на глазах быстро подбежал и лично сопровождал во дворец, где собрались высшие государственные чины [34]. Однажды, когда Юлиан превысил свои полномочия, то сам уплатил в качестве штрафа 10 фунтов золота [35]. Сократ Схоластик сообщает, что Юлиан был вторым после Юлия Цезаря правителем Римского государства, лично выступавшим в сенате со своими речами [36].

Находясь в Константинополе, Юлиан уделял важное внимание и обороне границ: ремонтировал укрепления, заботился о снабжении приграничных армий оружием, продовольствием, одеждой, жалованьем [37].

Решив первые, самые неотложные, задачи, Юлиан направился из Константинополя в Антиохию, ближе к восточным границам империи. По пути он продолжал проявлять заботу о благе подданных, предоставляя денежные суммы на восстановление городов и занимаясь разбирательством судебных тяжб [38]. В Антиохии Юлиан провел зиму 362/363 г. Именно здесь он издал свой знаменитый эдикт о запрете преподавать в школах христианским риторам и грамматикам [39]. Однако главным, чем занимался император в Антиохии и на что были направлены все его помыслы, являлась подготовка к походу против персов. Современник, очевидец и участник описываемых событий, римский историк Аммиан Марцелин считал, что основным мотивом Юлиана была жажда мести и славы [40]. Стремясь вызвать благосклонное отношение со стороны богов к своему будущему мероприятию, император совершал небывалые по своему размаху жертвоприношения. Это вызывало непонимание и критику даже со стороны языческой интеллигенции. Масла в огонь подлил эдикт Юлиана о снижении цен на продукты питания — в результате этого шага продовольствие вообще исчезло с прилавков [41].

Все эти мероприятия Юлиана привели к резкому похолоданию в отношениях между ним и жителями Антиохии, что ярко проявилось в его язвительном памфлете "Антиохиец, или Враг бороды". В конце концов, отношения между императором и антиохийцами, такие теплые в начале, были окончательно испорчены. Примерно тогда же, к началу весны 363 г., было все

готово к походу против персов. 5 марта Юлиан покинул Антиохию, гневно отвергая просьбы ее жителей о милости и обещая никогда больше не возвращаться в этот город. Как выяснилось в последствии, это обещание Юлиана оказалось пророческим. Так начался печально знаменитый персидский поход императора Юлиана...

Последний поход

В начале апреля 363 г. римская армия в количестве около 65 тысяч человек [42] пересекла границу с Персией и вторглась на ее территорию. Войско Юлиана продвигалось вдоль левого берега Евфрата, захватывая и разрушая встречавшиеся ему на пути персидские крепости. Подвергаясь на марше постоянным набегам персидской кавалерии, римляне дошли до столицы Персии — Ктесифона, под стенами которого персидское войско было разбито [43]. Однако для осады и взятия такой мощной крепости сил у римлян было все же недостаточно, и поэтому на военном совете было решено продвигаться дальше на юг, вглубь персидской территории [44]. Вскоре выяснилось, что вся местность вокруг была выжжена персами, и Юлиан был вынужден повернуть на север, в направлении римской области Кордуэны, лежавшей в верхнем течении Тигра. И здесь случилось непредвиденное — во время одной из атак персов на римское войско Юлиан бросился на помощь своим солдатам, не одев доспехов и имея при себе лишь щит; в этот момент брошенный кем-то кавалерийский дротик ударил его в незащищенный правый бок и пронзил печень [45]. Рана оказалась смертельной, и в ту же ночь Юлиан скончался. Как пишет очевидец всех этих событий Аммиан Марцеллин, свой смертный час император встретил спокойно и мужественно, беседуя с философами-неоплатониками, сопровождавшими его в этом походе, — Максимом и Приском — о высоких свойствах человеческого духа [46].

До сих пор историки не могут точно ответить на вопрос о том, с чьей стороны был пущен тот роковой дротик. Существуют две основные версии случившегося, появившиеся буквально сразу после смерти Юлиана. Согласно первой из них, император погиб от руки персидского воина (эту точку зрения высказывали Аммиан Марцеллин, лично присутствовавший при описываемых событиях, и Аврелий Виктор, современник Юлиана и один из его приближенных [47]).

Версия о предательстве не так популярна среди историков,

но и она имеет свое обоснование. Впервые она прозвучала у того же Аммиана Марцеллина, а затем — у Либания, Сократа Схоластика и некоторых других позднеантичных и раннесредневековых авторов [48]. Согласно ей, Юлиан стал жертвой воина-христианина, находившегося в римском войске и воспользовавшегося удобным случаем для устранения ненавистного императора-язычника.

Так внезапно, в расцвете лет и сил, прервалась жизнь императора Юлиана Отступника. Его тело было перевезено в предместье малоазийского города Тарса и в сопровождении скромной процессии предано земле.

В заключение мы считаем уместным привести слова известного российского и польского историка-антиковеда Ф.Ф. Зелинского: "Но не как Отступник должен жить Юлиан в памяти потомков. Он мог в своих мечтательных намерениях ошибаться, и наверняка ошибался; краткость его правления не позволяет сделать окончательное суждение об этой стороне его деятельности. Однако нужно признать, что со времени Траяна на троне Рима не было столь энергичного, честного и преданного своему тяжкому долгу владыки" [49].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Negri G. Julian the Apostate. Vol. 1. L., 1905. P. 1.
2. Чрезвычайно красноречивым примером влияния мировоззрения современных Юлиану авторов на восприятие его личности могут служить следующие отрывки:
 - 1). "Шея нетвердая, плечи движущиеся и выравнивающиеся, глаза беглые, наглые и свирепые; ноги — не стоящие твердо, но сгибающиеся, нос — выражающий дерзость и презрительность, черты лица смешные, смех громкий и неумеренный, ...речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы — ничем не лучше" (Григорий Богослов. Речь 5. // Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. Сергиев Посад, 1994. С. 134).
 - 2). "Среднего роста, волосы на голове очень гладкие, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, ...толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи, от головы и до пяток сложение вполне пропорциональное, почему и был он силен и быстр в беге" (Аммиан Марцеллин. История. XXV. 4. 22).
3. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Vol. 1 — 2. Lipsiae, 1874 — 1875. Есть русский перевод: Аммиан Марцеллин. История. Вып. 1 — 3. Киев, 1906 — 1908.
4. Libanii opera. Vol. I — XII. Lipsiae, 1903 — 1924. Есть русский перевод

речей Либания: Либаний. Речи. Т.1 – 2. Казань, 1914 – 1916.

5. Юлиан император. Письма. // Вестник древней истории. 1970. № 1 – 3.

6. Аврелий Виктор. О жизни и нравах римских императоров. // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 227 – 252; Евтропий. Краткая история от основания города. // Римские историки IV века. М., 1997. С. 5 – 76; Созомен Эрмий. Церковная история. СПб., 1851; Сократ Схоластик. Церковная история. СПб., 1850; Festi breviarium rerum gestarum populi Romani. Lipsiae, 1886; Феодорит. Церковная история. СПб., 1852; Филосторгий. Сокращение церковной истории. СПб., 1854; Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1 – 2. Сергиев Посад, 1994; Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893.

7. Аммиан Марцеллин (XXV. 3. 23) сообщает, что в год смерти (363) Юлиану исполнялось тридцать два года.

8. Аммиан Марцеллин. История. XXV. 3. 23.

9. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 1; Созомен. Церковная история. V. 2.

10. Аммиан Марцеллин. История. XXII. 9. 4; Borris E., von. Iulianus (Apostata). // Pauly's Real-Encyclopidie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Halbband 19. Stuttgart, 1917. S. 26.

11. Borris E., von. Iulianus (Apostata). // Pauly's Real-Encyclopidie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Halbband 19. Stuttgart, 1917. S. 27.

12. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 423.

13. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 1; Созомен. Церковная история. V. 2.

14. Аммиан Марцеллин. История. XXV. 2. 7.

15. Созомен. Церковная история. V. 2; Аммиан Марцеллин. История. XV. 2. 8.

16. Аммиан Марцеллин. История. XVI. 5. 14 – 15; XVIII. 3. 2.

17. Там же. XVI. 12. 63.

18. См. об этом: Разин Е.А. История военного искусства. Т. 1. Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1955. С. 451 – 455.

19. Холмогоров В.И. Римская стратегия IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина. // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 92; Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. L., 1966. P. 340.

20. Аммиан Марцеллин. История. XVII. 4. 4.

21. Там же. XX. 4. 14.

22. Там же. XX. 8. 5 – 17; Аврелий Виктор. О жизни и нравах римских императоров. XLII. 16. Сообщение Сократа Схоластика о том, что Юлиан из-за своего высокомерия даже не пытался наладить связи с Констанцием (III. 1), скорее всего не соответствует действительности и порождено

стремлением к очернительству личности Юлиана церковными историками.

23. Аммиан Марцеллин. История. XXI. 2. 4 – 5.
24. Там же. XXI. 10. 1.
25. Там же. XXII. 2. 4 – 5.
26. Там же. XXII. 4. 9 – 10.
27. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 14, 18, 20.
28. Там же. III. 1, 11.
29. Феодорит. Церковная история. III. 8.
30. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 13, 16.
31. Сократ Схоластик объясняет это желанием Юлиана пополнить казну перед началом войны с персами (III. 13).
32. Юлиан. Цезари. // Ранович А.Б. Античные критики христианства. М., 1935.
33. Аммиан Марцеллин. История. XXII. 7. 1.
34. Там же. XXII. 7. 3.
35. Там же. XXII. 7. 2.
36. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 1.
37. Аммиан Марцеллин. История. XXII. 7. 7.
38. Там же. XXII. 9. 5, 8 – 11.
39. Там же. XXII. 10. 7; Феодорит. Церковная история. III. 8.
40. Аммиан Марцеллин. История. XXII. 12. 1 – 2. Эта же точка зрения господствовала во всей позднеримской историографии, считавшей восточный поход Юлиана лишь результатом его стремления к славе, подобной славе Александра Македонского (Аврелий Виктор. О жизни и нравах римских императоров. XLIII; Сократ Схоластик. Церковная история. III. 21).
41. Сократ Схоластик. Церковная история. III. 17; Аммиан Марцеллин. История. XXII. 14. 1 – 2.
42. По данным Зосимы, во главе с Юлианом в Персию вторглась 65-тысячная армия (Zosimus. Historia nova. III. 25), однако незадолго до этого еще один отряд во главе с полководцами Прокопием и Себастианом численностью около 18 тысяч человек (Zosimus. Historia nova. III. 12) был направлен в северо-восточном направлении для охраны границы в верхнем течении Тигра от возможного флангового удара со стороны персов. Согласно же Аммиану Марцеллину, с Прокопием и Себастианом ушло 30 тысяч воинов (Аммиан Марцеллин. История. XXIII. 3. 5).
43. Аммиан Марцеллин. История. XXIV. 6. 4 – 15.
44. Там же. XXIV. 7. 2.
45. Там же. XXV. 3. 1 – 7.
46. Там же. XXV. 3. 23. Предсмертное восклицание Юлиана, якобы адресованное Иисусу: "Ты победил, галилеянин!" (Феодорит. Церковная история. III. 25), – всего лишь легенда, так как ни кем из современных Юлиану авторов, в том числе – и Аммианом Марцеллином, очевидцем смерти императора, этот эпизод не зафиксирован.

47. Аммиан Марцеллин. История. XXV. 3. 6; Аврелий Виктор. О жизни и нравах римских императоров. XLIII. 3.
48. Аммиан Марцеллин. История. XXV. 6. 6; Либаний. Речь XVIII. 274 – 275; Сократ Схоластик. Церковная история. III. 21. Основной довод сторонников этой версии заключается в том, что после гибели Юлиана никто из персов не был награжден и вообще как-либо отмечен; следовательно, убийство императора – дело рук кого-то из римских, а не персидских воинов.
49. Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 1999. С. 427.

УИЛЬЯМ ПЕНН, КВАКЕРЫ И ОСНОВАНИЕ ПЕНСИЛЬВАНИИ

На карте США есть необычное название "Филадельфия" - "город братской любви". У этого города, являющегося столицей штата Пенсильвания, удивительная история. Его основание тесно связано с личностью видного политического и религиозного деятеля XVII в. Уильяма Пенна (1644-1718), и религиозной протестантской сектой квакеров,¹ возникшей в разгар Английской буржуазной революции. Основателем секты был сын ткача, ремесленник Джордж Фокс (1624-1691), который выработал свои представления о "правильной вере". В 1647 г. он утвердился в мысли, что бог обитает не в небесах и не в рукотворных храмах, а душе каждого человека, проявляя себя как внутренний свет добра и любви ко всему живому; тот, кто почувствует в себе этот свет, освободится от власти первородного греха и проклятья, обретет мир и чистую совесть.² Мысль эта в те времена являлась глубоко еретической, так как шла вразрез с господствующим в пресвитерианской и конгрегационалистской церквях кальвинизмом.³ За популяризаторство новых религиозных идей, противоречащих господствующему конгрегационализму, Фокс был привлечен к суду. И в годы протектората Кромвеля и в период Реставрации квакеров преследовали. Только принятый в 1689 году "Акт о веротерпимости" легализовал их деятельность.

Особенность вероучения квакеров сводится к утверждению, что истинная вера проявляется не в том или ином церковном учении, а в некотором акте "озарения святым духом", "внутренним светом", который свидетельствует о вечном присутствии Христа в каждом верующем и указывает путь к нравственному совершенству.

Проповедь гуманности присутствует во многих сочинениях квакеров. В "Дневнике" квакера Джона Вулмана можно прочесть: "Истинная религия заключается во внутренней жизни, где сердце питается любовью и милостью Бога-творца, и научается творить истинную справедливость и добро не только по отношению

клюдям, но и по отношению ко всякому зверью".⁴ Священное писание считается у квакеров единственным и безусловным источником веры, внешняя обрядность не играет у приверженцев данного вероучения никакой роли. В помещениях, где собираются члены "Общества друзей", как они сами себя называют, нет никаких внешних религиозных атрибутов - алтарей, образов. Собравшись в пустой комнате, молча, с покрытыми головами сидят квакеры, погружившись во внутреннюю молитву, пока один из них не почувствует, что в нем зажегся внутренний свет и не начнет импровизированную проповедь. Квакеры отрицают необходимость духовенства, считая проповедь свободным выражением "озарения" любого члена общины. Они провозглашают равенство всех членов, придерживаются выборности руководства.

Вера в постоянное улучшение и развитие духовной природы человека наложило печать на моральные принципы, которые включают требования безусловной честности в отношениях друг к другу, обязательного труда, строгого соблюдения брачных уз, уважения к старшим; им присущ определенный аскетизм в одежде, образе жизни, они активно занимаются благотворительностью. В обращении к друг другу квакеры допускают только дружеское "ты", не признают над собой никаких авторитетов и власти, ни перед кем не снимают головного убора и не преклоняют колен. Проповедь квакеров носит четко выраженный пацифистский характер. Они осуждают ношение оружия. Квакеры не признают многих государственных установлений (служба в армии, присяга, десятина и пр.)⁵

Некоторые из квакеров осуждали рабство негров и выступали за расовое равенство. В "Беседах об истинной гармонии человечества" Д.Вулман писал: "Трудиться ради окончательного освобождения от духа насилия есть великая задача всей семьи Иисуса Христа в этом мире".⁶ Наиболее примечательным событием в антирабовладельческом движении является заявление джермантаунских квакеров в 1688 г., когда 4 члена общины выступили с призывом покончить с рабством черных, прежде чем те сами поднимутся на борьбу за свое освобождение, и занесут меч над головами своих хозяев. Однако большинство американских квакеров все же считали рабство естественным порядком вещей.⁷

Уильям Пенн, основатель Филадельфии и владелец

Пенсильвании, стал приверженцем этого вероучения и сыграл важную роль в ранней американской истории. Между тем русскому читателю имя У.Пенна почти неизвестно. Очень мало упоминается о нем в трудах отечественных историков.⁸ А ведь это - одна из интереснейших личностей нового времени. В то же время в американской историографии существует около 30 его биографий и довольно много работ о Пенсильвании.⁹

Уильям Пенн был старшим из трех сыновей адмирала английского флота У.Пенна и его жены, датчанки Маргарет Джаспер. Его отец был активным участником английской буржуазной революции XVII века и сподвижником Кромвеля. После завоевания Ирландии он получил там, в 1652 г., богатое поместье. Пока трое его детей росли, он богател и возвышался в чинах. Морские призы приносили ему немалый доход. В 23 года он был контр-адмиралом в Ирландском море, в 25 лет вице-адмиралом. У.Пенн был единственным моряком, который носил звание Генерала морского флота.¹⁰ В 1655 г. Кромвель посылает его в Вест-Индию для захвата испанских колоний. Экспедиция была не вполне удачной, но все же англичанам удалось захватить Ямайку. Однако Кромвель был недоволен результатами, и по возвращении У.Пенн был посажен в Тауэр, но вскоре освобожден.¹¹ После смерти протектора он сблизился со Стюартами, находившимися в Голландии, и явился одним из активных участников Реставрации. Отличился в англо-голландской войне 1664-1667 гг. Его старший сын, тоже Уильям, родился 16 октября 1644 г. Детские годы будущего основателя Пенсильвании прошли в Лондоне, в Эссексе и в графстве Корк, в Ирландии, образование получал у домашних учителей. К поступлению в колледж готовился в Чигвеллской грамматической школе. Семья была состоятельной, отец Уильяма являлся фаворитом и кредитором королевской семьи. В возрасте 16 лет в 1660 году У.Пенн был принят в Оксфорд, в Крист Черч колледж. В этом же году его отец удостоился рыцарского звания. В колледже У.Пенн попал под влияние Томаса Ло, квакерского проповедника из Ирландии.¹² Ему пришлось оставить колледж из-за его новых религиозных взглядов, так как он отказался исполнять требуемые обряды англиканской церкви. После возвращения домой у Уильяма возникает конфликт с отцом, и тот изгоняет его из дома. Однако заступничество матери смягчает гнев отца, и тот отправляет своего старшего сына на континент с группой молодых дворян. В

Париже он был представлен ко двору "короля-солнце" Людовика XIV, но Пенна не увлекает придворная жизнь, он решает продолжить свое образование в протестантском гугенотском колледже в Соммюре, совершенствуя свои познания в церковной истории, теологии, древних и во французском языках. Затем путешествует по Франции и Италии. По возвращении в Англию он изучает право в Линкольн-инн в Лондоне.¹³ По требованию отца он принимает участие в отражении вторжения голландцев. Этой операцией руководили герцог Йоркский и его отец. С этого момента начинается дружба Уильяма с братом короля, именно поэтому ему дают почетное поручение доставить донесение королю Карлу II.¹⁴ Вернувшийся в Лондон во время "великого пожара", отец находит сына вновь увлекшимся религиозными проблемами, поэтому он отправляет его в Ирландию, в свое новое поместье Шэнгери. Там У.Пенну приходится служить под началом герцога Ормондского и участвовать в подавлении солдатского мятежа, за что он получает чин капитана. Адмирал вовсе не проявляет заинтересованности в дальнейшей военной службе сына и настаивает на его возвращении к делам поместья. Находясь в Ирландии, Уильям вновь встречается с квакерским проповедником Томасом Ло. Эта встреча окончательно определяет его выбор. В 1667 году он вступает в Общество друзей. Во время посещения одного из квакерских собраний он был арестован, но вскоре освобожден, и возвращается в Лондон, где его встречает враждебное отношение отца, не понимающего его равнодушия к политической карьере.¹⁵

В следующем году он становится квакерским проповедником и пишет первую из своих 157 работ - "Возвышающая истина". Литературное наследие У.Пенна достаточно велико. Он много писал на теологические, моральные и политические темы, но наибольшую известность ему принесли афоризмы, собранные в книге "Некоторые плоды одиночества", где он предвосхищает религиозные и житейские правила Бедного Ричарда Бенджамина Франклина. В "Плодах отцовской любви" (сочинении, адресованном детям накануне его отъезда в Пенсильванию в 1699 году) он описывал внутренний свет, коренной принцип квакеризма, как "свет Христа в вашем сознании, посредством которого вы можете ясно увидеть, вдохновлены ли ваши поступки, да и ваши слова и мысли богом, или нет... И повинувшись этому божественному свету в его святых догматах,

вы окажетесь за пределами темных и неправедных путей и дел этого мира, и вступите на праведный путь Христа, и окажитесь среди его истинных и самоотверженных последователей".¹⁶ Очень важным был пропагандируемый У. Пенном принцип простоты в изложении своих мыслей, который распространялся и на его литературное творчество: "Думай не о словах, а о сути, и главное - стремись быть простым и понятным; высшее красноречие - в простоте, а краткая речь - лучшая речь".¹⁷ Его следующее религиозное сочинение, направленное против тринитарианизма "Потрясение основ", вызвало гнев англиканского духовенства и У.Пенн оказывается на 9 месяцев заключенным в лондонский Тауэр. Здесь он пишет свою самую известную работу в защиту квакерства: "Ни креста, ни короны", восхваляющую идеалы аскетизма, добродетели и социальных реформ. Данный трактат считается одним из наиболее талантливых произведений "тюремной прозы" в истории человечества.¹⁸ После освобождения он на короткое время вновь едет в Ирландию. Затем возвращается в Лондон, где активно включается в деятельность квакеров. Его снова арестовывают во время квакерского собрания вместе с другим видным проповедником Уильямом Мидом, и препровождают в Ньюгейтскую тюрьму по обвинению "в проповеди незаконных, мятежных и бунтарских идей". В 1670 г. в ходе судебного процесса, подробно описанного в работе Пенна "Восстановление древних и справедливых народных свобод", Уильям доказывает несправедливость выдвинутых против них обвинений. И суд присяжных оправдывает его. Это стало настоящей сенсацией. Присяжные были оштрафованы, а после их отказа выплатить штраф, они были заключены в тюрьмы. Однако затем их были вынуждены оправдать, и данное "дело Бушуэлла" (по имени председателя суда присяжных) вошло в историю судопроизводства как первый прецедент независимости суда присяжных и незыблемости их решения.¹⁹ Это позволило адвокату Альберту К. Майерсу заявить: "Его вдохновенная и умелая защита свободы англичан и последовавшее за этим оправдание стойким и мужественным жюри присяжных вопреки давлению судей является результатом существующей в Англии системы правосудия".²⁰ Поразительна эта тяга к мученичеству, к терновому венцу у членов "Общества друзей". Пострадать за свои убеждения, быть заключенным в тюрьму - кажется им совершенно естественным.²¹

Вернувшийся из тюрьмы Уильям нашел своего отца

на смертном одре, что окончательно их примиряет. Однако в феврале 1671 г. он снова арестовывается за отказ принести присягу верности королю, поскольку это противоречит квакерскому вероучению. Как и прежде он попадает на 6 месяцев в Ньюгейт, а после освобождения уезжает в Голландию и Германию, где вновь занимается религиозной квакерской пропагандой.²²

В апреле 1672 г. У.Пенн женится на Джулии Марии Спрингет, и они устраивают свой дом в Херфордшире.²³ В этом браке у него родилось восемь детей, четверо из которых умерли в раннем возрасте. Несмотря на изменившиеся семейные обстоятельства У.Пенн продолжает активно заниматься делами религиозной общины в Англии и на континенте, пишет около 40 трактатов по вопросам религиозной доктрины и практики. Именно в это время он и Общество друзей обращают свои взоры к Америке, как стране, обещающей религиозную свободу и новую жизнь для всех преследуемых в Старом Свете. Счастливым обстоятельством для квакеров является то, что такой выдающийся человек, как Уильям Пенн выступает в поддержку их дела. Он имеет теперь связи при дворе, он в дружбе с королем Карлом II и его братом, герцогом Йоркским.²⁴

В 1675 г. группа квакеров из 11 человек приобретает землю в восточном Нью-Джерси, он соглашается стать одним из доверенных лиц и пайщиком новой колонии и участвует в выработке ее Конституции. В ней он выдвигает идею о том, что свобода народа выше королевских прерогатив.²⁵ Вскоре он становится также владельцем западной части Нью-Джерси и приобретает часть территории колонии Нью-Йорк у герцога Йоркского (позднее штат Делавэр). Английский король Карл II, будучи должником его отца, выступавшего кредитором Стюартов, в погашение долга (16 тысяч фунтов стерлингов) предлагает ему земли (47 млн. акров) между Мэрилендом и Нью-Джерси. Согласие между наследником и короной было достигнуто, и в 1681 г. Карл II официально жалует Уильяму Пенну провинцию Пенсильванию.²⁶ (Лесная страна Пенна, так переводится это название, которое было предложено королем Карлом II в честь отца У.Пенна, прославленного адмирала. Сам Пенн предполагал назвать свою колонию Новым Уэльсом, так как это была "приятная холмистая страна"). Эта территория была больше, чем Ирландия, и так же велика, как Англия. Королевский патент делает его собственником, владельцем и губернатором новой

провинции. Он становится владельцем земли на феодальных правах свободного соккеджа с уплатой королю пятой части найденных в колонии золота и серебра. Однако Пенсильвания оказалась богатой углем и железом. У. Пенн предлагает поселенцам покупать у него землю на льготных условиях или арендовать по 200 акров с уплатой 1 пенни за акр. Владелец требовал также внесения квит-ренты в размере 1 шиллинг за каждые 100 акров. В его намерения входит основать колонию для всех изгнанников их Европы, страдающих от нищеты и религиозных преследований, представителей любых сект из Англии, Ирландии, Шотландии, Уэльса, Германии, Голландии, Франции и Швейцарии. Он пишет, что хотел бы "добиваться превращения новой колонии в пример сосуществования людей разных наций, которые бы жили в общем доме, и это был бы Священный эксперимент".²⁷

У. Пенн использует все способности для пропаганды своих намерений перед будущими колонистами, он хочет, чтобы люди, желающие получить гражданскую, религиозную и экономическую свободу, примкнули к его плану. Это тем более важно, что в Англии усиливаются религиозные преследования диссидентов. В своей жалобе парламенту У. Пенн называет цифру в 10 тысяч квакеров, брошенных в тюрьму, причем 243 из них скончались от жестокого обращения. Он предлагает будущим поселенцам приобретать или арендовать у него землю. Он сам распространяет среди ремесленников и крестьян Англии и Германии написанные им прокламации, в которых описывает выгоды переселения в Америку. Пенн обещал каждому, кто поселится вместе с семьей в его колонии, 500 акров земли.²⁸ Ему активно помогают в реализации его планов квакеры.

31 августа 1682 г. Уильям Пенн отплывает от берегов Англии на 300-тонном корабле с пророческим названием "Добро пожаловать". 28 октября он высаживается в Ньюкасле, нижней Пенсильвании и вступает во владение своей новой территорией. Он пишет домой: "Я благодарю Бога, что нашел землю благодатной, воздух свежим и приятным, еду отличной и великолепной во всех отношениях. Мне кажется, что нет недостатка в предприимчивых и энергичных людях, и эти места ни в чем не уступают Европе... К великолепию здешней природы будет приложено искусство человека".²⁹ Его великая идея состоит в том, чтобы основать "свободное и добродетельное" государство, в котором "народ управлял бы сам". В его планы входит посещение квакеров в Делавэре, Пенсильвании, Нью-Джерси, установление мирных

отношений с индейцами, улаживание территориальных споров с лордом Балтимором и поиски места для столицы колонии.³⁰

У.Пенн выбирает место для будущей столицы колонии - Филадельфии - при слиянии рек Скайкил и Делавэр. Он планирует выделить под застройку 10 тысяч акров, но первоначально ограничивается 1200 акрами. По его мнению, это должен быть очень зеленый город, имеющий четкую планировку, дома-усадебные, набережные, общественный сквер. В скором времени Филадельфия превращается в один из самых крупных городов колониальной Америки. В ней имеются пристань, гостиница, биржа, почта, школа и типография. Ведется большое строительство каменных домов с балконами, портиками и черепичными крышами. В 1685 г. У.Пенн пишет про Филадельфию, что там проживает множество полезных мастеров самых разных профессий.³¹

Пенн подписывает серию договоров с индейцами, покупая у них землю, которая является его фактической собственностью согласно жалованной грамоте короля, так как хочет, чтобы между поселенцами и индейцами были самые дружеские отношения, чтобы "между ними царили взаимопонимание и добрососедство, и чтобы англичане и индейцы жили в любви и дружбе до тех пор, пока солнце светит на небе". Это объясняется доброй волей Пенна, связанной с его религиозными воззрениями.³² Квакеры были принципиальными противниками ношения оружия и его использования. Соседями Пенна были сильные племена делаваров, с которыми целесообразно было дружить, приходилось считаться и с их воинственными противниками - ирокезами. Это обеспечило довольно долгое и относительно равноправное мирное сосуществование "белолицых" и "краснокожих" в колонии Пенна.³³ В молитвенном доме Общества друзей в Филадельфии хранится уникальный экспонат - вампум (красочно расшитый индейскими женщинами пояс), который символизирует дружественные отношения с индейцами. Земли, купленные у индейцев, были пущены в продажу по 4 пенса за акр, а деньги поступали в доход колонии. Пенн отвел равные участки своим трем детям, а также 10 тысяч акров — Д.Фоксу. Немцы с Рейна купили у него 18 тысяч акров и основали поселение Джермантаун, Франкфуртская компания — 25 тысяч акров, квакеры Уэльса — 30 тысяч.

25 апреля 1682 г., Пенн издал разработанные им "Правила управления" с тем, чтобы ни у него, ни у его наследников "не было полномочий для свершения неправых поступков, чтобы воля одного

человека не могла создать угрозу благосостоянию целой страны". Согласно этому документу правительство колоний состоит из губернатора, его заместителя и Совета провинции из 72 человек, ежегодно переизбираемых на треть, а также выборной общей ассамблеи. Последняя издавала законы, назначала должностных лиц, утверждала налоги и вела общественные дела. Эти органы имели больше прав, чем аналогичные организации в других колониях. Хартия Свобод, дарованная жителям Провинции, предоставляла им право голоса, право свободных и честных выборов, гласное судопроизводство и суд присяжных, профессиональное обучение детей с 12 лет. Избирателями являлись свободные граждане-христиане, достигшие 21 года, владевшие 50 акрами земли или налогоплательщики. Хартия предоставляла полную свободу вероисповедания, которая строго соблюдалась. "Каждый человек свободен исповедывать какую ему угодно веру, только бы это не нарушало общего спокойствия". Лорду-собственнику предоставлялось право законодательной инициативы, назначения губернатора и должностных лиц. Ассамблея на своем ежегодном собрании могла лишь утверждать или отвергать предложенного губернатора.³⁴ 30 марта 1683 г. Пенну пришлось подписать новую Хартию для своей колонии. В ней были значительно расширены полномочия ассамблеи. Избиратели получали право выбора членов Совета и судей. В области социальных мероприятий квакеры ограничились запретом питейных заведений, скачек, петушиных боев, игры в кости и карты, театра. Были приняты законы о школьном образовании детей, обучении их ремеслу и призрении бедняков.³⁵

Серьезной проблемой стало определение границ новой колонии с Мэрилендом. Пенн имел встречу с лордом Балтимором, владельцем колонии Мэриленд, но они оказались не в состоянии решить свои пограничные проблемы, пока позднее, в 1763-1767 гг., не была проведена линия Дикси-Мэйсона.³⁶ Пенн провел два года во время своего первого визита в колонии Пенсильвания, и когда дела были улажены, возвращается в Англию.

В 1685-1686 гг. он находится при королевском дворе. В это время его старый друг Герцог Йоркский стал королем Яковом II. Пенн просит короля разрешить вернуться в Англию Д.Локку. Под влиянием Пенна король издает Акт веротерпимости, по которому из тюрем выпускаются католики и квакеры.³⁷ Но Яков II был изгнан из страны в 1688 г., и новыми королем и королевой стали Вильгельм Оранский и Мария II Стюарт. Права Пенна

на Пенсильванию были временно аннулированы, два года его колония управляется как королевская, сам он снова оказывается в тюрьме, как близкий свергнутому королю политический деятель. В 1693 г. Вильгельм III выпускает его из тюрьмы и восстанавливает в правах владельца колонии в обмен на присягу верности. Однако он продолжает оставаться на подозрении у нового правительства как якобит, его имуществу наносится ущерб многочисленными конфискациями.³⁸ В эти годы он занимается литературной и публицистической деятельностью. Пишет ряд значительных сочинений: "Новый афинянин", "Справедливые меры", "Ключ к истинному пути", "Краткое описание людей, именуемых квакерами", "Плоды уединения". В 1693 г. он публикует свой лучший памфлет "Эссе о настоящем и будущем мира в Европе", который не утратил своей актуальности и в наши дни. Рассматривая политику европейских наций, причины войн и условия установления мира, он считал, что великая цель государственного правления состоит в охране мира и порядка, и доказывал, что эту цель легче достигнуть справедливостью, а не войной. Предложение Пенна о создании Лиги Наций, которая будет действовать как международный парламент, имеющий представителей из всех стран, являлось весьма важным. Подобный парламент должен был разрешать споры между народами, объединяя их не силой, но справедливостью. Предполагались его регулярные собрания, и деятельность на основе справедливых правил. Пенн призывал отказаться от применения силы в международных делах. "Делать зло с целью, чтобы из этого вышло добро, одинаковое мошенничество, как в политике, так и в нравственности".³⁹ У. Пенн, как философ и политик, объединял в себе идеализм и реализм, мудрость и простоту, хитрость и доверчивость, успехи и неудачи, но всегда оставался верным великим принципам свободы.

В 1694 г. изменяются его семейные обстоятельства, умирает жена Джулия. Спустя два года он женится на Ханне Гэллоухилл, от которой у него родилось семь детей.⁴⁰ В 1697 г. У. Пенн предложил Государственному Совету Англии свой план в отношении североамериканских колоний с целью сделать их "более полезными для Короны", советуя объединить их в единое целое. За три четверти века до Декларации Независимости он предложил идею единства североамериканских колоний, но под главенством английской короны.⁴¹ В 1698 году происходит знаменательная встреча У. Пенна с русским царем Петром I. Петр заинтересовался

учением квакеров и Пенн направляет ему затем послание с изложением своих взглядов. По-видимому, эта встреча не оказала прямого влияния на царя. Лишь много лет спустя, в 1790 г., в Москве была опубликована книга У.Пенна "Плоды уединения" ("Fruits of Solitude"), а в царствование Александра I квакеры получили возможность посетить Россию.⁴²

В 1699 г. У.Пенн отплывает на борту "Кентербери" во второй раз к берегам Америки, в Пенсильванию, чтобы встретиться со своим секретарем Джеймсом Логаном, который становится одним из самых влиятельных лиц в провинции. Пенн ж ивет в одном из домов новой столицы колонии - Филадельфии. Во время своего вторичного пребывания в Пенсильвании он разрабатывает и принимает Привилегированную Хартию, которая окончательно заменяет Хартию Свобод.⁴³ 50 лет спустя, в 1751 г., Ассамблея Пенсильвании принимает решение отлить Колокол в ознаменование Хартии У.Пенна, именно этот колокол впоследствии станет Колоколом Американской Свободы. У.Пенн мечтает также о том, чтобы отменить рабство. Он предлагает на рассмотрение ассамблеи два закона о правовом регулировании браков среди негров-рабов, а также о наказаниях. Но идея отмены рабства в то время не встречает поддержки среди состоятельных колонистов.⁴⁴ Во время своего второго посещения Америки У.Пенн ведет жизнь, о которой всегда мечтал, - жизнь сельского джентльмена, и его гостеприимство включает прием многочисленных делегаций его друзей - индейцев. Но снова необходимость заставляет его вернуться в Англию, чтобы защитить свои собственнические права на колонию. Изменяются его финансовые обстоятельства, в 1708 г. он оказывается даже на 11 месяцев заключенным во Флитскую тюрьму как несостоятельный должник. После этого он живет в относительной бедности, хотя его наследники извлекли впоследствии большие доходы из его достояния и литературных трудов. У.Пенн продолжает заниматься литературной и пропагандистской деятельностью, которая сильно повлияла на взгляды французских просветителей, считавших, что они открыли идеальное сообщество в "республике Пенсильвания". В "Философских письмах" (1754) Вольтер мог заявить, что Пенн принес на землю Золотой век, считавшийся до того выдумкой поэтов, но теперь реально существующий на земле Пенсильвании⁴⁵. Аббат Рейналь в "Философской истории обеих Индий" противопоставлял гуманное и разумное развитие "Республики Пенсильвания" зверствам испанских, португальских и других

европейских колонизаторов, которые они совершали во время колониальных захватов.⁴⁶

В 1712 г. прогрессирующий паралич подорвал здоровье У. Пенна. Он умер 30 июля 1718 г. в Рускомбе (Беркшир), и был похоронен квакерской общиной близ Чалфонта в Бэкингмшире. Последние слова, написанные Пенном перед болезнью своему секретарю Логану 4 октября 1712 г., были: "Прощай и продолжай устанавливать справедливый порядок, это твоя обязанность как действительного друга. Моя горячая любовь всем моим дорогим друзьям. У. Пенн."⁴⁷

На протяжении почти всего колониального периода Пенсильвания оставалась квакерской колонией. В ней осуществлялась попытка реализовать в Америке и

деалы общественного устройства, содержащиеся в учении основателя Общества друзей Д. Фокса: веротерпимость, защита прав личности и политическое равенство. Пенсильвания оказалась самой многонациональной колонией США, и религиозная терпимость играла в этом не последнюю роль, определяя более свободный и демократический характер социальной жизни поселенцев.⁴⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Квакерами (дрожащими) их прозвали в насмешку их противники. Сами себя они называли "друзьями в истине", или друзьями. Происхождение термина "квакеры" не вполне ясно. Согласно одной версии этот термин возник во время суда над Д. Фоксом, когда на все вопросы судьи Фокс отвечал: "Трепещите суда божьего!" Пока наконец, потерявший терпение судья не воскликнул: "Вот трепыхатель-то!" (Quaker - квакер). По другой версии приверженцев новой религии стали называть так потому, что на молитвенных собраниях они впадали в экстаз и доводили себя до судорог. См.: Чанышев А.Н. Протестантизм. М., 1969. С.80; Павлова Т.А. Приступ бессердечия // Родина.-1989.- N 10.-С.64-65.

2 Brailsford M.R. The making of William Penn/ Freeport, 1970.-P.66.

3 Павлова Т.А., Чибисенков В.С. "Общество друзей" // Вопросы истории. - 1986.- N 12.- С.101-102.

4 Вулман Д. Дневник. Ходатайство о бедных. М., 1995.-С.41; См. также: Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм.- М., 1989.-С. 48.

5 Wellborn F.W. The Growth of American Nationality. 1492-1865.

N.Y.,1953.-P.42.

6 Вудман Д. Ук. Соч.-С. 270; См. также: Литературная история США.- Том 1.-М., 1977.-С. 128-129.

7 Кислова А.А. Религия и церковь в общественно – политической жизни США.- М., 1989.- С.180.

8 См. Диксон В. Г. В.Пенн, основатель Пенсильвании. Спб.,1873; Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М.,1965.- С.195; Исторический лексикон. XVII век. М.,1998.-С.522-526.

9 Павлова Т.А. У.Пенн в современной англо-американской историографии. Постановка проблемы. /В кн.: Европа и Америка на перекрестках эпох.-Иваново,1992.-С.39-54.

10 Диксон В. Ук.соч.-С.14-17.

11 Самойло А. С. Ук.соч.-С.195.

12 Noble V. William Penn.L.,1971.-P.12.

13 Your Friend, William Penn. Philadelphia, 1995.-P. 2.

14 Buranelly V. The King and the Quaker. A Study of W.Penn and James II. Philadelphia,1962.-P.36.

15 Janney S.M. The Life of William Penn. N.Y.,1971.-P.56-57.

16 Литературная история США. - Том 1. - М.,1977.- С. 125.

17 William Penn speaks. Philadelphia, 1995.-P.2.

18 Исторический лексикон. XVII век. М.,1998.-С.524.

19 Там же.

20 Quakerism - a religion meaningful for today's world. A Brief Overview. Philadelphia, 1995.- P. 8.

21 Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. - М.,1993.-С.47-48.

22 Wellborn F.W. Op.Cit.-P.58.

23 Janney S.M. Op.cit.-P.76-77.

24 Buranelly V. Op.cit.-P.49.

25 Andrews Ch. M. The colonial Period of American History. Vol.3. New Haven, 1938.-P.326.

26 Самойло А.С. Ук.соч.-С.196-197; Buranelly V. Op. cit.-P.49; Fantel H. W.Penn. Apostle of Dissent. N.Y., 1904. – P.138. (У.Пенн был самым крупным земельным собственником в мире).

27 The Contributions of William Penn. Quaker Founder of Pennsylvania. Philadelphia.1975.-P.8.

28 Очерки новой и новейшей истории США. -Том 1.-М.,1960.- С.18-19; Калашников В.М. Записки Готтлиба Миттельбергера "Путешествие в Пенсильванию" как источник по истории немецкой колонизации Северной Америки в конце XVII – 1 половине XVIII в. // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1984, вып.12. С.121-132; Andrews Ch.M. Our Earliest Colonial Settlements. New York, 1933.-P. 189.

29 Your friend William Penn.- P.10.

- 30 Самойло А.С. Ук. Соч.-С.206.
- 31 Ефимов А.В. Очерки истории США. М., 1955.- С. 58; Wildes Н.Е. W.Penn. N.Y.-L.,1974.-Р.134-135. (1-я книга вышла в свет из Филадельфийской типографии в 1687 г.).
- 32 Аптекер Г. Колониальная эра. М.,1961.-С.35.
- 33 История США. Том 1.- М., 1983.- С. 62.
- 34 Самойло А.С. Ук соч.-С.197-198; Andrews Ch.М. Op. cit.-Р.326.
- 35 Там же.-С.198.
- 36 Мэйсон – топограф, проводивший линию разграничения. Впоследствии эта линия продлевалась на Запад по мере расширения территории США и стала границей между свободными и рабовладельческими штатами.
- 37 Dunn М.М. W.Penn. Politics and conscience. Princeton (N.Y.), 1967.- P. 114.
- 38 Noble V. W.Penn. L., 1971.-P.28.
- 39 Wm. Penn's "Vision of Peace". A Symposium commemorating the 300 Anniversary of William Penn's 1693 "Essay on the Present and Future Peace of Europe". Philadelphia Yearly Meeting of the Religious Society of Friends. 27 November 1993.
- 40 Fantel O. Op. cit. -P.22.
- 41 Illick J.E. W.Penn, the politician. His relations with the English government. Ithaca,N.Y., 1965.-P.151.
- 42 История США. Том 1. С.607.
- 43 Illick J.E. Op. cit. – P.221; Wildes Н.Е. Op. cit. – P.300-302.
- 44 В своем завещании он отпустил на свободу своих рабов.
- 45 Voltaire F.M. Arouet de. Lettres philosophiques. Paris, 1964. - P.38.
- 46 Литературная история США. -Том 1.- С.248.
- 47 Your friend William Penn.-P. 16.
- 48 Национальные процессы в США.- М., 1973.-С. 364; Кислова А.А. Ук.соч.- С. 16; Philadelphia Quakers, 1681-1981./ By R.H.Wilson. Philadelphia. 1982.

В. С. Антипов

НАСЛЕДИЕ ИСТОРИКА В КУРСЕ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

История зарубежной исторической науки изучается студентами педагогических институтов и университетов в курсе "Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки", завершающем цикл дисциплин всеобщей истории. Мировоззренческий аспект исторической науки особенно рельефно выступает в сфере историографии, где сопоставляются как различные методологические подходы, так и результаты исторических исследований. Изучение истории исторической науки позволяет расширить кругозор студентов, помочь следить за уровнем её развития, определять степень изученности тех или иных проблем, видеть новые исследовательские рубежи. Освоение курса историографии - важный этап в формировании самостоятельного взгляда студента на исторический процесс, выработке творческого подхода в преподавании истории, профессионального мастерства будущего учителя.

Основой изучения дисциплины является работа над историографическими источниками. С.О.Шмидт даёт следующее определение историографического источника: "Историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)".¹ Ознакомление с эволюцией исторической мысли, концепциями историков, результатами их исследований по учебным пособиям и литературе недостаточно, и без обращения к

историографическим источникам может скорее дать обратный эффект, иллюзию знания. Только непосредственная работа с историографическим источником может приобщить студента к пониманию процессов развития исторической науки того времени, когда создавался исследовательский труд.

Специальная литература по историографическим источникам нового времени невелика. Наиболее обстоятельно проблематика рассмотрена в трудах И.Я.Биска.² Могут быть использованы студентами некоторые работы специалистов по отечественному источниковедению, выходящих в своих исследованиях и на зарубежную проблематику.³

В то же время множество наблюдений относительно различных видов историографических источников разбросано в монографиях и научных статьях, посвящённых историкам прошлого,⁴ в комментариях к публикациям исторических сочинений.⁵

Большие трудности для работы студентов создаёт отсутствие на русском языке специальных словарей и справочников по понятийно-терминологическому аппарату, используемому для работы с историографическими источниками. В "Советской исторической энциклопедии" отсутствуют такие понятия как "историографический источник", "историческое сочинение", "жанр исторического сочинения", "монография", "биография", "эссе" и многие другие.

Классификация историографических источников

Историографические источники могут быть разбиты на несколько групп:

1. Вещественные. Родовой замок Монтескье в Ла Бреда, комната Карамзина в Остафьеве, где писалась "История государства российского", рабочий стол учёного, его чернильница (дорожная, подвесная, с песочницей, дешёвая, дорогая и т.п.), книги библиотеки многое могут рассказать об историке. Источники этой группы большей частью используются в музейной работе, при построении экспозиций.

2. Изобразительные. Особое место среди них занимает иконография - совокупность изображений историка. Скульптура Вольтера, портрет Э. Гиббона, дагерротип Ф. Гизо несут на себе отпечаток эпохи. Эти источники используются в исследовательской деятельности, преподавании, как незаменимый иллюстративный материал.

3. Документальные, созданные для текущих надобностей, связанные с жизнью и трудовой деятельностью историка, ситуацией в современной ему исторической науке. Они могут быть разделены на следующие подгруппы:

- актовые - различного рода государственные акты (постановления), касающиеся изучения истории, её преподавания, распространения исторических знаний. Сюда относятся цензурные уставы, законы об авторском праве и т.п.;
- канцелярские (делопроизводственные) включают текущую документацию исторических обществ, учебных заведений и их подразделений, исследовательских институтов, личные дела учёных - историков и т.п.;
- статистические, например, сведения о числе лиц с высшим историческим образованием, числе преподавателей в вузах и школах и т.п.

4. Нарративные (повествовательные) тексты об историке или полностью посвящённые учёному или содержащие упоминания о нём, исторической науке его времени. К ним относятся мемуары, письма, дневники, биографии, написанные современниками историка, хроники и т.п.

5. Тексты историка составляют основной массив историографических источников. Могут быть разделены на несколько подгрупп: сочинения историка; источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары); источниковые публикации, где историк являлся составителем или комментатором; черновики; материалы редакторской работы.

В вузовской практике преподавания историографии большей частью используются сочинения историка.

Жанры исторических сочинений

По отношению к отдельным видам исторических сочинений широко употребляется понятие "жанр". Оно синонимично с понятием "вид". Представляется, однако, что употребление термина "жанр" по отношению к историческим сочинениям более предпочтительно, ибо точнее выражает специфику этого вида историографических источников как *текста*. Впервые понятие "жанр" стало применяться во Франции XVI века по отношению к литературным сочинениям, а, следовательно, и историческим трудам, поскольку история ещё не отпочковалась от литературы. В XVIII - начале XIX в. история превращается в самостоятельную отрасль

знания и понятие "жанр" продолжает широко употребляться по отношению как литературным, так и историческим сочинениям.

Жанры исторических сочинений (и исчезнувшие, и ныне употребляемые) многообразны. Перечислим только некоторые из них: анналы, хроники, средневековые "истории", хронографы, биография, автобиография, трактат, монография, диссертация, научная статья, рецензия, историческое эссе, исторический очерк, учебник и т.д.

При выделении отдельных жанров используется ряд признаков /критериев/, носящих устойчивый, исторически повторяемый характер. Эти признаки выступают в виде некоей суммы приёмов труда историка, ориентированных на определённую читательскую аудиторию. Какие это признаки? Жанры различаются, во-первых, по объёму (размеру) текста. Например, это различие выступает как одно из определяющих между монографией и научной статьёй. Во-вторых, по композиции и структуре текста. Как пример можно привести различия по этим критериям между трактатом и хроникой. В-третьих, по особенностям стилистики, степени присутствия в изложении личностного начала. Сравним в этом случае отличия научной статьи, учебника и исторического эссе. Исходя из перечисленных критериев, можно дать следующее определение понятия "жанр": разновидность исторического сочинения, обладающая устойчивыми особенностями в композиции и структуре текста, объёме охвата материала, стилистических признаках.

Жанр проходит сложные пути становления, развития, трансформации, предстаёт в ряде модификаций, обнаруживает высокую степень приспособляемости к новым условиям. Причины возникновения жанров и их модификаций различны.

Во-первых, многое определяется социальными потребностями, возникающими на определённой ступени общественного развития. Можно говорить об относительной адекватности жанров породившим их формам социальной действительности. У различных народов примерно на одинаковой стадии развития появляются близкие жанры (анналы, хроники, мемуары, монографии и т.п.). Всемирные хроники могли появиться только как результат распространения христианства. Истории национальных государств возникают только с появлением наций, становлением раннего абсолютизма. Появление диссертации стало результатом поиска форм установления компетентности учёных.

Во-вторых, изменения в ментальности влекут за собой и трансформацию жанров. В качестве примера можно рассмотреть эволюцию жанров на раннем этапе нового времени, когда произошли значительные изменения в жанровой структуре комплекса исторических сочинений. Отходят на второй план хроники, жития святых. Бурно расцветает мемуаристика, историческая публицистика, биография и автобиография. Главной причиной этих изменений, как пишет М.Ф. Румянцева, стала "индивидуализация человека при переходе от средних веков к новому времени... Стремление оставить мемуары могло появиться лишь у человека, осознающего свою отделённость от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального исторического опыта", осознающего своё место "в эволюционном целом..., в чреде поколений".⁶

В-третьих, эволюция отдельных жанров может быть объяснена логикой их саморазвития, а в более широком плане и развитием исторической науки в целом. Как пример можно привести эволюцию монографии. Этот жанр появился ещё в античности. Исчезнув в средние века, он возрождается в новое время. В XVII - XVIII вв. постепенно обзаводится справочно-ссылочным аппаратом, правилами цитирования. В конце XVIII - первой половине XIX в. монография впитывает достижения исторической критики, получает устойчивую структуру, правила обязательного использования источников, включения историографического обзора. К середине XIX в. происходит становление современного типа монографии, прошедшей долгий путь от античности, но сохранившей главный признак жанра: фундаментальность исследования, охват всех сторон проблемы. Логикой развития исторической науки можно объяснить появление специальных отраслевых энциклопедий и справочников, библиографических трудов по истории.

В-четвёртых, серьёзное влияние на трансформацию жанров оказывают изменения в способах передачи знаний, переломные моменты в развитии коммуникаций. Появление книгопечатания способствовало исчезновению анналов и хроник, создало условия для превращения в массовые жанры мемуаров, памфлета. Становление периодической печати, возникновение журналов (сначала общественно-политических и научно-литературных, а затем и исторических) привело к появлению жанров научной статьи, рецензии.

В своём развитии на протяжении веков, а то и тысячелетий, жанр (как совокупность ряда признаков) проявляет значительную устойчивость. Часто жанр, оттеснённый на второй план, казалось бы, безвозвратно исчезнувший, возвращается в ряд исторических сочинений, хотя обычно и в сильно изменённом виде. О жанрах исторического сочинения можно сказать словами литературоведа В.В. Кожина: "Литература редко пренебрегает уже выработанными формами".⁷ Такой путь, например, прошла биография от параллельных биографий Плутарха до рубрицированной биографии Светония Транквила, житий святых средних веков, викторианской биографии Англии второй половины XIX века, современной научной биографии. Столь высокая консервативность жанров в каждом отдельном случае объясняется комплексом разных причин. Одна из них может быть сформулирована как "ожидание жанра читателем". Ибо "принятая для данного вида форма сама по себе служит знаком... Отсутствие информации, закодированной в специфической, функционально обусловленной и достаточно жёстко закреплённой форме вызвало бы значительную потерю в их коммуникативной способности".⁸

В каждую историографическую эпоху складывается своя система жанров исторических сочинений (так же как и других больших совокупностей источников). В такой системе выделяется группа ведущих, наиболее распространённых жанров. Для гуманистической историографии характерны трактат, история города-государства, биография, мемуары, история национального государства, историческая публицистика. Рационалистическая историография Просвещения дала всемирную историю, монографию, историческое эссе. В период романтической историографии складывается система жанров, в основном сохранившаяся до настоящего времени. Ведущее место переходит к монографии, научной статье, рецензии, лекции, эссе и т.д. В целом корпус жанров исторических сочинений эволюционирует от простых форм к более сложным и совершенным.

Жанры далеко не всегда представлены в чистом виде, между ними проходят процессы взаимодействия и взаимовлияния. Например, в мемуары вторгается научное исследование, включаются письма, документы. Научная биография двадцатого века приобрела многие характерные черты монографии, иногда между ними трудно провести линию разделения. Историки масштаба Т. Карлейля, Ж. Мишле, А. Тойнби, сообразуясь с особенностями жанра, в

котором они творят, одновременно раздвигают его границы. Они так богаты, так стремятся сказать нечто новое человечеству, что форма приходит к ним как бы само собой, органично впитывая завоевания предшественников в различных жанрах.

Система изучения историографических источников

Историография новой и новейшей истории изучается на пятом курсе в последнем семестре. Иначе и быть не может, поскольку она должна основываться на овладении фактическим и теоретическим материалом предшествующих курсов, синтезе знаний не только специальных исторических, но и других обществоведческих дисциплин. В то же время это как бы заранее обрекает студентов, изучающих один из самых сложных курсов на поверхностное освоение материала. Ибо невозможно за четыре последних месяца учёбы (да ещё при сосредоточении внимания на завершении дипломных работ) серьёзно познакомиться с её источниками, получить навыки историографического анализа.

Представляется, что студенты должны начать приобщаться к навыкам историографического анализа не позднее, чем на третьем курсе параллельно с изучением зарубежной новой истории, когда они овладевают материалом, позволяющим ориентироваться в общественных процессах современных изучаемому ими историку. Работа должна продолжаться на старших курсах, при этом сложность заданий будет идти по нарастающей степени трудности. На занятиях необходимо создать обстановку, способствующую самостоятельной работе. Преподаватель должен "не подавлять студента набором имён, названий, историографических фактов и событий, школ и течений, а развивать основы историографического мышления и тем открывать путь к самостоятельному овладению подлинной историографической эрудицией".⁹ Небольшая самостоятельная работа (например, грамотно составленная библиографическая справка об историке) часто приносит больше пользы, чем чисто репродуктивное воспроизведение больших объёмов информации, извлечённых из учебного пособия или лекций преподавателя. Разумеется, такой подход требует индивидуализации заданий.

Можно выделить три основных этапа освоения студентами навыков историографического анализа: на третьем, четвёртом и пятом курсах.

На третьем курсе удобнее всего начать освоение элементов историографического анализа при изучении монографий в рамках часов выделенных на самостоятельную работу студентов по дисциплине "Новая история стран Европы и Америки". Студенты выбирают одну из монографий, включённых в список составленный преподавателем. Работа над сочинением историка ведётся по предложенному плану, включающему и группу вопросов историографического анализа. Таким образом, внимание учащихся обращается не только на освоение содержательной стороны книги, но и на особенности труда учёного как историографического источника. Эти вопросы (при условии постоянной консультации со стороны преподавателя и использования рекомендованной им историографической литературы) вполне разрешимы для студентов, впервые сталкивающихся с историографическим анализом.

Первая группа вопросов связана с биографией автора монографии. Студент должен собрать сведения о его жизненном пути и деятельности. Предложенная программа сбора сведений ориентирует студента не просто на изложение событий жизни учёного, но предполагает более глубокий анализ. В вопросы вводятся социологические категории: социализация, стратификация, социальная мобильность, профессиональная карьера, социальный статус, социальное поведение, конформизм, неконформизм, власть, социальный контроль и другие. Это позволяет провести более тонкий анализ взаимоотношений историка и социума, увидеть учёного не только в качестве объекта общественных отношений, но и их субъекта. Введение категорий "социологии жизненного пути" позволяет придать изучению биографий историков большую системность и целенаправленность. Несомненны и воспитательные возможности, открываемые таким подходом при работе со студентами, находящимися в ситуации выбора жизненного пути.

Назовём некоторые вопросы, связанные с изучением биографии учёного:

- социальное происхождение историка. Позднейшие его перемещения в системе социальной стратификации;
- тип образования, полученного историком, оконченные им учебные заведения и их оценка в отношении подготовки к будущей исследовательской работе;
- основные этапы профессиональной карьеры историка, учреждения и организации, в которых он работал;
- политические и идеологические ориентации историка, формы

участия в общественной жизни;

- взаимоотношения историка с властными структурами;
- формы социального контроля над деятельностью историка, возможность выражения им своих взглядов.

Следующая группа вопросов сосредотачивает внимание студента на характеристике труда историка:

- время написания труда;
- причины, вызвавшие создание труда, цели, ставившиеся историком в ходе работы;
- дата, место и обстоятельства первой публикации;
- первое и последующие издания на русском языке, причины их вызвавшие. Издатели,
- переводчики и комментаторы русских изданий;
- библиографическое описание труда историка. Оценка издания с точки зрения требований, предъявляемых к научному изданию;
- жанр исторического сочинения (анналы, хроника, трактат, эссе, монография, статья и т.д.);
- применяется ли цитирование, ссылки на источники. Имеется ли справочный аппарат, чем он отличается от общепринятого в конце XX в.;
- проблема или круг проблем, изучавшихся историком. Факторы, оказавшие влияние на их выбор;
- виды исторических источников, использовавшихся историком. Какие новые источники введены им в научный оборот;
- как можно использовать труд историка в работе учителя (для повышения профессиональной квалификации, в преподавании учащимся).

На четвёртом курсе часть студентов, желающих более углублённо познакомиться с историей исторической науки, занимаются в спецсеминаре "Изучение творческого наследия историков Западной Европы XV - первой половины XIX вв.". Структура спецсеминара, отбор фактического и теоретического материала подчинены двум взаимосвязанным целям. Во-первых, сформировать у студентов системное представление о развитии исторической науки в столетия, когда проходила её институционализация как самостоятельной отрасли знания, показать её этапы, критерии их выделения, смену направлений и школ. Во-вторых, научить некоторым приёмам исследовательской работы в области историографического анализа источников, библиографической эвристики, изучения специальной литературы. Предусматривается

проведение не семинара - репетиториума обычного типа, но моделирующего основные этапы работы исследователя - историографа над источником.

На первом занятии преподаватель называет список имён историков, творческое наследие которых может стать предметом учебного историографического анализа. В него включены выдающиеся учёные, оказавшие глубокое влияние на развитие науки: Н.Макиавелли, Ф.Бэкон, Д.Вико, Ш.Л.Монтескье, Вольтер, Э.Гиббон, И.Г.Гердер, Ф.Шиллер, Ж.Местр, Ф.Гизо. О.Тьерри, Т.Карлейль, А.Тьер, Т.Маколей, А.Токвиль, В.Циммерман и другие. Среди них только те, чьи труды имеются в библиотеках Пскова, так же как и литература им посвящённая.

Студенты выбирают темы. Возможна подготовка одной работы двумя - тремя студентами. При этом соответственно, повышается и уровень предъявляемых к ней требований. Студент может предложить и свою тему, связанную с подготовкой доклада в научном кружке, курсовой или дипломной работ. Она утверждается преподавателем при условии обеспеченности источниками и литературой. Материал, включённый во вводные лекции, посвящён понятийно - категориальному аппарату, применяемому при историографическом анализе, содержит методические рекомендации по его проведению. Студенты знакомятся с особенностями исторической библиографии по проблеме, путями библиографического разыскания, установления необходимых библиографических фактов. Лекции рассчитаны на то, что студенты будут постоянно обращаться к ним при выполнении итоговой практической работы. В ходе работы студенты пользуются методическим пособием, включающим подробную схему - модель историографического анализа. Студент обязан ответить на все предложенные в ней вопросы, а в случае невозможности ответа - изложить пути поиска, причины отсутствия необходимых сведений.

В отличие от третьекурсников участники спецсеминара не получают список сочинений избранного ими историка и литературы, посвящённой его творчеству, Пользуясь алгоритмом поиска, предложенным преподавателем, студенты самостоятельно проводят библиографические разыскания в книжных хранилищах Пскова, составляют список источников и литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом. После проверки руководителем спецсеминара список входит составной частью в итоговую работу.

Поскольку в спецсеминаре преподаватель работает с более

подготовленными студентами, в план учебного историографического анализа дополнительно вводятся и более сложные вопросы:

- привести примеры "скрытой" информации, содержащейся в источнике;
- какую информацию при работе с источником можно извлечь о его авторе (как отражающемся объекте);
- какой методикой и техникой анализа пользовался историк при работе с источниками,
- применял ли он новые подходы;
- что нового внёс историк в развитие науки, его концепция / концепции/, степень её
- оригинальности по сравнению с трудами предшественников;
- принадлежность историка к научной школе, удалось ли ему создать научную школу ;
- влияние трудов учёного на развитие науки, оценка его деятельности последующими историками.

Сдача зачёта проводится в форме собеседования со студентом по подготовленному в письменном виде учебному историографическому анализу, выполненному на основе изучения историографического источника (одного из трудов историка), литературы, посвящённой его творчеству, прослушанных теоретических лекций, работы с методическим пособием.

Усвоенные при работе в спецсеминаре навыки анализа, соответствующим образом скорректированные, могут быть использованы при изучении творческого наследия историков более ранних и поздних по отношению к новому времени периодов истории общества, в том числе и новейшего, в подготовке историографических разделов курсовых и дипломных работ. Открываются возможности смещения центра тяжести на теоретические вопросы в содержании изучаемого позднее курса "Историография нового и новейшего времени". Полезным окажется усвоенный фактический материал, знание особенностей и закономерностей развития исторической науки и в будущей преподавательской работе, особенно в старших классах при введении в урок сведений об историках прошлого.

На пятом курсе при изучении специальной дисциплины "Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки" студенты снова обращаются к работе с историографическими источниками. В читаемый курс включается специальная лекция, посвящённая методике такой работы. В

лекциях, где преподаватель рассматривает творческое наследие отдельных историков, рассказывается о наработанных ими приёмах анализа историографических источников. Приводятся примеры как глубокого исследования источников, так и поверхностной их интерпретации (обычно под влиянием заранее созданной схемы).

На семинарских занятиях каждый студент готовит доклад, посвящённый одному из сочинений выдающегося историка прошлого. Студент должен (насколько это возможно в учебных условиях) изучить историю создания произведения, уяснить, какими путями автор пришёл к успеху. Применяется на семинарах и сопоставление концепций, подходов историков, занимавшихся близкой проблематикой. Например, сравниваются взгляды Т.Карлейля и Ж.Мишле на Великую французскую революцию, Е.В.Тарле и А.З.Манфреда на роль Наполеона в событиях конца ХУ111 - начала Х1Х вв. в Европе. Всячески приветствуется выбор студентами сочинений историков, используемых при подготовке дипломной работы. В этом случае материалы проведённого анализа органически входят в историографический раздел дипломной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник. // Шмидт С.О. Путь историка. М., 1997. С. 185.
2. Биск И.Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: ХУ111 в. - 90-ые годы Х1Х в.). Учебное пособие. Иваново, 1983; Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка. Литературная форма исторического труда. Учебное пособие. Иваново. 1996.
3. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М. 1976; Курносое А.А. К вопросу о природе видов источников. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М. 1977; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория. Метод. История. Источники российской истории. М. 1998.
4. Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976; Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М. 1979; Золотарёв В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Л. 1988; Каганович Б.Г. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб. 1995 и другие
5. Макьявелли Н. История Флоренции. М. 1987; Коммин Ф. Мемуары.

М. 1986; Бэкон Ф. История правления короля Генриха У11. М. 1990; Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.1978; Карлейль Т. Французская революция. История. М. 1991; Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. 1986; Февр Л. Бои за историю. М., 1991 и другие.

6. Данилевский и др. Указ. соч. С. 320 - 321.

7. Кожин В.В. Жанр // Краткая литературная энциклопедия. Т.2. М., 1964. Стлб. 916.

8. Курнос А.А. Указ. соч. С.23 - 24.

9. Неманов И.Н. Некоторые вопросы преподавания историографии новой и новейшей истории в педагогических институтах // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С.173.

М. Ю. Колпаков

ВИДУКИНД КОРВЕЙСКИЙ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Личность историка, его взгляды и пристрастия всегда отражаются в созданных им сочинениях. Политическая концепция автора занимает особое место при оценке работы последующими исследователями. Зачастую неприятие политических воззрений исследователем приводит к негативной оценке труда и выводу о профессиональной некомпетентности автора. Говоря о раннесредневековых источниках, в качестве хрестоматийного примера предвзятого отношения к историку и источнику из-за расхождения политических ориентаций приводят споры немецких исследователей и их французских коллег. Но подобные случаи можно найти и в отечественной историографии. Наиболее показательна оценка Видукинда Корвейского и его «Деяний саксов» (издание в русском переводе - Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975).

Видукинд писал свою хронику «Деяния саксов» в 958-973 гг., в период формирования раннефеодального немецкого государства. В предисловии к первой книге он говорит, что написал свою работу «после первых наших трудов, в которых рассказал о победах высшего повелителя» [1]. Эти произведения до нас не дошли, но Сигеберт из Шамблы и Тритемий называют его автором жизнеописания Оттона I и житий святых Павла, Еремиты, Феклы [2]. Все достоверные данные о личности Видукинда можно получить только из текста его сочинения.

Из того факта, что он работал при аббатах Бово III (900-916), Фолькмаре (917-942), Герберте и Людольфе [3], исследователи делают вывод, что хронист жил приблизительно между 917-973 гг. В предисловии к первой книге, посвященной госпоже Матильде, дочери императора, он пишет: «Видукинд Корвейский, ничтожнейший слуга мучеников христовых Стефана и Вита». Это доказывает его принадлежность к монастырю Новая Корвея. Новая Корвея была основана в 822 г. На территории королевского владения на левом берегу р. Везера, в диоцезии Падеборн, Вестфалия. Такое название монастырь получил в память о монастыре Корвее Старой (Северная Франция, Пикардия, архиепископство Реймс), откуда вышли первые монахи нового

монастыря. В 836 г. Новая Корвея получила реликвии св. Вита из монастыря Сен-Дени (под Парижем). Св. Вит стал патроном Новой Корвеи, в честь него монастырю были даны королевские пожалования и привелегии.

Значительно сложнее обстоит с происхождением хрониста. Существует три основных гипотезы.

1. Видукинд был в близких родственных отношениях с Матильдой и вообще с императорским домом. Аргументация сводится к следующему:

- Свое произведение хронист посвятил дочери императора Матильде [4], а это себе мог позволить человек, который находился в относительно хороших отношениях с правящим домом.
- Хронист отмечает, что ему пришлось наблюдать охоту Оттона I [5], что свидетельствует о близости к окружению короля.

2. Автор «Деяний саксов» - потомок саксонского герцога Видукинда, отдаленный родственник Матильды и одного из сильнейших феодалов - Германа Биллунга и его племянников Экберта и Вихмана.

3. Видукинд - выходец из саксонских светских феодалов, но не столь знатных, о чем свидетельствуют его взгляды и симпатии [6].

Сочинение Видукинда имеет длительную историю изучения в немецкой, чешской, польской историографии. Русская дореволюционная историография использовала отдельные отрывки из «Деяний саксов» в славистических исследованиях. В советской историографии утверждается мнение о Видукинде как неважном историке. Так, по мнению А. Д. Люблинской, «хотя он получил неплохое классическое образование, его нельзя поставить в один ряд с Бедой и Диаконом. По знаниям, интересу, политическому кругозору Видукинд был ограниченнее своих предшественников» [7]. «Его привлекает шум битв, в которых саксонские феодалы одолевают венгров и полабских славян. С каким восторгом он описывает, как в 929 г. саксонское войско сломало защитников славянского укрепления Бранибор голодом, мечом и холодом» [8]. Н. А. Мохов, положивший начало монографическому изучению «Хроники» Видукинда в отечественной исторической науке, все значение «Деяний» сводит к освещению истории полабских славян [9]. Г.Э. Санчук в своих работах старается дать объективную оценку хронисту, но недостаточное разведение его политических взглядов и профессиональной компетентности затрудняет понимание вопроса.

Обратимся к анализу исторического метода Видукинда.

Предмет исследования

Вслед за Иорданом, Григорием Турским, Бедой Почтенным Видукинд пишет о своем народе - о саксах [10]. Главное внимание он уделяет «народной» истории. Следуя средневековой традиции, хронист под словом «народ» понимает «феодалы». Отсюда для него сакс - свободный и знатный член общества, т.е. феодал. Автор отмечает, что пишет историческое произведение [11] и называет свой труд «историей» [12], под которой, как и другие историки средневековья, понимает повествование, в основе которого лежит правда. Не история церкви, а светская история становится для хрониста главным предметом изложения.

Исторический метод

Иногда Видукинд использует прагматический принцип изложения, подчиняя изложение причинно-следственной связи [13]. Но господствующим у хрониста остается традиционный хронологический принцип. Античные и раннесредневековые письменные источники являются для Видукинда главными. Не подлежащим сомнению, вторым по значимости источником, он считает личную осведомленность автора. Критически относится Видукинд к молве, слухам и принимает их, если есть достоверная основа [14]. Для Видукинда обычно характерна ссылка на источник сведений, разделение достоверного и недостоверного [15]. У хрониста можно найти и обычный для средневековых историков этимологический анализ [16].

Влияние античной традиции

Наибольшее влияние на Видукинда (как и на Эйнхарда, Рихера Реймского) оказал Саллюстий. От него заимствуется краткость изложения и средства повествования: ретроспективный экскурс [17], исторический экскурс [18], краткий экскурс и даваемая с помощью его характеристика [19], стремление нарочито подчеркнуть свою политическую нейтральность (дает положительные и отрицательные характеристики мятежникам и

членам императорского дома), хоровая речь [20], вымышленные речи героев [21]. Схема написания биографии Видукиндом также восходит к античной традиции: происхождение и юность; личность и образ жизни; болезнь, смерть, погребение, посмертная слава. Можно отметить еще такие приемы повествования, как драматизация действия, употребление диалога и прямой речи [22]. Кроме того, хронист делает ссылки на Иосифа Флавия и Лукана [23], цитирует Горация [24]. Итак, мы видим у Видукинда характерное для известных историков раннего средневековья широкое использование античной традиции.

Влияние эпической традиции

Традиционно для эпохи обращение Видукинда к приемам героического германского эпоса [25], для которого характерен интерес к внутренним переживаниям героя, трактовка внешних событий через призму психологических переживаний, придание конкретным событиям всеобщего значения.

Влияние средневековой традиции

Видукинд был знаком и с трудами предшествующих историков раннего средневековья. Рассказывая о происхождении гуннов, он использует готские сказания, которые берет у Иордана [26], в рассказе о северных швабах [27] присутствует ссылка на Беду, который заимствовал текст у Григория Турского. Можно отметить и знание «Истории лангобардов» Павла Диакона [28]. Но самое большое влияние на Видукинда оказал Эйнхард, через которого он скорее всего усвоил схему написания биографий, хотя прямые ссылки на Эйнхарда отсутствуют [29]. В качестве источников Видукиндом привлекались корвейские анналы [30], «Саксонская правда» [31], не дошедший до нас закон Генриха I [32]. Кроме того, мы можем найти следы влияния Библии и церковной литературы, но прямых заимствований очень немного [33]. Для Видукинда как историка характерно малое внимание к различным чудесам и знамениям, т.к. он писал светскую историю. Г.Э. Санчук отвергает использование хронистом философско-исторической концепции Августина Блаженного [34]. В «Деяниях саксов» Бог не вмешивается в ход истории, мужество, мудрость и

щедрость героев часто стоят выше христианских добродетелей. Правильнее будет говорить об использовании отдельных положений учения Августина (божественное происхождение королевской власти, божья милость и покровительство участникам событий), которые подчеркивают высокое назначение сильной королевской власти, как орудия осуществления «мира» и распространения христианства.

Итак, казалось бы, после рассмотрения исторического метода хрониста складывается представление о Видукинде как о достойном раннесредневековом историке. Но тут на оценку начинает влиять неприемлемая для отечественных исследователей политическая концепция Видукинда. Он является одним из первых идеологов политики «Дранг нах Остен» и рассматривает экспансию Генриха I и Оттона I на Восток как закономерное явление [35]. Именно поэтому Видукинду не прощаются характерные для большинства раннесредневековых авторов недостатки. Так О.Л. Вайнштейн называет Лиутпранда «самым образованным писателем X века» и «самым блестящим, но и наиболее субъективным из раннесредневековых историков». «Как итальянский (точнее лангобардский) патриот Лиутпранд презирает всех вторгавшихся в Италию, но в отношении немцев, завися от милости Оттона, он очень осторожен в выражениях. Но зато он отводит душу говоря о всех других народах» [36]. Не совсем понятно, почему один считается патриотом и блестящим историком, а Видукинд - националистом и весьма неважным историком. Если взять вторую сторону превосходства саксов над славянами - религиозную, то Видукинд здесь далеко не оригинален. Так в книге IV, главе 46 «Истории лангобардов» Павел Диакон, сообщая о вторжении сарацин в Аквитанию, утверждает, что франки перебили 375000 человек из вражеского войска, потеряв всего 1500 своих воинов. Все это должно было продемонстрировать превосходство христиан над «язычниками», могущество христианского бога и неизбежное торжество «истинной религии» [37]. Можно найти и другие недостатки: иногда чужеродные вставки разрывают повествование [38], Карл Простоватый назван сыном Карла Лысого, а Роберт I - сыном Одона [39].

Подводя итог, необходимо отметить, что некоторые недостатки Видукинда как историка являются типичными для эпохи и перевешиваются очевидными достоинствами (широкое использование античной традиции и предшествующих

средневековых авторов, ссылки на источник, отделение достоверного от недостоверного, попытки употребления прагматического подхода, главное внимание уделено светской истории). И невозможно давать низкую профессиональную оценку Видукинду Корвейскому лишь за неприемлемую для отечественной историографии политическую концепцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Видукинд, предисловие.
2. Санчук Г.Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» (обзор источников) // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 90.
3. Видукинд, I, 15, 30.
4. Видукинд, предисловие.
5. Видукинд, II, 40.
6. Санчук Г.Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» (обзор источников) // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 93.
7. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 92.
8. Вайштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964. С. 139-140.
9. Санчук Г.Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» (обзор источников) // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 99.
10. Видукинд, предисловие.
11. Видукинд, I, 1.
12. Видукинд, I, 8; II, 25; III, 63.
13. Видукинд, III, 28.
14. Видукинд, I, 13, 35; III, 63.
15. Видукинд, I, 3.
16. Видукинд, I, 7, 18.
17. Видукинд, III, 74.
18. Видукинд, I, 34.
19. Видукинд, I, 22.
20. Видукинд, I, 5.
21. Видукинд, III, 46.
22. Видукинд, I, 5.
23. Видукинд, I, 2.
24. Видукинд, III, 29.
25. Видукинд, I, 27, 32.
26. Видукинд, I, 18.

27. Видукинд, I, 13.
28. Видукинд, I, 14.
29. Видукинд, I, 15; II, 36.
30. Видукинд, I, 36; III, 61, 63.
31. Видукинд, I, 14.
32. Видукинд, I, 35.
33. Видукинд, I, 17, 27.
34. Санчук Г.Э. Политические взгляды Видукинда Корвейского // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971. С. 270-273.
35. см. Санчук Г.Э. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального немецкого государства // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
36. Вайштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964. С. 138-139.
37. Там же. С. 95.
38. Видукинд, III, 7-9.
39. Видукинд, I, 16, 28.

К. О. Битюков, М. С. Ерохина

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛАХ ЕВРОПЫ

ЭВ 1996 - 1997 гг. Европейской Ассоциацией учителей истории «Евроклио» и немецким Фондом Кербера был осуществлен международный образовательный проект «Молодежь и история», предусматривающий исследование школьного исторического образования в Европе. Целью данного исследования было выявление особенностей исторического сознания молодых европейцев и сравнение исторического образования в разных странах.

Организаторы проекта постарались представить все европейские регионы, включив в исследование также Турцию, Израиль и Палестину. Всего около 30 стран приняло участие в проекте, в том числе и Россия.

В каждой стране было опрошено от 800 до 1200 учащихся в возрасте 15 лет и около 80 учителей истории. Опросник для учеников включал 48 пунктов, позволявших выявить разные аспекты школьного обучения истории: значимость истории для молодежи, приоритеты в целях изучения истории, наиболее привлекательные аспекты и периоды истории, сформированность исторического мышления учащихся, отношение к разным методам работы на уроках истории и разным средствам обучения. Учителя отвечали частично на эти же вопросы, что позволило сравнить восприятие процесса изучения истории учениками и их педагогами.

Результаты исследования были представлены внушительной базой данных в статистических таблицах и диаграммах (1).

Попробуем на основе этих данных проследить некоторые общие тенденции в развитии исторического сознания молодежи, определить сходства и различия систем исторического образования в различных регионах Европы, оценить место российского школьного исторического образования в европейском контексте.

Отношение учащихся к истории.

Ответы учеников на вопрос «*Что означает для тебя история?*» были сгруппированы по трем позициям:

1) осознание социальной значимости истории (если ученик выбирает ответы: «История показывает причины современных процессов и объясняет их сущность», «Помогает ориентироваться в будущем»);

2) личностная значимость истории (ответы типа «История - это возможность извлекать уроки из ошибок и успехов других», «История - поучительный пример, что есть добро и зло, справедливость и несправедливость», «История - источник переживаний и восторгов, будоражащих воображение»);

3) отвращение к истории (ответы типа «История - школьный предмет и ничего больше», «История - собрание жестокости и бедствий», «История - нечто мертвое, ушедшее, не имеющее отношение к моей жизни»).

В целом у европейской молодежи преобладает первая позиция - понимание социальной значимости истории (примерный средний показатель по пятибалльной шкале - 3,50). Затем следует фактор личностной значимости истории (3,22), но присутствует и позиция «отвращения к истории» (2,7). В России неприязнь к истории намного ниже, чем в среднем по Европе. В этом отношении российские школьники схожи с ребятами из Чехии, Болгарии, Греции, Турции, Португалии и Израиля. Напротив, западноевропейские и скандинавские страны не испытывают к истории глубоких сантиментов. Наибольшее равнодушие и отвращение к истории проявили датчане, голландцы, немцы, шведы, англичане, норвежцы и, что довольно удивительно, словенцы. При анализе ответов на другие вопросы было выяснено, что отсутствие интереса к истории в большей степени характерно для школьников с низкой оценкой по данному предмету, а также для тех, кто не собирается получать высшее образование.

Цели исторического образования.

Ученикам, а также их учителям, предлагалось оценить значимость разных целей изучения истории. Варианты ответа на вопрос «*На что нацелены ваши уроки истории?*» надо было оценить по шкале от 1 (очень мало) до 5 (очень много). Из таблицы № 1 (2) видно, что учителя и ученики зачастую по-разному понимают назначение школьной истории.

Таблица № 1.

Цели уроков истории	Оценка учеников	Ранг у учеников	Оценка учителей	Ранг у учителей
Знание основных фактов	3,61	1	3,99	3
Поддержание национальных традиций и ценностей	3,21	2	3,96	4
Создание ярких образов, исторических представлений	3,12	3	3,83	6
Понимание важности сохранения исторических памятников, реликвий	3,04	4	3,77	7
Объяснение мировых современных и будущих процессов и тенденций	2,93	5	4,20	1
Нравственные оценки и суждения	2,92	6	3,86	5
Осознание мотивов поведения людей прошлого путем реконструкции ситуаций и воспроизведения образа мыслей	2,91	7	3,75	8
Развитие интереса к истории, очарования и радости познания	2,78	8	4	2

Наиболее значимым для учеников представляется приобретение знаний об исторических фактах. Особенно ярко это стремление к знанию фактов выражено у школьников Чехии и России. Вплотную

за ними следуют Греция и Португалия. С преподаванием истории в этих странах российское историческое образование роднит и широкое использование нравственных оценок. Для западных же стран внимание к воспитательному потенциалу истории мало характерно.

Выделяется группа стран, где среди целей исторического образования прежде всего ценится не знание фактов, а поддержание национальных традиций и ценностей в обществе. Это Греция, Турция, арабский Израиль, Палестина. В наименьшей степени эта целевая установка привлекает скандинавские страны и такие западноевропейские страны, как Бельгию, Голландию, Францию, Германию. Российские школьники близки к средневропейскому уровню (примерная оценка -3), хотя их учителя высоко оценивают задачу поддержания национальных традиций и ценностей (4,2).

Методика преподавания истории.

Отвечая на вопрос «*Что обычно происходит на ваших уроках?*», ученики и учителя должны были оценить использование разных видов познавательной деятельности по шкале от 1 (очень редко) до 5 (очень часто) (3).

Таблица № 2

Виды деятельности на уроках	Оценка учениками	Ранг у учеников	Оценка учителями	Ранг у учителей
Работа с учебниками	3,65	1	3,49	1
Рассказ учителя	3,43	2	3,49	2
Обсуждение разных проблем	3,10	3	3,39	3
Объяснение учителем, что хорошо, а что плохо	3,00	4	3,06	5
Изучение исторических источников, документов	2,69	5	3,36	4
Пересказ и интерпретация истории самими учениками	2,32	6	2,62	6
Использование аудио - визуальных средств обучения	1,87	7	2,46	7
Активные формы (ролевые игры, проекты, музеи)	1,59	8	2,23	8

В целом представления учеников и учителей о наиболее распространенных и редко используемых в школьной практике методах обучения совпадают. Однако, учителя считают, что они чаще применяют работу с источниками и аудиовизуальными средствами, а также активные формы обучения (ролевые игры, проекты), чем это представляется их ученикам.

Анализ данных по странам позволяет выявить два подхода в преподавании истории в Европе. С одной стороны, это традиционный подход, при котором ученик является объектом обучения - слушает рассказ или объяснение учителя. С другой стороны, более современный подход ориентирован на активную самостоятельную познавательную деятельность школьников - изучение источников, участие в ролевых играх, проектах. В целом в европейском историческом образовании преобладают традиционные методы обучения. Однако, можно сделать вывод и о становлении новой модели исторического образования в нескольких регионах - прежде всего, в Англии и Шотландии, частично - во Франции, Испании, скандинавских странах. Так, в Англии редко используется рассказ учителя (показатель-2,16) или его объяснение (1,72), а главным методом обучения становится работа с историческими источниками.

Обращает на себя внимание схожесть методики обучения в так называемых пост-социалистических странах (Россия, Польша, Чехия, Украина, Болгария, Эстония, Литва). Здесь ученики преимущественно на уроках истории «слушают рассказ учителя». В Польше показатель частоты использования данного метода - 4,33, в Чехии - 4,24, в России - 4,01 (можно сравнить со средним европейским показателем по таблице № 2).

Средства обучения истории.

Исследование позволяет выявить не только частоту использования разных средств обучения на уроках истории, но и отношение учеников к ним как источникам информации (вопросы «*Каким источникам информации вы доверяете?*», «*Работа с какими источниками доставляет вам удовольствие?*»).

По результатам опроса наиболее распространенными источниками исторической информации являются учебник и рассказ учителя, однако эти же источники наименее популярны у учеников. Школьники прежде всего доверяют музейным

экспонатам, историческим документам, аудиовизуальным источникам, и только потом - рассказу учителя, учебнику и художественным произведениям.. Удовольствие ученики получают от художественных исторических фильмов, посещения музеев, чтения романов, аудиовизуальных источников.

В России учебники на уроках истории используются активнее, чем в большинстве восточноевропейских стран. Однако, с другой стороны, российские школьники не доверяют учебникам, и, что интересно, доверяют им меньше, чем историческим романам. По сравнению с другими странами наши школьники получают больше удовольствия и радости от использования разнообразных источников, в том числе и документальных.

Интересы школьников.

Школьникам предлагалось оценить свой интерес к разным аспектам и периодам истории. Учителя также оценивали интересы своих учеников, но их предположения во многом расходились с мнением ребят. Европейские школьники предпочитают изучать современный период (после 1945 г.), хотя их учителя этот интерес недооценили. Учителя склонны преувеличивать желание учеников изучать такие темы, как «жизнь королей и других знаменитых людей», «повседневная жизнь», «развитие демократии». Проблемы демократии интересуют только школьников из Болгарии, Греции, Турции, Палестины и Португалии. Особенно большой разрыв в представлениях учителей и желаниях учеников по вопросу изучения развития демократии обнаружился в Эстонии, Литве, Украине, Чехии и Словении. Российские учителя адекватно оценили невысокий интерес своих учеников к этой исторической проблеме. В то же время европейские школьники проявили большой интерес к «истории семьи», чего не предполагали учителя Эстонии, Литвы, Украины, Чехии, Франции. Российские учителя также недооценивают интерес своих учеников к семейной истории.

Сформированность исторических знаний учащихся.

Предложенный тест для проверки исторических знаний учащихся представляется довольно простым: надо было *расположить в правильной хронологической последовательности исторические события, экономические процессы и образы прошлого (типы кораблей и фасоны одежды).*

Самые высокие результаты показали школьники Чехии, а также России, Италии, Франции. Не оправдала себя британская модель образования: сформированность хронологических знаний у английских школьников оказалась низкой.

Историческое мышление школьников.

Исследование включало задание на проверку исторической эмпатии - степени «проникновения» в историческую эпоху: *«Представь себе, что ты - молодой человек (юноша/девушка), живущий в 15 веке. Твой отец принуждает тебя жениться (выйти замуж) на дочери (за сына) сравнительно богатого крестьянина из соседней деревни. Ты не любишь и даже по-настоящему не знаешь своей будущей жены (мужа). Как бы ты поступил в той ситуации?»* Подавляющее большинство школьников не согласилось подчиниться отцу, мотивируя это современными категориями прав человека, гуманизма, законности. Тем самым ученики проявили неумение понять логику действий и мышления людей прошлого, исходя из норм и ценностей того времени. В большей степени оказалась развита историческая эмпатия у школьников Голландии и Великобритании, в меньшей - в Греции и пост-социалистических странах, в том числе и России.

Блок заданий касался осознания учениками идеи прогресса. Во-первых, ученикам предлагалось выбрать графическое изображение, отражающее их представление о *характере изменений* в жизни общества:

- 1) развитие идет к лучшему, более совершенному (луч, направленный вверх);
- 2) ничто в сущности не меняется (горизонтальная прямая);
- 3) развитие идет в худшую сторону (луч, направленный вниз);
- 4) все повторяется (горизонтально расположенная спираль);
- 5) развитие общества имеет свои спады и подъемы (волнистая линия).

Самый высокий процент школьников, признающих прогресс, оказался в Португалии и составил только 40%. В России всего 8% школьников согласны, что изменения идут к лучшему. Большинство европейской молодежи представляет исторический процесс как чередование подъемов и спадов. Однако, в России не больше 30% опрошенных школьников придерживаются этой точки зрения, а большинство (55%) считает, что все в истории повторяется.

Далее следовали два вопроса: «Какой была жизнь в вашей стране 40 лет назад?» и «Какой вам представляется жизнь в вашей стране в будущем, через 40 лет?». Ученикам надо было оценить степень вероятности предложенных характеристик по пятибалльной шкале. Сравнительные данные ответов на эти два вопроса представлены в таблице №3 (4).

Таблица № 3

Характеристики жизни общества	В прошлом	В будущем
Загрязнение окружающей среды	2,57	4,02
Перенаселение	2,37	3,37
Демократизация	2,73	3,50
Богатство, благосостояние	2,48	3,06
Экономические конфликты	2,97	3,18
Этнические конфликты	2,90	3,08
Мир	2,90	2,94
Политическое вмешательство	2,91	2,63

Данные таблицы показывают, что европейская молодежь осознает нарастание угрозы экологического и демографического кризисов, экономических и этнических конфликтов, однако верит в развитие демократии и благосостояния. Менее оптимистичны в своих прогнозах (особенно относительно благосостояния) школьники некоторых бывших социалистических стран - Венгрии, России, Польши, Украины, Болгарии, а также Португалии и Испании.

По такому же принципу ученикам надо было оценить факторы, влияющие на развитие общества сейчас и в будущем. Для современности получился следующий ряд факторов (по степени убывания значимости): наука и техника, войны и вооруженные конфликты, социальные движения и конфликты, политические реформы, экологический кризис, стихийные бедствия, политические революции, экономическая конкуренция, философы и ученые, миграции и т.д. В будущем школьники предполагают уменьшение роли политических революций и политических реформ, философии и религии, социальных движений и конфликтов, а увеличение влияния экологического кризиса, стихийных бедствий и экономической конкуренции.

Таким образом, косвенные вопросы показывают, что школьники осознают изменчивость общества, могут проследить основные тенденции развития истории.

Проблемы учителей истории.

Почти для всех европейских стран характерно отрицание учителями истории давления со стороны администрации с целью изменить содержание образования. Россия в этом плане не исключение. Наиболее сильное административное давление учителя чувствуют, как это ни покажется странным, в Великобритании. Исследователи связывают это прежде всего с введением в школах Альбиона нового учебного плана и изменением целей исторического образования.

Российские учителя истории своими основными проблемами считают низкую заработную плату и нехватку дидактических материалов, причем эти две проблемы, судя по результатам исследования, имеют в сознании учителей практически одинаковый вес. В отношении недовольства низкой заработной платой российские учителя схожи с восточноевропейскими и португальскими. В Западной Европе уровень доходов учителей сравнительно высок. Учителя Норвегии, Дании, Германии, Бельгии, Шотландии отрицают наличие такой проблемы.

В ответах учителей по вопросу о возможности повышения своей квалификации не наблюдается каких-либо определенных сходств по регионам. Так, исландские, датские и шведские учителя истории заявляют об определенной нехватке возможностей повышения квалификации, в то время, как их соседи - финны, немцы, бельгийцы - такую проблему отрицают. Возможности российских учителей истории в повышении образования даже несколько выше, чем в среднем по Европе, хотя и не столь благоприятны, как считают чешские и французские преподаватели.

Проблема нехватки времени на подготовку к занятиям также варьируется в зависимости от ситуации в конкретной стране. Больше всех этот вопрос волнует британских учителей в связи с введением уже упоминавшегося выше нового учебного плана, а также учителей Греции, Франции, Исландии и Голландии. В России эта проблема также существует, хотя и ставится не так остро, как в вышеназванных странах.

За исключением испанских и израильских преподавателей, учителя истории не жалуются на отсутствие интереса учеников к истории. Корень дидактических проблем они видят скорее видят в недостатке учебных часов, отведенных на историю в школе. Особенно сильно сетуют на эту нехватку учебного времени учителя Голландии, Италии, Бельгии, Чехии, Венгрии. Российские учителя

на большее количество часов не претендуют, так же как это делают испанские и британские учителя.

Религиозные и политические убеждения учителей.

Религиозные убеждения учителей являются прямым отражением ментальной карты Европы. Низкий уровень религиозных убеждений виден в секуляризированных и в основном протестантских Скандинавии и Западной Европе. В России также значимость религиозных убеждений для учителей истории ниже, чем в среднем по Европе. Значительно более важное место отводят религии в мусульманских и католических странах (Литва, Польша, Италия), а также в православной Греции.

Что касается политических убеждений, то, по данным исследования, учителя западноевропейских стран - Германии, Великобритании, Бельгии, Дании - значительно больше интересуются политическими проблемами, чем их восточноевропейские коллеги. Российские учителя в этом схожи с украинскими, эстонскими, болгарскими. Любопытно, что наиболее аполитичны учителя Польши и Венгрии.

Важным аспектом является и то, что учителя большинства европейских стран относят себя к прогрессивному, а не консервативному крылу политического спектра. Наиболее прогрессивными по своим убеждениям себя считают учителя Испании, Франции, Великобритании, Греции, Голландии, Венгрии. Единственной европейской страной, где большинство учителей истории по убеждениям - консерваторы, оказалась Чехия. Политические убеждения российских учителей в целом носят прогрессивный характер, по степени консервативности они вторые в Европе после чехов.

Попробуем проследить влияние политических убеждений учителей на другие ответы в ходе исследования. Как правило, более консервативные учителя меньше интересуются политикой, а, в большей степени - религией. В своем преподавании они больше используют устный рассказ и, в меньшей степени, - исторические источники. Соответственно они менее концентрируются на объяснении положения современного мира и воспитания у учеников уважения к демократическим ценностям. Однако, национальным традициям и охране исторических памятников они уделяют не больше внимания в своем преподавании, чем учителя с прогрессивными убеждениями. Наконец, консервативность

учителей сказывается и на их меньшей убежденности в будущем влиянии научного прогресса, демографических и экологических процессов на жизнь человечества. Большинство подобных корреляций ожидаемо, однако взаимосвязь между политическими убеждениями и подходами в преподавании не является очень заметной.

Интересно, что политические убеждения учителей в малой степени совпадают с политическими взглядами их учеников. А вот уровень значимости религии для учеников близок к уровню религиозности учителей в той же стране.

Итак, впервые в Европе было осуществлено межнациональное исследование по проблемам исторического школьного образования. Результаты позволили выявить сходства и различия преподавания истории в разных регионах. На основе полученных данных была предпринята попытка сгруппировать страны, объединив имеющие схожие черты в системах исторического образования (5). Получилось несколько групп стран.

Россия относится к группе восточноевропейских стран (Украина, Польша, Болгария, Хорватия). Сюда же были отнесены и прибалтийские страны, т.к. выявилось много общего в системе исторического образования в бывших социалистических странах.

Во вторую группу вошли страны Восточной Центральной Европы (Венгрия, Словения, Чехия), хотя Чехия явно тяготеет и к современным западным подходам.

Третью группу составили Скандинавские страны (Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия), а также Голландия, Бельгия и Германия. Возможно, сказалась схожесть таких черт, как небольшие размеры государств, морское положение, высокий уровень индустриализации, преобладание протестантской ментальности.

Историческое образование Великобритании стоит особняком и составляет отдельную группу. Это наиболее инновационное обучение, ориентированное не на знания, а на развитие исторических умений школьников. На уроках преобладает работа с первоисточниками, хотя она уже и не вызывает, как оказалось, наслаждения учеников.

Пятую группу составили арабы в Палестине и Израиле, но по некоторым позициям они могут быть присоединены к постсоциалистическим странам.

В шестую объединили Грецию и Турцию, в седьмую - Италию, Испанию, Португалию.

А вот Франция и Израиль имеют больше общего с северо-западными странами, чем с южными. Но в целом своеобразие исторического образования в таких странах, как Чехия, Франция и Израиль вызывает стремление выделить их в отдельную, восьмую группу.

Наиболее яркие различия проявились между постсоциалистическими странами и странами с давно установившейся рыночной экономикой, а также между модернизированными западными странами и традиционными обществами (Турция, Палестина, Греция, Португалия). При этом невозможно выделить более эффективные, лучшие системы исторического образования и «отстающие», худшие. В разных подходах есть свои плюсы и минусы.

Среди общеевропейских проблем школьного преподавания истории можно выделить такие, как преобладание традиционных объяснительных методов обучения в ущерб активной познавательной деятельности школьников; необходимость обновления учебников истории, которые представляются школьникам скучными и догматичными; недостаточное внимание к развитию исторической эмпатии, осознания учениками специфики образа жизни и мыслей людей других культур и времен. Исследование обнаружило и ряд типичных заблуждений учителей относительно интересов и желаний своих учеников. Урок истории глазами учителей и глазами их учеников зачастую выглядит поразному. Вероятно, надо совершенствовать «обратную связь» с учениками, больше ориентироваться на их потребности, что позволит стимулировать внутреннюю активность школьников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Youth and history: a comparative European survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents/ Magna Angvik and Bodo von Borries (eds.) - Hamburg: Korber-Stiftung. Vol. A, B.- 1997.
2. The state of history education in Europe: challenges and implications of the «youth and history» survey / Ed. by Joke van der Leeuw-Roord. - Hamburg: Ed. Korber-Stiftung. 1998. P.108.
3. Там же. С. 105.
4. Там же. С. 127.
5. Bodo von Borries. What were we looking for and what we find? Interesting hypotheses, methods and results of the Youth and History survey// In.: The state of history education in Europe: challenges and implications of the «youth and history» survey. Hamburg. 1998. P. 47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Курского государственного педагогического института (Курск).

Антипов Владимир Сергеевич - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Битюков Константин Олегович - кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Дмитриев Владимир Алексеевич - ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Ерохина Марина Сергеевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Никоин Исаак Константинович (1908-1984) - академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и шести Государственных премий СССР, работал заместителем директора Института атомной энергии им. И.В.Курчатова Российской академии наук (Москва).

Колпаков Максим Юрьевич - ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Королев Александр Евгеньевич - научный сотрудник Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника (Псков).

Королева Татьяна Владимировна - аспирант Ивановского государственного университета (г. Иваново).

Кускова Светлана Витальевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института (Псков).

Митин Валерий Владимирович - ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Назарова Евгения Львовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва).

Павлов Алексей Владимирович - аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург).

Попова Ольга Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Пьянков Игорь Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород).

Филимонов Анатолий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (Псков).

Шведова Надежда Александровна - доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (Москва).

Щеголихина Светлана Николаевна - кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Метаморфозы истории

Альманах

Выпуск 2

Издательская лицензия ИД №06024 от 09.10.2001 года.
Подписано в печать 26.04.2002 г. Формат 60x90/16.
Объем издания в усл.печ.л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ 77.

Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, пл. Ленина, 2.
Редакционно-издательский отдел ПГПИ им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, ул. Советская, 21, телефон 2-86-18.